

Даме

II ЛЕВ ДАМЕШЕК ИЗБРАННОЕ

ЛЕВ
ДАМЕШЕК

Избранное

Том II

Сибирь в системе
имперского регионализма
(1822–1917 гг.)

 РОССИЯ
ДВУХ АЗИАТСКАЯ

Лев Дамешек

А **РОССИЯ**
А **ЗИАТСКАЯ**

Л.М. Дамешек

Избранное

В трех томах

Главный редактор
академик РАН *Б.В. Базаров*

Главная редакционная коллегия:
д.и.н., профессор *Ю.М. Гончаров*,
д.и.н., профессор *В.П. Зиновьев*,
д.и.н., профессор *А.А. Иванов*,
д.и.н., профессор *Л.В. Курас*,
д.и.н., профессор *Н.П. Матханова*,
д.и.н., профессор *М.В. Шиловский*.

Лев Дамешек
Ирина Дамешек

Избранное

Том II

Сибирь в системе
имперского регионализма
(1822–1917 гг.)

ОЛТИСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

2018

УДК 947.05
ББК 63.3(253.5)
Д 16

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Администрация города Иркутска
Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова

Научный редактор:
д.и.н., профессор М.В. Шиловский

Рецензенты:
д.и.н., доцент Л.В. Кальмина
д.и.н., профессор А.П. Толочко

Д 16 Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): Монография. Издание второе, испр. и доп. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 416 с.

Предметом исследования в монографии докторов исторических наук Л.М. и И.Л. Дамешек является окраинная политика Российской империи в XIX – начале XX вв. В книге дается анализ положения окраин в системе внутренней политики государства, при этом основное внимание отведено определению места Сибири в российском механизме власти. В этой связи исследуются взаимоотношения центральных и местных органов власти по управлению регионом (в том числе региональная специфика российского законодательства, особые органы регионального управления, институт генерал-губернаторской власти), рассматриваются специфические местные составляющие системы управления сибирской окраиной: губернская администрация, управление сибирскими «инородцами», вопросы взаимоотношения православной церкви и народов Сибири, управление каторгой и ссылкой, областническое движение как проявление сибирского самосознания.

Редакционная коллегия приносит огромную благодарность мэру Иркутска Д.В. Бердникову за поддержку и пропаганду исторического наследия и культурной среды города

ISBN 978-5-6040406-5-2
ISBN 978-5-6040406-7-6

© Л.М. Дамешек, 2018
© И.Л. Дамешек, 2018
© Изд-во «Оттиск», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шиловский М.В. От редактора	7
<i>От авторов</i>	<i>8</i>
<i>Введение</i>	<i>11</i>
<i>Источниковый анализ.</i>	<i>21</i>
ГЛАВА I. Российские окраины в системе внутренней политики империи	51
1. Понятие окраины. Типологические сходства и различия	51
2. Роль этнического и природно-географического фактора в окраинной политике	76
3. Имперская модель управления окраинами . . .	87
ГЛАВА II. Высшие имперские институты власти и Сибирь.	110
1. Место Сибири в системе социально- экономических процессов империи	110
2. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма	128
3. Особые комитеты как органы управления окраинами империи	150
4. Сибирские генерал-губернаторы как институт власти и его особенности	195
ГЛАВА III. Региональный компонент управления.	256
1. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания	256
2. Губернская администрация. Компетенция, механизм и особенности функционирования	282

3. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти	312
4. Управление каторгой и ссылкой как специфическая функция местных политических институтов власти	365
Заключение	405

От редактора

Уважаемый читатель! Предлагаемая Вашему вниманию очередная монография Л.М. Дамешека из хорошо известной серии «Азиатская Россия» занимает особое место в творческом наследии историка. В ней на четырехстах страницах текста автор последовательно изложил свои взгляды на такие важные в методологическом отношении вопросы российской исторической науки, как понятие окраины, их типологическое сходства и различия, имперские модели управления окраинами. Естественно, что основное внимание в монографии профессор ИГУ уделил Сибири. При этом выясняется место ее в процессах социально-экономического развития империи, особенности имперского законодательства в Азиатской России, особые органы управления окраинами и институт генерал-губернаторской власти. Очень рельефно выглядит анализ регионального компонента власти – губернской администрации и ее компетенции, управления каторгой и ссылкой и сословием сибирских инородцев как совершенно специфической функции сибирской администрации.

М.В. Шиловский

От авторов

Со времени появления первого издания этой книги прошло немало времени. За последние 15–20 лет отечественная историческая наука сделала большой шаг вперед. Это выразилось, в частности, во введении в научный оборот больших массивов ранее неизвестных и не до конца осмысленных предшественниками исторических источников, в появлении новых монографических исследований, выполненных с учетом достижений исторических школ стран СНГ, в проведении открытых дискуссий по спорным, но общественно значимым историческим проблемам. В числе одной из наиболее обсуждаемых историописателями проблем стали вопросы об оценке расширения территории и складывания многонационального государства, причинах, последствиях, роли, факторах территориальной экспансии России, возникновении национально вопроса и т. д. С учетом важной исторической особенности складывания Российского государства – диполя Европа-Азия – одно из центральных мест в этих дискуссиях приобрела проблема положения окраинных территорий в составе империи, заселенных зачастую нерусскими народами с отличными от русского населения хозяйственным укладом, менталитетом, религиозными, бытовыми и иными традициями. Это выдвигало перед властным Петербургом важную проблему консолидации империи вокруг самодержавия, предотвращения центробежных процессов, а в конечном итоге устойчивости политических институтов власти. Проблема властного освоения окраин, географии самодержавной власти в оценке современников приобрела не только чисто научную, но и общественную значимость¹.

¹ Пространство власти. Исторический опыт России и вызовы современности. Московский общественный научный фонд. М., 2001. 511 с.; Российская

В этой связи обращает на себя особенное внимание серия «Окраины России»², сибирский том которой, несмотря на более чем десятилетнюю историю со времени издания, остается одной из самых цитируемых книг отечественного сибиреведения³. Достоинством работы является рассмотрение истории Сибири как совершенно неразрывной составной части России, региона, где формировались и оттачивались принципы имперского регионализма, во многом обеспечивающие многовековую устойчивость Российского государства. Авторы – а это ученые ведущих университетов Сибири – Иркутска, Новосибирска, Омска, Томска – экстраполировали себя как истинные государственники, объединенные идеей единства российского государства через политическую, экономическую и социокультурную интеграцию Сибири в империю. В неразрывной связи с вышесказанным находятся и результаты престижных международных и всероссийских научно-практических конференций, проведенных в последние десять лет в различных университетских и академических центрах Сибири и сопредельных с ней странах – Китае, Монголии, на которых обсуждались вопросы приграничной политики России, в том числе по отношению к нерусскому населению окраин государства⁴, проблемы экономического, демографического и

империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 470 с.

² Западные окраины Российской империи. Новое литературное обозрение. М., 2006. 605 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи. Новое литературное обозрение. М., 2007. 460 с.; Центральная Азия в составе Российской империи. Новое литературное обозрение. М., 2007. 464 с.

³ Сибирь в составе Российской империи. Новое литературное обозрение. М., 2007. 362 с.

⁴ Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность // Transfrontier Cooperation and Foreign Economic Activity: History and Contemporarity : материалы Междунар. науч. конф. Чита (Россия) – Маньчжурия (Китай), 11–15 окт. 2011 г. Чита, 2011; Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. и геополитическая ситуация на Дальнем Востоке // Siberian Reform of 1822 of M.M. Speransky and Geopolitical Situation in the Far East // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки = Cross-border Cooperation and Foreign Economic Activity: Historical Aspect and Contemporary Opinions : материалы Междунар. науч. конф. Чита, Забайкал. край, Рос. Федерация – Эргуна, Автоном. р-н, Внутр. Монголия,

культурного развития Азиатской России⁵, ее сотрудничества с сопредельными странами.

Все это позволяет сегодня исследователям гораздо шире, чем это делалось ранее, поставить вопросы о сущности политики имперского регионализма как одной из важных составных частей внутренней политики самодержавия в целом, его особенностях и компонентах, провести компаративный анализ этой политики с учетом результатов исследований коллег из сопредельных стран и на основе широкого круга источников.

Л. Дамешек,
И. Дамешек

Кит. Народ. Респ., 22–27 нояб. 2012 г. Чита, 2012. С. 39–43; Первая мировая война и сибирские «инородцы» // GRSS-BORDER: historical events and modern: papers of Intern. sci. conf. dedicated to the 75 anniversary of the victory on the Khalkin-Gol River. Sept., 17–18, 2014. Чита, 2014. Chap. 2. P. 117–124.; Дамешек Л.М. Первая мировая война и сибирские «инородцы» // GRSS-BORDER: historical events and modern: papers of Intern. sci. conf. dedicated to the 75 anniversary of the victory on the Khalkin-Gol River. Sept., 17–18, 2014. Чита, 2014. Chap. 2. P. 117–124.

⁵ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Крестьянская колонизация как способ инкорпорации сибирских аборигенов в Россию на рубеже XIX–XX вв. // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики : материалы регион. науч. конф. Омск, 24–25 дек. 2013 г. Омск, 2013. С. 99–108; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Национальные окраины в системе внутренней политики Российского самодержавия XVI–XX в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.) : материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 28–29 нояб. 2016 г. Новосибирск, 2017. С. 381–387; Дамешек Л.М. Россия и народы Сибири в меняющемся пространстве империи: исторический опыт инкорпорации // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 171–176; Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи во второй половине XIX в. Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 314–323; Три Иннокентия : материалы Шестых Всерос. Сибиряковских чтений. Иркутск: «Оттиск», 2017. 388 с.

Введение

Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных наук – историками, юристами, географами, политологами и др. – позволил вынести на обсуждение общественности сложные комплексные проблемы, решение которых невозможно не только в рамках одного научного направления, но диктуется практическими потребностями разработки парадигмы взаимоотношений регионов и метрополии в масштабах государства. Строго говоря, проблема эта не нова. Она стояла перед самодержавием на протяжении всех трехсот лет существования романовской империи и, как представляется, существует и сегодня. Объясняется это как особенностями исторического развития, так и геополитического строения российской государственности – ее евразийско-азиатским строением, огромной протяженностью расстояний, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями... Не последнюю роль в этом процессе играли время и способы включения нерусских народов в состав России. Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционный диполь Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов федерации, сохраняющиеся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» – все это выдвигает перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этом смыс-

ле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным. Что касается политического подхода к проблеме, то представляется, что взгляд на нее через призму политики так же правомерен, как через призму философии, религии, культуры и т. д. Политический аспект предпринимаемого исторического исследования предполагает как комплексный подход с использованием результатов смежных гуманитарных наук, так и компаративный анализ изучаемых процессов. Именно такой подход к оценке проблемы становления и развития российской государственности на всех этапах ее истории позволяет в совокупности представить общие закономерности и особенности ее территориального, этнического устройства, а в конечном итоге эволюцию форм государственного управления, политических институтов и структур власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 по 1917 г. Выбор нижней хронологической границы объясняется введением в 1822 г. «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского, ставшего не только первым в России, но и наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX вв. и опередившего общероссийскую кодификацию на десять лет. Расширение территории государства в первой половине XIX в. и, как следствие, усложнение внутривнутриполитических задач выдвигали перед правительством требование поиска оптимальных путей инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами империи, т. е. находилось в русле общегосударственной политики.

Конечная дата исследования – февраль 1917 г. – время крушения империи и связанных с ней политических институтов власти и управления. Выделение такого

хронологического периода позволяет, как представляется авторам, проследить динамику развития имперских процессов на окраинах государства, выявить их наиболее характерные и специфические черты, выделить основные этапы развития политики имперского регионализма.

Территориальные рамки монографии охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. В то же время идеология компаративизма в исторических исследованиях, исповедуемая авторами, повлекла необходимость привлечения и анализа материала, относящегося не только к Сибири, но и другим окраинам империи. В данном случае такими окраинами стали Дальний Восток – на востоке, Польша – на западе, Финляндия – на северо-западе и Кавказ – на юге.

Предметом исследования является правительственная политика по отношению к окраинам государства, но главное внимание сконцентрировано на Сибири. Приоритетное значение уделяется правительственным поискам путей инкорпорации зауральских территорий в экономическое, административно-политическое и социокультурное пространство империи – с одной стороны, и отражению в этой политике общих для империи региональных особенностей управления окраинами – с другой.

Исходя из этого, определялись и основные цели исследования:

- определение и характеристика типов и моделей управления окраинами империи, их компаративный анализ; изучение роли этнического и природно-географического фактора в окраинной политике;

- изучение деятельности высших институтов государственной власти в регионе, соотношения в ней им-

перских черт и регионализма (место Сибири в системе экономических и социальных процессов империи, государственно-правовая политика, особые органы управления, институт генерал-губернаторской власти);

– изучение особенностей функционирования регионального компонента управления – функции и механизм деятельности губернского уровня управления, судьбы сибирских «иностранцев» в имперской стратегии власти, управление каторгой и ссылкой как специфическая особенность деятельности региональных институтов политической власти.

Важной задачей авторов стало четкое определение понятийного аппарата, без чего было бы невозможно изучение избранной проблематики. Это замечание касается прежде всего таких дефиниций, как «окраина», «империя» и «регион».

Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями в уровне экономического развития.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства⁶. Действительно, отдельные

⁶ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Феодализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 26–31.

особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, но внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала в ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством⁷. Однако по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу великого московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную границу между Русским государством и Сибирским ханством⁸. Инициатива объединения русских земель могла исходить из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно вырабатывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали понимать не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении земли. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебныхниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 136–139.

⁸ Устюжский летописный свод. М., 1954. С. 94.

термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»⁹. С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России стала складываться только в XVIII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» Русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще не покоренных кочевников. Правительство сознавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от центра по мере расширения территории российского государства, колонизации окраин.

Советские исследователи не раз пытались определить содержание дефиниции «окраина». Особенно много писал на эту тему известный исследователь истории Сибири Л.М. Горюшкин. Оценивая вклад этого историка в разработку интересующего нас понятийного аппарата, необходимо учитывать, что основные работы Л.М. Горюшкина были опубликованы в середине 70-х – 80-х гг. XX в., когда основы ленинской методологии в СССР казались незыблемыми. Как известно, В.И. Ленин относил к окраинам «незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»¹⁰. Основываясь на этом положении, Л.М. Горюшкин отнес Сибирь к окраинам России конца XIX в. В то же время он высказал суждение о том, что «отнесение к окраинам ...уже заселенных и вовлеченных в «земледельческую культуру» ...Царства Польского ...начала XIX в. представляется ошибочным»¹¹. Однако сомнительно, чтобы степень заселенности и земледельческого освоения являлась основным критерием для определения понятия «окраина». Вряд ли это так. Используемый автором региональный подход к изучению проблемы позволяет утверждать, что история выстраи-

⁹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 1.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 565.

¹¹ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

вания отношений различных земель, входивших в состав империи, с центром отнюдь не сводится к земледельческому освоению, заселению и уж тем более к колониальной эксплуатации. Это и еще и очень длительный и сложный процесс инкорпорации этих территорий в единую административно-политическую, правовую системы и социокультурную жизнь государства. Присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит¹². Изучение конкретно-исторического материала свидетельствует о том, что вслед за присоединением перед правительством вставала проблема властного освоения этих земель, а решение проблем хозяйственного обустройства отодвигалось на второй план. Но в силу уже отмеченного нами существенного различия новых земель процесс и методы их хозяйственного и властного освоения не были одинаковыми. Так зарождались «особенные правила» взаимоотношения с новыми окраинными территориями, которые в каждом конкретном случае имели как общие, так и индивидуальные особенности. По мере упрочения самодержавия во внутренней политике начинает четко прослеживаться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных территорий. На примере Сибири этот процесс в конечном итоге вылился в эволюцию этой колониальной окраины в периферийную часть государства.

Таким образом, отметим, что определение окраин как «незаселенных, или не вполне заселенных, не вполне вовлеченных в земледельческую культуру земель»¹³ может

¹² Подробнее о значении фактора «рубежа» в истории см.: Агеев А.Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и Сибирский фронт: Материалы Международной научной конференции, 4–6 сентября 1996, г. Томск, 1997. С. 30–36; Он же. Движение России на Восток и США на Запад (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Москва, Иркутск; Гэгу, 1997. Кн. 2. С. 18–23.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 565.

быть верным лишь отчасти, поскольку касается только хозяйственной стороны процесса инкорпорации окраинных территорий и совершенно не учитывает административные, правовые, социокультурные аспекты, иными словами, отрывает политику от экономики. Ниже в специальном разделе мы подробно остановимся на понимании дефиниции «окраина», сейчас же отметим следующее. В монографии основное внимание уделяется изучению окраинной политики империи, которая рассматривается на региональном уровне. Это один из наиболее принципиальных подходов автора к изучаемой проблеме. Не касаясь споров о понятии «регион», подчеркнем, что под «регионом» подразумевается не административное или политическое образование, а прежде всего исторически сложившаяся социально-территориальная, географическая общность, на территории которой могут существовать свои субъекты с присущим им административным устройством. В этом смысле Сибирь представляла собой единый регион, состоящий из четырех губерний и двух областей. Административно-территориальное деление любого государства основывается на узловом принципе районирования – «центр – периферия»¹⁴. В унитарном государстве, каковым была Россия рассматриваемого периода, строгость иерархии соблюдалась незыблемо. Имперско-феодальный центр, исходя из стратегической цели экономической и политической консолидации государства, стремился не только извлекать из периферии ресурсы, но и «проникнуть в нее, перестроить ее духовно-символические принципы...», а в конечном итоге «мобилизовать ...для своих целей». В то же время существовала возможность и для «воздействия хотя бы какой-то части периферии на центр», определенная часть населения которой имела к нему «символический доступ...»¹⁵. Однако взаимоотношения между центром и периферией, и, как следствие, автономность окраин империи, были

¹⁴ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2002. С. 413.

¹⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. С. 134–135.

жестко регламентированы, исходили из постулата политического превосходства центра и были подчинены задаче не только сохранения целостности империи, но и системы российской державности. Это стало особенно заметно во второй половине XIX в., когда любые проявления нерусскости, особенно на периферии, «стали рассматривать как признаки раздробленности, слабости и даже предательства»¹⁶. Анализируя проблемы региональной политики империи, взаимоотношения между центром и окраинами, целесообразно исходить из характеристики империи не только как сверхгосударства, в центре которого находится могущественная государственная власть, но и как категории «мир-империя», на пространстве которого располагались как центр, так и периферия. Центр выступает несопоставимо сильнее периферии, последняя же имеет свою иерархию по отношению к центру¹⁷. Иными словами, между периферийными территориями существует неравенство. Эти «миры-экономики», по мнению Ф. Броделя, образовались в результате «побед политики над экономикой». В России свою реальность «мир-экономика» доказал существованием обширных периферийных областей, в том числе «фантастическими территориями Сибири»¹⁸. (Ф. Бродель называет Сибирь «бескрайней периферией»¹⁹. – И. Д.). Эти «зачаровывающие» земли, «баснословное пространство» были завоеваны «в несколько стихийных продвижений», однако даже к концу XVIII в. «до полного овладения Сибирью было далеко»²⁰. Вовлечение новых регионов в капиталистическую мировую экономику, по справедливому замечанию И. Валлерстайна, большей частью выглядело «исторически очень драматично», поскольку обычно сопровождалось ущемлением «прежде

¹⁶ Туомо Полвинен. Держава и окраина. С. 23.

¹⁷ Бродель Ф. Время мира. Т. 3. М., 1992. С. 17–18, 49.

¹⁸ Там же. С. 468.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Там же. С. 469.

существовавшей суверенности»²¹. В исторической литературе процесс территориального расширения России обычно рассматривается как создание империи. В данном качестве Российская империя являлась особой евразийской цивилизацией. В этой связи весьма уместным представляется замечание о том, что в культурологическом смысле империя есть не что иное, как борьба цивилизации с варварским смыслом внутри своей культуры и варварскими окраинами²². В политологическом смысле термин «империя» также не несет в себе никакого отрицательного смысла. Происходя от латинского *imperium*, она означает власть государства. Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти, распространение ее на обширную территорию, значительный этнический и культурно-разнородный состав населения, мощный бюрократический аппарат. Отмеченные характеристики базируются на определении империи, данном Ф. Броделем, как большой геополитической общности. Таким образом, Россия представляла собой классическую империю.

²¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 70.

²² Кантор Вл. От русской империи к национальной деспотии. С. 2.

Источниковый анализ

Для решения указанных задач авторами было выявлено большое количество исторических источников разных типов. При этом следует отметить, что метод компаративизма, используемый при подготовке монографии, значительные территориальные и хронологические рамки исследования предопределили широкую географию поиска источникового материала, с одной стороны, и необходимость тщательного репрезентативного отбора и критического осмысления выявленных источников – с другой.

Важное значение для изучения проблем имперского регионализма рассматриваемого периода имеют нормативные акты самодержавия, опубликованные в первом, втором и третьем «Полном собрании законов Российской империи», в Сводах законов империи, ряде специальных изданий. Авторами было выявлено несколько сот указов, манифестов, «учреждений» и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для понимания принципов и основ политики империи по отношению к окраинным регионам государства. Из этого количества актов абсолютное большинство относится к Сибири, но, независимо от «географической принадлежности», почти все они были использованы при написании монографии.

Эволюцию организации местного управления на Кавказе в первой половине XIX в. позволяют проследить 8 основных нормативных актов. Наиболее важные из них – манифест императора Павла I от 18 января 1801 г. о присоединении Грузии к России и именной указ Александра I от 12 января 1801 г. об учреждении в Грузии внутреннего управления с приложением его штата²³. Последу-

²³ ПСЗ-I. Т. 26. № 19721, № 20007.

ющие за ними указы и постановления лишь отражали процесс модернизации местного управления региона, который растянулся почти на сорок лет²⁴. Завершился он разработкой и последующим принятием «Учреждения для управления Закавказским краем»²⁵. Этот достаточно внушительный документ – более 300 параграфов – был в некоторой степени уникальным. Основанный на общих принципах управления внутренних российских губерний, он соответствовал «в подробностях особенным обстоятельствам и быту жителей за Кавказом». Реформой 10 апреля 1840 г. самодержавие надеялось реализовать главную цель своей политики в этом регионе – а именно окончательно закрепить положение Закавказья как составной части Российской империи путем введения там общероссийской системы управления, построенной в то же время с учетом «местных обстоятельств».

Процесс организации местного управления на западных окраинах Российского государства отражен в Полном Собрании Законов достаточно скупо – лишь в 12 нормативных актах. Положение Финляндии в составе империи характеризуют, в первую очередь, два манифеста: от 20 марта 1808 г. «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» и от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» с приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгаме 5 сентября того же года²⁶. В соответствии с ними Финляндия присоединялась «отныне навсегда к Российской империи», а ее населению гарантировалось процветание «под сенью престола нашего <...> в тишине и безопасности». В манифестах от 5 июня 1808 г. и 15 марта 1809 г. Александр I энергично призывал финнов быть верными России, под «сильным щитом» которой местные «земледелие, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния воспримут новую жизнь». В то же время в следу-

²⁴ ПСЗ-I. Т. 28. № 21753; Т. 30. № 23943; Т. 31. № 24597.

²⁵ ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1. № 13368 (утверждено 10 апреля 1840 г.), № 13371.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 30. № 22911, № 23883.

ющем манифесте, подписанном в г. Борго 15 марта 1809 г., император подчеркивал, что он признал за «благо ... вновь утвердить и удостоверить религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества... от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались...»²⁷

В отношении организации управления другой окраины империи – Польши – в Полном Собрании Законов содержится единственный нормативный акт – Венский трактат от 3 мая 1815 г., в соответствии с которым Польша объявлялась находящейся «в неразрывной связи и во владении <...> императора Всероссийского и наследников его на вечные времена», однако ей гарантировалась конституция и «государственные учреждения, согласные с образом политического существования» поляков²⁸. Спустя некоторое время после окончания Венского конгресса Александр I действительно «даровал» Польше конституцию, однако характерно, что текст ее не был включен в Полное Собрание Законов. Тем не менее в нашем распоряжении имеется полный текст Польской конституции 1815, опубликованный известным историком права Н.Д. Сергеевским в 1915 г., т. е. ровно спустя 100 лет после ее подписания Александром I²⁹. Конституционная хартия Польши (конституция) содержит 165 статей, подразделяющихся на 7 титулов (частей). Их анализ убедительно свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России не только общегосударственного, но и территориально-законодательного устройства. Так, например, если ст. 1 провозглашает «навсегда» присоединение Польши к России, а наследники царской короны объявляются царями Польши, то уже ст. 11 декларирует принцип религиозной толерантности, заявляя, что рим-

²⁷ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

²⁸ ПСЗ-I. Т. 23. № 25824.

²⁹ Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815–1881). Библиотека окраин России. № 5. Издание Н.Д. Сергеевского, заслуженного профессора С.-Петербургского Университета. СПб., 1907. С. 41–63.

ско-католическая религия «будет предметом особенного попечительства» русского правительства, а духовенство всех иных исповеданий будет отныне находиться под покровительством законов империи. Ст. 16 гарантирует свободу польской печати, а в ст. 17 все граждане объявляются равными в правах перед законом независимо от «сословия и звания».

В противовес западным окраинам империи, в Полном Собрании Законов содержится значительное количество нормативных актов, отражающих выработку и эволюцию правительственной политики в отношении восточных окраин России – прежде всего Сибири. Сплошное обследование материалов ПСЗ за период с 1762 по 1852 годы, предпринятое авторами, позволило выявить около 600 законодательных актов, относящихся к этому региону. Как правило, это законы, регламентирующие организацию системы местного управления, правовое положение сословий, аграрное, налоговое законодательство и др. Изучение содержательной стороны выявленных нормативных актов свидетельствует о том, что больше всего внимания власти уделяли вопросам административного устройства, организации управления и государственной службе – им посвящено около половины выявленных законов. В этом смысле пик законотворческой активности правительства приходится на 20–30-е гг., что следует связывать со стремлением Николая I регламентировать все стороны жизни империи. Однако свое концентрированное выражение в Сибири политика имперского регионализма нашла в «Учреждении для управления Сибирских губерний» 1822 г.³⁰, коренным образом изменившем административно-территориальное устройство и управление этой окраины, а также в «Обозрении главных оснований местного управления Сибири», опубликованном «по высочайшему повелению» в 1840 г. В нем дается характеристика «гражданского» управления региона до реформ 1822 г. и излагаются «главные начала», на которых

³⁰ ПСЗ-I. Т. 38. № 29125–29134.

учреждалась система управления этого края в соответствии с преобразованиями Сперанского.

Комплекс законов 1822 г., вошедший в литературу вопроса под названием «сибирского учреждения» или «сибирских реформ» 1822 г., является по-своему уникальным памятником законодательного творчества империи. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих из 4019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. В дальнейшем, по ходу изложения положений монографии, авторы будут использовать большинство законов из упомянутого правового комплекса «сибирского учреждения». Сейчас же отметим, что мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса – «Учреждении для управления Сибирских губерний» и «Уставе об управлении инородцев». «Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства применительно к данному региону. Вот почему в обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом³¹, а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего дается юри-

³¹ ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. § 1–8.

дическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов³². Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд вышеназванных нормативных актов по управлению окраинами империи, например, Конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Корпоративный анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством.

Отдельно следует выделить комплекс нормативных актов, отражающих изменения в системе сибирского управления и административно-территориального устройства, осуществленные после реформы 1822 г.³³ Эти документы, характеризующие развитие нормативной базы на протяжении второй четверти XIX в., дают возможность проследить эволюцию правительственного взгляда на проблемы организации управления и адми-

³² ПСЗ-I. № 29126. § 1–4.

³³ ПСЗ-II. Т. 26. № 24811, 25394; Т. 31. № 31080; Т. 33. № 33862; ПСЗ-II. Т. 26. № 24811, 25394; Т. 31. № 31080; Т. 33. № 33862.

нистративного устройства Сибири уже после М.М. Сперанского. Они позволяют провести сопоставление между начальными замыслами реформатора и судьбой его преобразований в проектах последователей.

Среди нормативных актов, отражающих наиболее важные изменения в подходе центра по выстраиванию взаимоотношений с окраинами в пореформенный период, применительно к Польше необходимо прежде всего отметить серию именных указов Александра II середины 60-х гг. XIX в., регулирующих организацию губернского и уездного управления, указ о подчинении финансовых органов Царства Польского Министерству финансов России, существенно урезавший польскую финансовую автономию, о введении в Польше судебных уставов 1864 г. и указ об упразднении Комитета по делам Царства Польского от 29 мая 1881 г.³⁴

Положение Финляндии в составе империи в первые пореформенные десятилетия характеризует Сеймовый устав 1869 г.³⁵ Появлению Устава предшествовал именной Манифест Александра II, данный в день его восшествия на престол, т. е. 19 марта 1855 г. В нем император обещал «удостоверить религию, права и преимущества» финнов и хранить «оние в ненарушимой и непреложной силе и действии...» Сам же сеймовый устав был утвержден Александром в апреле 1869 г. в Петербурге³⁶. Этот закон, состоящий из 83 параграфов, положил начало автономному положению Финляндии в составе Российской империи и последующим демократическим реформам в регионе³⁷. Попытки ограничить юрисдикцию финляндского сейма в конце XIX – начале XX вв. и, как следствие, автономию Финляндии в целом, борь-

³⁴ ПСЗ-III. Т. 1. № 224.

³⁵ В переводе на русский язык этот документ был издан в конце XIX в. См.: Свешников. Курс русского государственного права. Приложения. СПб., 1895.

³⁶ Текст Устава не вошел в Полное Собрание законов империи. Его полный текст см.: Корево Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 130–158.

³⁷ Парламент Финляндии. Хельсинки, 2000. С. 9–10.

ба в высших правительственных сферах по вопросу о возможных путях дальнейшего развития Финляндии в составе России отражены в законах, принятых по инициативе генерал-губернатора Н.И. Бобрикова³⁸ в 1890 г., с одной стороны, и в «высочайшем» манифесте Николая II от 22 октября 1905 г., отменившем все постановления генерал-губернатора Бобрикова – с другой³⁹. Анализ нормативных актов правительства в отношении Финляндии позволяет заключить, что самодержавие с разной степенью готовности относилось к самой идее о возможных буржуазных преобразованиях в регионе. Гораздо легче оно шло на экономическую перестройку, значительно труднее – на преобразования в области социального, в том числе юридического устройства и управления. И уж совсем неприемлемыми были для него требования о необходимости преобразований в конституционном духе.

Важное значение для раскрытия и характеристики основных направлений имперской окраинной политики по отношению к Кавказу имеет комплекс документов, собранный Кавказской археографической комиссией и опубликованный в 12 томах (АКАК). Инициатива создания подобной комиссии принадлежала начальнику главного управления наместника статс-секретарю, барону А.П. Николаи. Председателем комиссии являлся д.с.с. Берже. Основу издания составили документы из архива главного управления наместника Кавказского.

Огромные фолианты, в два с половиной раза превосходящие по размерам любой том ПСЗ, содержат документы периода с X в. по 1862 г. (до наместничества великого князя Михаила Николаевича). В каждом томе содержится от 700 до 1200 документов. В АКАК опубликованы ценные источники на русском, арабском, армянском, грузинском и др. языках. Основное содержание АКАК представляют документы периода 1762–1862 гг., которые имеют особую ценность для данного исследова-

³⁸ Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1890. № 15, 19 и др.

³⁹ Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1907.

ния. Издание АКАК преследовало цель обоснования колониальной имперской политики в крае. Это нашло свое отражение в характере подбора документов. Большая часть их посвящена Кавказской войне, чрезвычайно мало материала по социальным отношениям и истории экономики. Специфической особенностью издания является систематизация документов по времени правления каждого наместника (каждый том содержит документы по отдельному правлению). Например, «Кавказ и Закавказье за время управления...» генерала от кавалерии А.П. Тормасова (том IV) генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Е.А. Головина, 1837–1842» (том IX); генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева «за время правления князя А.И. Барятинского, 1856–1862» (том XII) и т. д. Каждый том начинается с небольшого комментария к управлению наместника.

Среди источников – материалы делопроизводства (прошения, донесения, всеподданнейшие отчеты, рапорты), Высочайшие указы (дублирующие материал ПСЗ)⁴⁰.

Среди «территориальных» нормативных актов самодержавия выделяются законы об образовании, а позже и об упразднении особых комитетов по управлению северо-западными регионами и Кавказом – это Комитеты по делам Царства Польского, Комитет Западных губерний и Кавказский комитет. Для авторов монографии эти материалы оказались полезны прежде всего как свидетельство существования в правительстве определенных схем по инкорпорации окраинных территорий в состав «исторического ядра государства», имевшей в конечном итоге цель создания административной идентичности государства. В то же время представляется, что эти же нормативные акты являются убедительным свидетельством признания правительством регионального своеобразия территорий, что придавало известную противоречивость имперскому законодательству. Сопоставле-

⁴⁰ Акты, собранные кавказскою археографическою комиссией. Под ред. д.с.с. Берге. Тифлис, типография главного управления наместника Кавказского. В 12-ти тт. 1866–1904.

ние подобных документов с аналогичными материалами Азиатской России – несомненное тому доказательство. Но в целом в Полном собрании законов и Сводах законов империи немного материалов об управлении этими регионами.

Гораздо подробнее представлены материалы по Азиатской России, что объясняется активизацией политики империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе и возрастанием значения Сибири в решении стратегических экономических и социально-политических задач государственной политики во второй половине XIX и начале XX вв. В области административной обращают на себя внимание законы об образовании, а затем и закрытии особых комитетов по управлению краем – Первого⁴¹, Второго⁴² Сибирского комитетов, комитета Сибирской железной дороги⁴³, а также об изменении схемы административного устройства региона⁴⁴. Эти документы определяли задачи, стоящие перед новыми центральными органами, объем их компетенции, механизм обсуждения дел и персональный состав. Законодательные акты, разработанные особыми органами, изучаемыми нами, позволяют определить основные направления их деятельности, соотнести фактические занятия данных органов с формальными задачами, поставленными перед ними. Наконец, распоряжения, прекращавшие работу означенных учреждений, в известной степени отражают официальную точку зрения на результаты работы особых органов управления Сибирью. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что распоряжения о роспуске обычно предусматривали передачу дел упраздняемого органа какому-либо из действующих ведомств. Статус «правопреемника» служит косвенным показателем значимости ликвидируемого учреждения. Необходимо отметить еще одну особенность этих законодательных актов – они

⁴¹ ПСЗ-1. Т. 37. № 287064; ПСЗ-2. Т. 13. № 19867.

⁴² ПСЗ-2. Т. 27. № 26178; Т. 39. № 41631.

⁴³ ПСЗ-3. Т. 12. № 9140; Т. 25. Т. 27044.

⁴⁴ Там же. Т. 2. № 886; Т. 4. № 2524; Т. 7. № 4517.

были приняты на протяжении весьма значительного хронологического отрезка времени – почти в 80 лет – и в известной степени отражают эволюцию правительственного взгляда на задачи организации управления краем.

О стремлении самодержавия выработать единую унифицированную модель управления окраинами в эпоху контрреформ и отказаться от всякой «региональной» специфики свидетельствуют законы, принятые в конце XIX в. Среди них прежде всего следует отметить закон от 8 июня 1898 г., известный под названием «Временное положение о крестьянских начальниках», действие которого распространялось на губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, а с 1901 г. и на область Забайкальскую⁴⁵. В своей основе этот закон имел известное положение от 12 июня 1889 г., вводившее на территории Европейской России институт земских начальников⁴⁶. Таким образом, уже изначально идеология нового регионального закона была пронизана стремлением имперской власти поставить под жесткий контроль жизнь всего сельского населения края. На практике принцип обеспечения единства государства посредством сильной региональной политики трансформировался и приобретал новые черты – достижение этого же единства, но уже принципиально иными средствами – путем создания унифицированной модели управления в центре и на местах.

Явные имперские мотивы прослеживаются в серии законодательных актов, относящихся к землеустройству и налогообложению крестьян и аборигенов Сибири⁴⁷, в стремлении правительства насадить в крае частное помещичье землевладение⁴⁸. Законы о переселении начала XX в., вошедшие в литературу под названием

⁴⁵ ПСЗ-3. Т. 18. № 15503.

⁴⁶ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – 90-х гг.). М., 1970. С. 401–411.

⁴⁷ Там же. Т. 16. № 12998; Т. 18. Отд. 1. № 15539.

⁴⁸ Там же. Т. 21. Отд. 1. № 20338.

стольпинской аграрной реформы и породившие массовые крестьянские миграции на восток⁴⁹, несмотря на свое несомненное, с нашей точки зрения, буржуазное содержание, в политическом плане преследовали цель создания «империи русских», усиления единства огромного многонационального государства.

Среди нормативных материалов, характеризующих важнейшие политические институты империи изучаемого периода и имеющих самое непосредственное отношение к анализируемой проблеме, следует отметить «Общий наказ губернаторам» 1837 г. и «Общую инструкцию генерал-губернаторам» 1853 г.⁵⁰ Эти документы не только надолго определили структуру местных органов управления, но прежде всего круг их должностных полномочий и обязанностей. Сопоставление «наказа» и «инструкции» позволяет более отчетливо представить разницу между существующими на окраинах уровнями управления, политическим характером власти генерал-губернатора и хозяйственными заботами гражданских губернаторов.

Таковы основные нормативные материалы, используемые при написании монографии. Обращаясь к материалам Полного Собрания Законов Российской империи, авторы настоящего исследования имели в виду не эпизодическое, а систематическое использование всей иерархии законодательных материалов этого принципиально важного источника, который, к сожалению, недостаточно использовался предшествующими исследователями вопроса.

В то же время необходимо учитывать, что сами по себе нормативные акты не позволяют выявить причины их происхождения, особенности разработки и принятия, вследствие чего необходимо дополнение этого источника другими, в частности, делопроизводственными материалами. Источникам этого типа принадлежит ведущее ме-

⁴⁹ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и стольпинская аграрная реформа. М., 2001.

⁵⁰ ПСЗ-2. Т. 28. № 27293.

сто в решении задач, стоящих перед авторами. Их можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации и исходящие от отдельных лиц. Делопроизводственные источники правительственных учреждений и исходящие от официальных лиц имеют особенный интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации. Поэтому обсуждение как текущих, так и прогнозируемых мероприятий в различных комитетах, комиссиях, иных инстанциях носило весьма откровенный характер. Это обстоятельство позволяет не только понять психологию авторов документа, проследить борьбу различных точек зрения по обсуждаемым вопросам, но и выявить подчас завуалированные мотивы принятия того или иного решения. Анализ делопроизводственных документов неопровержимо свидетельствует о том, что в правительственных кругах не было единого мнения по вопросам развития региональной политики. Этническое, конфессиональное и культурное многообразие империи порождало споры и дискуссии вокруг проблем концентрации и децентрализации власти в центре и на местах, соотношения централизаторских и децентрализаторских тенденций в политике, а в более широком плане – взаимоотношений «центра и периферии». Отмеченными особенностями определяется значимость делопроизводственных источников для изучения рассматриваемых в диссертации вопросов. Отметим также, что по своему происхождению делопроизводственные источники принадлежат как к опубликованным, так и неопубликованным, т. е. архивным. Всего при написании монографии были использованы источники около 70 фондов центральных и местных архивных хранилищ и 5 фондов рукописных отделов российских библиотек.

Среди делопроизводственных источников, характеризующих состояние Сибири в первой четверти XIX века, т. е. накануне начала сибирских реформ 1822 г.,

выделим «Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири», напечатанный С. Прутченко. Им же опубликованы некоторые журналы Первого Сибирского комитета, представляющие материалы официального делопроизводства и содержащие важные подробности о проведении реформ 1822 года⁵¹.

К отмеченному источнику по содержанию примыкают отчеты и обозрения губернаторов и генерал-губернаторов по управлению краем, их «мнения» и «записки». Как отмечал Б.Г. Литвак, к началу XIX в. отчеты «главных начальников края» были в значительной степени формализованы и содержали стандартный набор сведений о народонаселении, сборе налогов, податей и др.⁵² Хотя традиционно губернаторские отчеты рассматриваются преимущественно как источник по социально-экономической истории, тем не менее в современном сибиреведении имеются удачные примеры использования такого рода документов и как источника изучения истории местного управления и чиновничества⁵³. Авторы монографии интересовали, в первую очередь, сведения о состоянии и составе администрации, материалы об управлении краем, планируемых и осуществленных нововведениях и т. д. Наличие одних и тех же формальных граф в губернаторских отчетах делает их хорошо сопоставимыми, позволяет проследить развитие тех или иных тенденций в правительственной политике. Обращаясь к этому источнику, авторы имели в виду не выборочное, а систематическое его использование, чему в немалой степени способствовала хорошая сохранность губернаторских отчетов за весь исследуемый период.

Попытки пересмотра системы сибирского управления во второй четверти XIX в. зафиксированы в проектах преемников Сперанского на посту генерал-губер-

⁵¹ Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899.

⁵² Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–XX вв. М., 1979.

⁵³ См., например: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Новосибирск, 2002.

натора. Таковыми являются записка в адрес «верховного правительства» А.С. Лавинского «О разных неудобствах, встречаемых тайным советником Лавинским по управлению Восточной Сибирью» от 2 сентября 1833 г.⁵⁴, поднимающая вопрос об очередном расширении компетенции главного начальника края, и проект С.Б. Броневского об административно-территориальном переустройстве региона⁵⁵. Предложения о коренной реорганизации системы сибирского управления, созданной в соответствии с реформой 1822 г., содержались в записке генерал-майора И.А. Мусина-Пушкина («О состоянии Сибири за 1835 г.»)⁵⁶, который в 1835 г. был направлен в край в качестве ревизора от военного ведомства, а также в записке 1840 г. «О настоящем местном управлении Сибири», автором которой являлся начальник Сибирского жандармского округа Н.Я. Фалькенберг⁵⁷. Названные делопроизводительные источники по существу отражают попытки сибирского чиновничества по корректировке основных положений «Учреждения» М.М. Сперанского. В этом смысле они перекликаются с материалами жандармских, сенаторских и иных ревизий, поскольку дают достаточно объективную оценку хода проведения реформ 1822 г. в жизнь и тех подходов, которые обнаружились в 30–40-х гг. XIX в. у ряда высокопоставленных чиновников к проблеме реорганизации системы управления восточными окраинами России, взаимоотношениям и полномочиям периферийного чиновничества с их коллегами из центральных ведомств и т. д.

Между тем все административные новшества, введенные в сибирское управление М.М. Сперанским, впервые подверглись детальному анализу лишь на рубеже II и III четверти XIX в. в ходе ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова (1849–1851). В территориальном отношении ревизия Н.Н. Анненкова касалась Западной Си-

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. 1833. Д. 253.

⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763.

⁵⁶ Там же. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 71.

⁵⁷ Там же. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 17.

бири, однако высказанные им предложения имели далеко идущие последствия для всего сибирского региона⁵⁸, что делает безусловно необходимым использование названного комплекса источников. К тому же продекларированный автором принцип компаративизма политики самодержавия на различных окраинах империи предполагает изучение и использование данного документа.

Комплекс источников по этой ревизии в значительной мере знаком ученым, авторы же используют только те из материалов, которые не получили широкой известности и позволяют более отчетливо представить борьбу в правительственном лагере по вопросам региональной политики⁵⁹. Ценным дополнением к указанным документам являются делопроизводственные источники, содержащие выписки из журналов Сибирского комитета и отражающие мероприятия правительства по устранению выявленных в ходе ревизии недостатков в управлении региона⁶⁰.

Исследование проблем окраинной политики на востоке России неразрывно связано с именем Н.Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), чья деятельность в регионе в качестве генерал-губернатора принесла ему заслуженную славу и уважение со стороны современников и потомков. Личность этого человека всегда привлекала к себе внимание исследователей, главным образом, благодаря его внешнеполитической деятельности. Однако документы, отражающие его мероприятия по административному устройству восточной окраины, использовались и изучались достаточно фрагментарно. Вопреки расхожему мнению об исчерпывающем характере книги И.П. Барсукова, укажем, что данный исследователь опубликовал только часть материалов эпохи Н.Н. Муравьева. Совсем недавно А.В. Ремнев ввел в на-

⁵⁸ Материалы ревизии Западной Сибири Н.Н. Анненковым частично опубликованы С. Прутченко, но в большинстве своем отложились в архивных фондах. См.: Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 349–532; РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1, 2, 8, 10 и др.; ГАРФ. Ф. 109. I экспедиция.

⁵⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 22.

⁶⁰ Там же. Д. 28; РГИА. Ф. 1265.

учный оборот комплекс источников, касающийся Дальневосточной политики России⁶¹. Тем не менее немало документов, касающихся региональной политики Н.Н. Муравьева, еще ждут своего исследователя. Характерно, что источники, раскрывающие проблему окраинной политики правительства на востоке страны в муравьевский период, представлены, главным образом, архивными материалами. В первую очередь это, безусловно, всеподданнейшие доклады и донесения генерал-губернатора, в которых отражены состояние и недостатки сибирского управления в тот период и планы Муравьева по совершенствованию и модернизации системы устройства и управления Восточной Сибири: о введении новых штатов для гражданского управления, положение об управлении Амурской области и штаты этого управления, о введении упрощенного управления в Иркутской и Енисейской губерниях, о новом разделении Сибири. Содержащие мнения высших сановников империи по предполагаемым преобразованиям, эти документы позволяют не только проследить историю создания того или иного нормативного акта, касающегося управления (от его разработки до принятия), но и в гораздо более полной мере понять правительственный взгляд на проблемы региональной политики, более отчетливо представить борьбу чиновников различных ведомств и рангов по спорным вопросам и др.⁶²

Несомненно, важное значение для характеристики правительственной политики в Азиатской России имеют делопроизводственные материалы особых комитетов, образованных специально для обсуждения и решения проблем зауральских территорий. Прежде всего, это документы I и II Сибирских комитетов, находящиеся в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федера-

⁶¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

⁶² ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81; Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1; Д. 16. Оп. 1. К. 1143. Д. 5; К. 1144. Д. 12 и др.

ции. Документы этой группы весьма многочисленны. В их число входят отчеты о деятельности Сибирских комитетов, представляемые императору, журналы заседаний и отдельные дела. Отчеты позволяют получить общее представление о количестве решенных и нерешенных за обозреваемый период дел, дают краткую информацию о сути обсуждаемых вопросов и принятых по ним решениях, или причинах, помешавших разрешить дело окончательно. Иными словами, с точки зрения информационной насыщенности, гораздо более значимыми для нашей темы являются документы этих же архивных фондов, но содержащие журналы комитета. В журналах мы находим не только формальное описание заседаний комитетов, но прежде всего всевозможные «соображения», высказанные в процессе обсуждения вопросов представителями различных министерств и ведомств, а также мотивированные итоговые решения.

Отдельные дела Сибирских комитетов неоднородны по содержанию. Часть содержащихся в них материалов касается различных сторон жизни Сибирских губерний, другая – непосредственно связана с самими комитетами (высочайшие распоряжения, определявшие структуру комитетов, их задачи, состав и т. п.). Дела рассматриваемой группы нередко дублируют друг друга, например, в частях, содержащих принятые решения, законопроекты и т. п. Такая особенность требует внимательного отношения к источнику. Различные варианты одних и тех же документов совпадают далеко не всегда, и в этом случае необходимо точно устанавливать, какой именно вариант является окончательным. Следует отметить, что некоторые журналы Первого Сибирского комитета, представляющие материалы официального делопроизводства и содержащие важные подробности о проведении реформ 1822 года, были опубликованы в уже упоминавшемся издании С. Прутченко.

К этой же группе документов можно причислить и материалы Комитета Сибирской железной дороги, хра-

нящиеся в фондах Российской национальной библиотеки. В частности, речь идет об отчетах о деятельности комитета, изданных в виде отдельных томов. Данные отчеты по объему несколько превосходят аналогичные отчеты I и II Сибирских комитетов, однако строятся по сходному принципу и содержат перечень дел, рассмотренных за отчетный период, с указанием их сути. Отчеты Комитета Сибирской железной дороги дополнительно сопровождаются большим количеством справочной информации о денежных суммах, ассигнуемых на строительство Транссиба, статистическими данными по различным участкам дороги и т. п. Еще больше информации содержат «Материалы Комитета Сибирской железной дороги», представляющие собой сборники документов, состоящих из дел по принципиальным вопросам сооружения дороги, документов, содержащих мнения министров и главноуправляющих по этим вопросам, разного рода докладных записок, материалов Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги и финансовых документов. Все названные документы дают представление о полномочиях Комитета Сибирской железной дороги, его составе, механизме делопроизводства и т. п.

Характеристику как отдельных звеньев в организации управления окраинами империи, так и принципиальных правительственных подходов в решении этого вопроса в конце XIX в. находим в ряде официальных изданий правительственных учреждений⁶³. В большин-

⁶³ Обзор деятельности Государственного совета в царствование императора Александра III, 1881–1894. Всеподданнейший отчет Председателя Государственного Совета. СПб., 1895; Европейская и Азиатская Россия со включением губерний Прибалтийских и царства Польского, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Губернии и области с их уездами и округами. СПб., 1888; Указатель изменений в распределении административных единиц в границах империи с 1860 по 1887 гг. СПб., 1887; Исторические данные об образовании губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империей, с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке. СПб., 1902; Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительный. 19 января 1875 г. Б.М. и Б.Г.; Отчет по земскому отделу. Краткий обзор его современной деятельности. 1861–1911. СПб., 1911; Материалы по учреждению Государственной думы 1905. Б.М. и Б.Г.

стве своем эти документы вышли из-под пера различных эшелонов царской бюрократии – центральной, губернской, уездной. Тем не менее в документах всех уровней прослеживается отчетливое стремление к усилению административного присутствия империи за Уралом, ликвидации региональных особенностей в управлении, консолидации административно-правового пространства империи.

К делопроизводственным материалам высших и центральных правительственных учреждений следует отнести и подборку документов, характеризующих историю разработки и введения в империи института генерал-губернаторского правления, подготовленную группой исследователей и архивистов Санкт-Петербурга⁶⁴. Наряду с «мнениями», «записками» и «рассуждениями» высших должностных лиц государства об институте генерал-губернаторства как системе, его целях и задачах, указанные материалы содержат и протоколы особых журналов Комитета 6 декабря 1826 г., Комитета министров, где рассматривались конкретные вопросы введения в империю нового института власти. Для нас важно отметить то обстоятельство, что на всех этапах рассмотрения вопроса одной из главных при обсуждении была проблема окраинных территорий, необходимость создания там особой, подчас чрезвычайной системы власти.

Изучение политической истории государства невозможно без создания портретной галереи высших представителей царской бюрократии. На окраинах империи таковым лицом был генерал-губернатор. Задача выяснения особенностей образования и деятельности этого института власти, стоявшая перед автором, повлекла за собой необходимость изучения социологии отряда высших региональных управленцев. Это позволило в конечном итоге гораздо полнее, чем делалось ранее, представить особенности функционирования данного института

⁶⁴ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб., 2003.

власти на окраинах государства, принципы подбора потенциальных кандидатов на должность, их возможные деловые и иные качества. Первостепенное значение для характеристики генерал-губернаторского и губернаторского корпуса имеют послужные и формулярные списки. Методика работы с такого рода документами впервые была обстоятельно изложена П.А. Зайончковским⁶⁵, конкретизирована в исследованиях С.В. Мироненко⁶⁶, а на сибирском материале успешно применена Н.П. Матхановой⁶⁷. Формулярные и послужные списки содержат сведения о возрасте, сословном происхождении и образовании, вероисповедании, основных этапах служебной карьеры и связанных с ней поощрениях, наградах, подчас и взысканиях, если таковые имели место, семейном и имущественном положении. К сожалению, на основе анализа формулярных списков нельзя определить национальность человека, поскольку таковые сведения в этого рода документах отсутствуют. Всего автором было изучено 25 формулярных и послужных списков сибирских генерал-губернаторов. Если учесть, что за исследуемый в диссертации столетний период времени на высших государственных должностях в регионе находилось 28 человек, то получается, что репрезентативность выборки составляет около 90 %. Иными словами, достоверность приводимых статистических и иных сведений представляется достаточно высокой. Следует также отметить, что методика сравнительного анализа, используемая при подготовке монографии, повлекла за собой необходимость выборочного изучения формулярных списков представителей генерал-губернаторского корпуса других окраинных территорий империи, например, Дальнего Востока и Средней Азии. Используемые автором формулярные и послужные списки на сегодня

⁶⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.

⁶⁶ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁶⁷ Матханова Н.П. Указ. соч.

опубликованы в различных справочных изданиях⁶⁸ и сборниках документов⁶⁹.

Среди делопроизводственных исторических источников, характеризующих принципиальные подходы самодержавия к региональной политике, следует выделить группу документов личного происхождения, отложившихся в коллекции печатных записок библиотеки РГИА. Как правило, это подлинники, не встречающиеся в других архивных фондах и вышедшие из-под пера высших сановников государства – министров, главноуправляющих, председателей и секретарей комитетов и комиссий, деятелей церкви. В силу отмеченного обстоятельства материалы фонда несут на себе сильный отпечаток личного происхождения. Но именно это субъективное мнение авторов документа дает нам богатую информацию о планах, намерениях и проектах деятелей государства и церкви в отношении Сибири. Поскольку значительная часть материалов коллекции не предполагалась к публикации и имеет личную подпись, то в данном случае не стоит и традиционный вопрос об авторстве документа. В хронологическом отношении большая часть материалов коллекции, используемых авторами, охватывает период второй половины XIX – начала XX в. Для характеристики принципиальных изменений в правительственном подходе к организации управления в Сибири в начале 80-х – 90-х гг. XIX особую ценность имеет программа деятельности Иркутского генерал-губернатора А.П. Игнатьева, рассчитанная «примерно» на 10 лет⁷⁰. Именно тогда была высказана мысль о необходимости распространения на Сибирь положения о земских начальниках Европейской России, воплотившаяся позже в виде уже упоминавшегося закона 1898 г.

⁶⁸ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001; Власть в Сибири в XVI – начале XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002.

⁶⁹ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 291–300.

⁷⁰ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

Несомненную ценность для понимания механизмов реализации проекта по созданию «большой русской нации» представляют документы о взаимоотношении духовных и светских властей региона. Это протоколы миссионерских съездов, подробно, в лицах, рисующие весь ход заседаний без каких-либо изъятий. Указанные документы не только передают саму атмосферу съездов, но и в подробностях характеризуют позицию высших духовных и светских властей по обсуждаемым вопросам. К этой же группе документов примыкают отчеты, систематически посылаемые в Синод главами епархий. Материалы государственного совета, министерств внутренних дел, земледелия, финансов, других центральных ведомств, отложившиеся в коллекции, на примере сибирских епархий раскрывают процесс выработки механизма по созданию национальной империи, «империи русских»⁷¹ и позволяют говорить о том, что к началу XX в. окончательно сформировалась новая концепция управления регионом.

К делопроизводственным источникам личного происхождения, но, в отличие от большинства материалов этого типа, уже опубликованным относится «Мнение министра внутренних дел по делам сибирским» О.П. Козодавлева и «Всепоподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина о поездке в Сибирь». Первый из названных документов содержит характеристику положения дел в Сибири накануне реформ М.М. Сперанского, данную министром, а также его соображения о целесообразности создания в Петербурге особой инстанции для разрешения накопившихся за Уралом проблем⁷². Одним из своих непосредственных результатов это «мнение» высокопоставленного чиновника имело учреждение Первого Сибирского комитета.

⁷¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 2325, 2712, 3203 и др.

⁷² Мнение министра внутренних дел по делам сибирским. О. Козодавлев. 24 октября 1818 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. С. 59-64.

Спустя почти 90 лет после публикации «мнения» Козодавлева на свет появился другой документ – «Всепоподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина о поездке в Сибирь». Хронологический разрыв в появлении этих документов, вышедших из-под пера сановников, составляющих бюрократическую элиту империи, дает нам возможность сопоставить принципы ответственного подхода к решению региональных, в частности, сибирских проблем как в начале XIX, так и XX столетий. Отчет содержит большое количество информации об одной из важных сторон деятельности Комитета Сибирской железной дороги – переселенческом деле, чему правительство придавало принципиальное значение⁷³. Автор довольно подробно анализирует достоинства и недостатки организации переселения в Сибирь, оценивает положение переселенцев и приводит решения Комитета, касающиеся переселения. К этому следует добавить, что в нашем распоряжении имеются тексты выступлений Куломзина на заседаниях Комитета Сибирской железной дороги, во время которых Куломзин конечной целью правительственной программы в отношении Сибири недвусмысленно провозглашал «благо Сибири имеющей в будущем развиться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства»⁷⁴. Изучая данный отчет, равно как и иные документы, вышедшие из-под пера Куломзина, следует помнить о том, что многие выводы и рекомендации этого несомненно крупного чиновника и незаурядного человека не просто рассматривались на заседаниях Комитета Сибирской железной дороги и в других правительственных инстанциях, но и имели непосредственное влияние как на организацию переселений, так и на разработку и реализацию стратегических направлений политики империи за Уралом.

⁷³ Куломзин А.Н. Всепоподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь. СПб., Б.г. 250 с.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6–7.

Изучение проблемы взаимоотношений имперского центра и сибирской периферии невозможно без четкого представления о месте Сибири в системе экономических связей государства. Взгляд на окраинную политику империи сквозь призму экономических процессов в конкретном регионе позволит более отчетливо представить суть проводимой имперским центром региональной политики, а в конечном итоге понять, насколько эта политика отражала культурное, конфессиональное и этническое своеобразие региона. В свою очередь хозяйственная и социокультурная инкорпорация региона в Россию была невозможна без широкого вовлечения в эти процессы громадных масс сибирского населения, являвшихся непосредственными хранителями и носителями трудовых традиций, умений и навыков, без которых немислимо было хозяйственное освоение региона. Все это повлекло необходимость изучения демографических и экономических процессов, протекавших в регионе на протяжении всего изучаемого периода.

Сведения о демографии и сословном составе населения содержатся в статистических ежегодниках России, материалах ревизий, статистических таблицах империи и т. д.⁷⁵ Вопросы хозяйственного быта нашли отражение в материалах обследования сельского населения Сибири, проводившегося в 80-х гг. XIX в. на территории всех губерний региона в связи с подготовкой землеустройства. Эти многотомные опубликованные материалы содержат богатые статистические данные, а также первичный материал, характеризующий основные виды хозяйственных занятий сельского населения обширного региона. До нашего времени сохранились материалы

⁷⁵ Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914; Статистический ежегодник России 1914. Пг., 1915.

Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России Петра Кепена. СПб., 1957; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи на 1858 г. СПб., 1863; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73. Енисейская губ.; Т. 78. Тобольская губ., СПб., 1905; Т. 79. Томская губ., СПб., 1904.

обследования губерний Западной⁷⁶, Восточной Сибири⁷⁷ и Забайкалья⁷⁸. Представляется, что иного источника, обладающего столь высокой степенью информативной насыщенности, просто не существует. Материалы указанного обследования известны исследователям проблем социально-экономической истории Сибири. Задача нашего исследования предопределила несколько иную методику использования данного источника, который рассматривается прежде всего как носитель обобщающих количественных характеристик, отражающих общие тенденции в развитии сельскохозяйственного производства региона. Отмеченный источник дополнялся материалами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в которых находим немало данных, характеризующих развитие сельскохозяйственного производства в Сибири уже в начале XX в. Хотя приводимые в сельскохозяйственных переписях статистические материалы не всегда точны, тем не менее они активно используются исследователями при условии критического осмысления статистического материала. На необходимость именно такой методики работы с материалами переписей указывали предшествующие исследователи вопроса⁷⁹.

Несомненно важное значение для характеристики правительственной политики в отношении восточной окраины империи имеют источники личного происхождения – воспоминания, дневники, эпистолярное наследие. Прежде всего отметим воспоминания местных жителей – современников описываемых событий – сибиряков, политических ссыльных различных эпох и на-

⁷⁶ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890.

⁷⁷ Материалы по обследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск, 1896. Иркутская губерния. Иркутск, 1892.

⁷⁸ Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898.

⁷⁹ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Сибири и Поморья. М., 1973. С. 216–277; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1915) // История СССР. № 4. С. 50–59.

правлений, местной интеллигенции, государственных служащих, иных лиц. В монографии сравнительно полно представлены воспоминания второй четверти XIX в., благодаря рассказам иркутян (купцов, чиновников и почетных граждан), опубликованным В. Вагиным⁸⁰, мемуарам Н. Белоголового⁸¹, А. Падерина⁸², И. Калашникова⁸³, В. Вагина (в рукописях и опубликованных⁸⁴), запискам декабристов⁸⁵. К этому же типу источников относится целый комплекс мемуаров о Н.Н. Муравьеве. Этот генерал-губернатор был наиболее популярной «мишенью» для мемуаристов. Данное обстоятельство представляется не случайным: такая колоритная личность, как Н.Н. Муравьев, неизменно привлекала к себе внимание прежде всего благодаря активной амурской политике. Авторами воспоминаний о Муравьеве, как правило, являлись сослуживцы⁸⁶ генерал-губернатора или люди, знакомые с ним лично⁸⁷. Характерной чертой этих воспоминаний является оценка Муравьева как личности и администратора, без затрагивания осуществленных им преобразований в местном управлении. Однако среди воспоминаний первой половины XIX в. наибольшую ценность представляют мемуары Б.В. Струве и В.И. Вагина. Информативная ценность отмеченных мемуаров достаточно высока, прежде всего, благодаря хорошему профессиональному знакомству их авторов с Сибирью.

⁸⁰ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб. Т. 1. Приложения.

⁸¹ Белоголовый. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 235–486.

⁸² Падерин А.М. Записки сибиряка // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 63–67; № 4. С. 60–64.

⁸³ Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки Иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 255–397.

⁸⁴ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81; Вагин В. Сороковые года в Иркутске. В кн.: Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

⁸⁵ Записки декабриста Н.В. Басаргина // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973. С. 12–76.

⁸⁶ Милютин Б.Л. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 317–364, 595–635; Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4–6.

⁸⁷ Венюков М.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Русская старина. 1882. № 2. С. 523–526; Заборинский И.А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Русская старина. 1883. № 6. С. 623–658.

Для второй половины XIX столетия отметим значение воспоминаний И.И. Попова – редактора газеты «Восточное обозрение», который, по его собственным словам, «12 лет ... руководил сибирским общественным мнением, вел газету, которая являлась авторитетным и всеми признанным толкователем сибирского направления...»⁸⁸ Воспоминания И.И. Попова – несомненно важный источник изучения формирования взглядов сибирской интеллигенции на правительственную политику в регионе. Эти мемуарные повествования содержат большой хронологический перечень событий, свидетелем или участником которых был сам автор. Наряду с несомненно яркими характеристиками многих исторических личностей (например, генерал-губернаторов), данные воспоминания доносят до нас и определенный колорит эпохи, представление автора, принадлежащего к близким к сибирскому областничеству социальным группам, о целях и задачах правительственной политики в Сибири, о месте региона в имперском пространстве России.

В этом смысле к мемуарам И.И. Попова примыкают и воспоминания идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, опубликованные в серии «Литературное наследство Сибири»⁸⁹. Для нас они важны не только как бесценные свидетельства современников описываемых событий, но прежде всего как источник изучения противоположной официальной историографии точки зрения на проблему взаимоотношения центра и периферии, на место окраин в имперском пространстве России.

Однако для оценки правительственной политики на окраинах представляется целесообразным сопоставить свидетельства областников с высказываниями представителей официальной точки зрения на этот счет. В данном случае несомненно полезным является знакомство с неопубликованными воспоминаниями А.Н. Куломзина⁹⁰,

⁸⁸ Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск, 1989. С. 7.

⁸⁹ Литературное наследство Сибири. Т. 6, 7. Новосибирск, 1983, 1986.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1642.

который не только был одной из наиболее заметных фигур российской бюрократии конца XIX – начала XX вв., но и в качестве управляющего делами, а затем и члена Комитета Сибирской железной дороги принимал непосредственное участие в решении «сибирских вопросов». Для нашей темы представляется важной та часть воспоминаний, в которой автор ведет речь об его участии в развитии переселенческого движения в Сибирь и о значении этого процесса с точки зрения инкорпорации Сибири в Россию.

Эпистолярное наследие представлено письмами М.М. Сперанского к дочери Елизавете⁹¹ и А.А. Столыпину⁹², в которых отложились материалы, характеризующие состояние сибирского управления во времена предшественника Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля и отражающие ход проводимой реформатором ревизии, а также перепиской великого князя Константина с Н.Н. Муравьевым по делам управления Восточной Сибирью⁹³. Определенный материал по теме нашего исследования содержится также в письмах декабристов В. Штейнгеля⁹⁴, М. Фонвизина⁹⁵.

Эпистолярное наследие второй половины XIX столетия в нашем исследовании представлено уникальным пятитомником «Письма Г.Н. Потанина», составленным С.Ф. Ковалем, А.Г. Грум-Гржимайло, Я.Р. Кошелевым, Н.Н. Яновским и изданным в Иркутске, перепиской Г.Н. Потанина и М.Г. Васильевой⁹⁶. Эти издания проливают свет на интересы и поступки великого сибиряка на рубеже веков, дают представление об общественно-политической жизни Сибири этого периода. Контрастом к

⁹¹ Письма графа М.М. Сперанского к дочери // Русский Архив. 1868. С. 1103–1212.

⁹² Письма графа М.М. Сперанского к А.А. Столыпину // Там же. 1869. С. 1682–1707, 1966–1983.

⁹³ РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 431.

⁹⁴ Сибирские сатрапы 1765–1819 гг. // Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. С. 16–40; Он же. «К иркутскому летописцу пояснение».

⁹⁵ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 2.

⁹⁶ Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». Переписка. Томск, 2004.

отмеченным письмам является переписка С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым и Николая II с П.А. Столыпиным, в которой рефреном проходит мысль об административно-правовой централизации в управлении как наиболее эффективном способе укрепления связей окраин с историческим ядром империи⁹⁷. Таковы основные группы источников, использованных при написании монографии. В сочетании со сведениями, введенными в научный оборот предшествующими исследователями, они дают надежную базу для изучения поставленных задач.

⁹⁷ Переписка Ю. Витте с К.П. Победоносцевым (1895–1905) // Красный архив. Т. 5930. М.-Л., 1928; Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. Красный архив. Т. 5. М., 1924; Из переписки П.А. Столыпина с Николаем Романовым. Красный архив. Т. 5. М.-Л., 1928.

ГЛАВА I

Российские окраины в системе внутренней политики империи

1. Понятие окраины. Типологические сходства и различия

В рассматриваемый период XIX – начала XX вв. Российская империя представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на двух материках – Европе и Азии. Включив в себя значительное экономическое, социальное и географическое многообразие, империя в течение длительного времени сумела обеспечить свою стабильность и развитие, равно как и безопасность населения. В значительной степени это стало возможным благодаря экономическому и военному потенциалу, которым обладала Россия. Основываясь на своем культурном, духовном и этническом разнообразии, она создала особый мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии⁹⁸.

Таким образом, постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в которой различные народы и культуры научились жить вместе⁹⁹. В данном качестве Российская империя являлась особой евразийской цивилизацией. В этой связи весьма уместным представляется замечание о том, что в культурологическом

⁹⁸ Коржихина Т.П., Сенин А.С. История Российской государственности. М., 1995. С. 28.

⁹⁹ Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. 1992. № 5-6. С. 31.

смысле империя есть не что иное, как борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами¹⁰⁰. В политологическом смысле дефиниция «империя» также не несет в себе никакого отрицательного смысла. Происходящая от латинского *imperium*, она означает власть государства. Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти; распространение ее на обширную территорию; значительный этнический и культурно-разнородный состав населения; мощный бюрократический аппарат¹⁰¹. Таким образом, Россия представляла собой классическую империю.

Собственно политическая система России означенного периода в течение продолжительного времени представлялась отечественной историографией в упрощенном виде. Отсутствие историко-генетического подхода обусловило длительное существование представления о России, как о колониальной империи, состоящей из метрополии и колоний. При этом полностью игнорировалось существование протекторатов, административных и политических автономий. Достижения современной историографии, равно как изменение подходов к рассмотрению истории и исторического опыта в целом, поставили перед исследователями проблему определения типологии российской политико-административной системы на различных этапах ее исторического развития.

Образование единого централизованного государства и трансформация его в многонациональную систему имели в своей основе поливариативность моделей вхождения и дальнейшего существования соседних территорий и населяющих их народов в состав империи¹⁰². Важнейшим итогом этого исторического процесса стало образование унитарной по внешним признакам, но по существу поливариативной, многонациональной державы (империи).

¹⁰⁰ Кантор Вл. От русской империи к националистической деспотии. С. 2.

¹⁰¹ Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 96.

¹⁰² Российские окраины... Гл. 8. С. 30.

Собственно же процесс формирования Российского государства как империи происходил в течение длительного периода времени. Корнями он уходит в XIII–XV вв., – период объединения русских земель вокруг Киевского княжества и возникновения раннерусской государственности¹⁰³.

Со времени образования Древнерусского государства и вплоть до конца XIX в. отмечается расширение территории России, сопровождающееся включением в ее состав новых окраинных земель, заселенных зачастую нерусскими народами. Этот процесс в конечном итоге представлял собой не что иное, как формирование империи.

В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи¹⁰⁴. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Не случайно, таким образом, взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России¹⁰⁵.

Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось

¹⁰³ Геополитика в России. М., 2002. С. 19.

¹⁰⁴ Каппелер Андреас. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII вв.: Наследство Руси, Византии и Орды. С. 2.

¹⁰⁵ Лысенко Л.М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 138; Каппелер Андреас. Формирование Российской империи в XV–XVIII вв.: Наследство Руси, Византии и орды. С. 2, 7.

правление Петра Великого. Именно Петр построил империю¹⁰⁶.

Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. Изменение статуса монарха и государства, им представляемого, наглядно демонстрируют титулы Великого князя и императора соответственно. «Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и Ростовский и Пермский и иных». Таков был титул Московского князя середины XV в. Официальный титул императора Петра Первого уже включал в себя перечисление многих земель, которые в тот период уже входили в состав России: «... Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский. Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Лифляндский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных. Государь и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и вся Северныя страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель»¹⁰⁷.

Сравнение этих титулов демонстрирует, как за сравнительно короткий промежуток времени из Великого княжества Московского образовалась огромная империя, которая раскинулась на двух континентах – Европе и Азии, от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши

¹⁰⁶ Кантор Владимир. От русской истории к националистической деспотии. Становление Российской империи, ее пафос. С. 1.

¹⁰⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, собрание и издание Археографической Комиссии. СПб., 1846. Т. 1. С. 42; ПСЗ-1. Т. 6. № 3850.

и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 до 1905 гг., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине¹⁰⁸.

Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что, в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий, имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно с имперским административным строительством на окраинах шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 138.

¹⁰⁹ Ремнев А.В., Дамешек Л.М. Региональная история Российской империи. § 2. С. 18.

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство, располагающееся на двух континентах – Европе и Азии. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Традиционно территории присоединялись либо посредством военной силы (в результате военного конфликта), как было с Финляндией, либо путем добровольного вхождения в состав империи. Примером последнего служит манифест о добровольном вхождении Грузии в состав России¹¹⁰.

В конечном итоге в основе территориального расширения лежали, прежде всего, имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и, прежде всего, в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и длителен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.). Это обстоятельство обусловило появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма¹¹¹.

Таким образом, при выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство, прежде всего, руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге – его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались, прежде всего, по уровню социально-экономи-

¹¹⁰ ПСЗ-1. Т. 30. № 22991; Т. 26. № 19721, 20009.

¹¹¹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002.

ческого и политического развития, а также по национальному составу.

Более высокий уровень развития, чем Россия, имели западные окраины империи: Финляндия и Польша. Значительно ниже этот уровень был на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

По национальному составу также можно выделить несколько типов окраин. Прежде всего, это те же Финляндия, Польша и Кавказ, где преобладало нерусское население, а также азиатские окраины (прежде всего, Сибирь), где титульная нация государства (русские) впоследствии стала преобладающей над коренным населением.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития окраины, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), а также стратегическое значение территории для империи. Именно эти характеристики являлись определяющими для основных направлений имперской окраинной политики по отношению к каждому конкретному региону (территории).

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппарате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

Логическим последствием подобной практики стало порождение ситуации, в результате которой мы можем

говорить о разных степенях распространения на присоединенных территориях общеимперского законодательства: от сочетания общеимперского, местного и традиционного законодательства (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства. Одним из следствий подобной ситуации был разный уровень распространения на окраинах действия учреждений российской администрации. Оба этих признака являлись основными составляющими, определяющими особенности отношений центра и периферийных территорий, с одной стороны, и собственно специфику управления последними, с другой стороны. Несмотря на наличие определенной специфики, вертикаль власти на всех окраинах Российской империи была единой. Основными ее составляющими являлись:

1. Органы высшей государственной власти в столице, в подчинении которых в конечном итоге были все чиновничьи инстанции на окраинах. Высшая государственная власть инициировала и законодательно оформляла все крупные административные нововведения, однако прямого управления окраинами не осуществляла.

2. Центральная территориальная администрация (XVIII в. – территориальные коллегии, XIX в. – территориальные комитеты – Первый и Второй Сибирский комитеты, Польский, Финляндский и Кавказский комитеты).

3. Региональная администрация окраины во главе с генерал-губернатором (наместником), осуществляющая непосредственное управление территорией.

Процесс инкорпорации окраинных территории в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлся одной из приоритетных задач, стоявших перед российским правительством на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако реализация этой цели была сопряжена с целым рядом объективных трудностей, вследствие чего процесс инкорпорации был достаточно длительным. Традиционно

начальный этап его был связан прежде всего с властным освоением новой территории. В процессе этого определялись и вырабатывались формы административного управления каждого конкретного региона (территории). Длительное время в отечественной историографии господствовал тезис о том, что Россия состояла из метрополии и колоний. При этом не учитывалось наличие протекторатов, автономий и других объединений. К сожалению, в современной историографии фактически отсутствует системный подход к решению этого вопроса. Между тем наиболее эффективным методом представляется компаративный подход. Лежащий в его основе сравнительно-исторический метод позволяет выделить общие и особенные черты в реализации окраинной политики Российской империи¹¹². Исходя из этого, можно выделить несколько типов управления окраинами в составе Российской империи.

Первым из них является автономия. Следует отметить, что смысловое значение этого термина (от греческого «авто» – сам и «номос» – закон) вариативно как в науке, так и в общественной практике. За последние два века этот термин наполнился новым смысловым значением и новыми дефинициями. Философский словарь трактует это понятие как объективно самостоятельное бытие, определяемое своим разумом и волей. В историко-юридической литературе под автономией традиционно понимается возможность самостоятельного решения вопросов управления конкретной территорией вообще и право на собственное, пускай и ограниченное, законодательство и самоуправление¹¹³. В то же время историки и правоведы различают два основных типа автономии – административную и политическую (законодательную).

Подобного рода поливариантность смыслового значения этого понятия неизбежно влечет за собой вну-

¹¹² Российские окраины. Гл. 8. С. 30.

¹¹³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Спб., 1890. Т. 1. С. 126; Энциклопедический словарь братьев Гранат. М., 1890. Т. 1. С. 26–31; Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 8–9.

тривиловую вариативность политико-административных единиц Российской империи, которые по своим характеристикам попадают под определение «автономии».

Традиционно в российской юридической и административной практике такая форма была закреплена законодательно. Отличительной чертой политической автономии являлось наличие собственных законодательных органов власти и обладание легитимными прерогативами автономного внутреннего управления. В то же время суверенные права подобных автономий ограничивались общегосударственными институтами. В российских реалиях таким институтом выступала самодержавная власть.

Из российских окраинных территорий к этому типу следует отнести, прежде всего, Царство Польское (Польшу) до 1831 г. и Великое княжество Финляндское (Финляндию). Парадоксальным представляется то обстоятельство, что обе территории отошли к России в результате военных действий: Финляндия после Русско-шведской войны 1808–1809 гг., а Польша по решению Венского конгресса после войны с Наполеоном¹¹⁴. И в том, и в другом случае названные окраины получили свой автономный статус благодаря Александру I, который, по воспоминаниям современников, вообще «любил щегольнуть либерализмом». Однако отнюдь не это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе системы управления данными территориями. Определяющими факторами послужили более высокий (по сравнению с империей) уровень социально-экономического развития Финляндии и Польши, в том числе наличие представительных органов власти.

Немалый интерес представляет форма политической автономии Финляндии, которая была наиболее благополучной российской окраиной.

До 1808 г. Великое княжество находилось в составе Швеции¹¹⁵. Положение Княжества незначительно от-

¹¹⁴ ПСЗ-I. Т. 30. № 22991; Т. 23. № 25824.

¹¹⁵ 20 марта 1808 г. Финляндия была присоединена к России. ПСЗ-I. Т. 30. № 22911.

личалось от колониального: более того, в политическом отношении оно не имело ни тени самоуправления. В Финляндии отсутствовали особые национальные законы и учреждения, которые отличали бы ее от Швеции. В правовом и административном отношении она являлась рядовой шведской провинцией, однако на практике Финляндия была более бесправной, чем коренные шведские области. Это выражалось в следующем:

1. Финляндия служила настоящей ареной для войн, ведущихся Швецией, и, вследствие этого, претерпевала губительные опустошения. Она поставляла шведской армии солдат, а шведскому флоту – матросов, несла тяжкое бремя военных постоев – обеспечения войск транспортом и фуражом.

2. 48 % ежегодно собираемых в Швеции налогов приходилось на долю Финляндии.

3. Финляндия являлась сырьевым придатком Швеции, поставляя ей корабельный лес, топливо, овес, рожь, продукты сельского хозяйства.

4. Финляндия находилась в полной зависимости от Швеции в торговом отношении. Вся оптовая торговля была организована с учетом интересов Швеции (цены и географические направления). Финляндии было запрещено торговать с другими странами, в особенности с Россией. Вследствие указанных обстоятельств финнам приходилось уступать свои товары шведским перекупщикам по неоправданно заниженным ценам.

Столь бесправное экономическое положение Финляндии в составе Швеции особенно усугубилось в конце XVIII – начале XIX вв., когда в связи с развитием денежных отношений и зарождением финской буржуазии оно стало помехой для экономического развития финского хозяйства в целом. Следствием этого явились зародившиеся к началу XIX в. в Финляндии ростки недовольства шведским владычеством и основанные на нем планы освобождения из-под шведской эгиды. Указанное обстоятельство дел служило основной причиной

того воодушевления, с которым финны встретили выход своей страны из состава Швеции и присоединение ее к России¹¹⁶. При этом следует отметить, что присоединение Финляндии к России в 1809 г. было обусловлено как историческими причинами, так и военно-стратегическими соображениями.

Возрастание международной напряженности в районе Балтики с конца XVII в., три войны в течение XVIII столетия в непосредственной близости к столице, наступление в начале XIX в. благоприятной для Российского государства внешнеполитической ситуации – совпадение этих причин заставило Россию пойти на присоединение Финляндии к империи¹¹⁷.

16 марта император Александр I уведомил иностранные державы особой декларацией, где сообщалось, что «отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою, <...> признается областью, российским оружием покоренною, и присоединяется к Российской империи»¹¹⁸. Несколькими днями позже – 20 марта – император подписал манифест «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России». Документ гласил: «Страну сию, оружием нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи, и вследствие того повелеваем <...> принять от обывателей ея присягу на верное Престолу Нашему подданство»¹¹⁹.

Присоединив Финляндию к империи, Александр I предоставил ей статус политической автономии. На практике этот статус имел форму «несуверенного государства, подчиненного России и неразрывно связанного с имперской короной». По основным признакам внутрен-

¹¹⁶ Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975. С. 30–32.

¹¹⁷ Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1910. С. 26; Арсентьев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 56.

¹¹⁸ ПСЗ-I. Т. 30. № 22899.

¹¹⁹ Там же. № 22911.

него устройства, Финляндия представляла собой форму политической автономии¹²⁰.

Эта автономия имела ряд ограничений, проявлявшихся, прежде всего, в сфере высшего управления. Российский император одновременно являлся Великим князем Финляндским. Кроме этого, финский парламент должен был координировать свою деятельность с центральным правительством посредством особого министра (статс-секретаря). Председателем финляндского сейма являлся назначаемый императором генерал-губернатор, который вместе с тем контролировал исполнительную власть в Княжестве¹²¹.

Таким образом, финская автономия не имела аналогов в практике взаимоотношений России с другими, ранее инкорпорированными самостоятельными территориями (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, Молдавия и др.). Политико-административная система Финляндии представляла собой довольно сложный механизм, сочетавший в себе черты буржуазного парламентаризма с пережитками сословно-феодального строя¹²². При этом финская автономия формировалась отнюдь не на нормах шведского законодательства, а на основе целого ряда последующих актов, определивших структуру и компетенцию органов управления окраиной, равно как и их отношение к самому императору¹²³.

После Польши, политический статус Финляндии был вторым в империи. После же известных польских событий 1863 г. и ликвидации польской автономии он стал самым высоким в империи. Особый административный статус обеих окраин в составе империи подчеркивался их бюджетной автономией, законодательно оформленной конституциями 1809 и 1815 гг. соответственно. Более того, именно собственный бюджет составлял одну

¹²⁰ Российские окраины. Гл. 8. С. 38.

¹²¹ Финляндия. Спб., 1898. С. 91–99.

¹²² Российские окраины. Гл. 8. С. 38.

¹²³ Аверин Б. Указ. соч. С. 8; Дусаев Р.Н. Государственно-правовой статус Великого княжества Финляндского. С. 188–219.

из важнейших основ политической автономии Финляндии и Польши. Подобная самостоятельность предполагала сохранение национального бюджетного и налогового законодательства, а также независимость финансового управления обеих территорий от российского Министерства финансов¹²⁴.

В этой связи следует отметить, что одной из отличительных черт российской колонизационной политики была ее нестяжательность – Россия вкладывала в развитие окраин больше средств, чем получала¹²⁵.

Дальнейшее развитие финской государственности в русле преобразований Александра II неизбежно вело к расширению ее автономии. Вполне прогнозируемым последствием развития ситуации могло стать столкновение интересов центра и окраины. Стремясь избежать финского сепаратизма, имперский центр предпринимает ряд мер, направленных на ограничение автономного статуса Княжества. С начала 90-х гг. Александр III переходит к открытой политике ликвидации автономного статуса Финляндии.

Революционные события 1905–1907 гг. благотворно отразились на положении окраины. Самодержавие было вынуждено идти на уступки, утвердив новый сеймовый устав: революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского¹²⁶.

Таким образом, Финляндия представляет особый образец политической автономии в составе империи. Она обладала собственным парламентом, монетной, почтовой и таможенной системами. В этом виде она являет собой весьма удачный образец регионалистской политики. В то же время имперское правительство, расширяя автономный статус окраины, стремилось управлять ей так же, как и рядовыми российскими территориями, не

¹²⁴ Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 гг. С. 4.

¹²⁵ Коржихина Т.П., Сенин А.С. История Российской государственности. М., 1995. С. 30.

¹²⁶ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. СПб., 1913. С. 118.

имевшими особого статуса. Столкновение двух различных начал политики – централистского и регионалистского – было неизбежно. В конечном итоге Великое княжество Финляндское в своем развитии повторило путь других политических образований в составе Российской империи.

Самую большую автономию (с юридической точки зрения) в составе России имела Польша (до восстания 1831 г.). В отличие от финляндской, польская автономия была закреплена конституционно.

Равно как и финская окраина, Польша никогда не являлась колонией Российской империи. Прежде всего, это определялось тем обстоятельством, что указанные регионы по своему социально-экономическому развитию не уступали центральным великорусским губерниям. Однако в большей степени это относилось к Финляндии, нежели к Польше, ситуация в которой представлялась для имперского правительства несколько сложнее. Объяснялось это естественным постоянным стремлением поляков вернуть свою независимость.

После третьего раздела в 1795 г. Польша как единое и независимое государство перестала существовать. Между тем политические события в Западной Европе, непосредственно последовавшие за третьим разделом бывшей Речи Посполитой, невольно направили взгляды поляков на Францию. В этот период она вела войну с Пруссией и Австрией и имела крайне натянутые отношения с Россией.

В республиканской Франции поляки видели защитницу своей погибавшей страны¹²⁷. Однако с низложением Наполеона Польша потеряла надежду вернуть свою независимость. Несмотря на это обстоятельство, как отмечал М. Погодин, она выявила неисчерпаемую живучесть своей нации и тем самым демонстративно указала на необходимость нового разрешения польского вопроса¹²⁸.

¹²⁷ Друнин В.П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928. С. 98.

¹²⁸ Погодин М. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867 гг. М., 1867. С. 37.

Это решение находилось теперь в руках России. Уже в трех первых разделах 1772–1795 гг. на долю Российского государства пришлось около трех четвертей территории и свыше половины населения бывшей Речи Посполитой. Теперь же, после того, как Россия заняла княжество Варшавское, она владела 9/10 частями прежней Польши.

Основываясь на этом фактическом владении польскими землями, Александр I решил образовать соединенное с Россией Царство Польское, в состав которого должны были войти все подвластные России польские земли, то есть большая часть территории прежней Польши.

На Венском конгрессе (1814–1815 гг.), созванном после низложения Наполеона, польский вопрос был одним из наиболее важных и трудных. При его решении столкнулись интересы Пруссии, Австрии, Англии и России. Конгресс противился даже конституционной организации Царства Польского. В итоге восторжествовала русская дипломатия.

В результате произошел в сущности новый, четвертый раздел Польши, по которому Россия, оставляя за собой польские земли, полученные по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Вместе с тем в территориальном отношении Конгресс пошел на значительные уступки: Россия была вынуждена отдать Пруссии около 1/4 княжества Варшавского и выделить Краков. В этом виде польский вопрос вошел в трактаты, заключенные в Вене, с согласия Англии, между тремя державами: Россией, Австрией и Пруссией 3 мая 1815 г.¹²⁹

Отныне Польше была уготована участь быть «в неразрывной связи и во владении... императора Всероссийского и наследников его на вечные времена». Император же, «сообразно с существующим обычаем и порядком», получал титул царя (короля) Польского. Поляки получали гарантию иметь народных представителей и нацио-

¹²⁹ ПСЗ-I. Т. 23. № 25824.

нальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезней – и приличнейшим для них»¹³⁰. Александр I великодушно даровал Польше политическую автономию. Именно благодаря Александру польская окраина получила конституцию, которая являлась наиболее прогрессивной по тем временам конституционной хартией в Европе; в России же она считалась верхом либерализма¹³¹.

Сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили положительное отношение со стороны значительной части польского общества. В то же время, в его образованной части – среди шляхты, буржуазных слоев и интеллигенции – было немало недовольных, считавших более правильной прусскую либо профранцузскую ориентацию. Однако, несмотря на это, в конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности¹³². Между тем конституция Царства Польского вместе с автономией окраины провозглашала ее неразрывную политическую и династическую связь с Россией: Александр I стал царем Царства Польского¹³³.

Таким образом, Польша, будучи окраиной Российской империи, фактически являлась государством со своей конституцией, парламентом, армией, казной и войводствами (не губерниями, как в большинстве окраин), возглавляемыми самими поляками¹³⁴. Российский император, являвшийся одновременно польским королем, признавался главой исполнительной власти, однако законодательные функции он должен был осуществлять совместно с сеймом. Во время отсутствия императора его замещал наместник. При этом «польский наместник»

¹³⁰ ПСЗ-I. Там же; Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 20; Аскенази Ш. Указ. соч. С. 17–19; Друнин В.П. Указ. соч. С. 101.

¹³¹ Кулаковский П.А. Польский вопрос в прошлом и настоящем // Библиотека Окраин России. № 3. СПб., С. 21; Погодин М. Указ. соч. С. 44–46, 117.

¹³² История Польши. М., 1954. Т. 1. С. 409; Краткая история Польши. М., 1993. С. 96–97.

¹³³ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. СПб., 1862. Ч. 1. С. 232.

¹³⁴ История Польши. Т. 1. С. 495.

обладал значительно большей компетенцией, нежели имперский генерал-губернатор. Фактически наместник являлся полномочным представителем императора в этой окраине.

Польское восстание 1830 г. повлекло за собой упразднение конституции и, как следствие этого, потерю значительной части политической автономии. Взамен упраздненной конституции в феврале 1832 г. был принят «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России. Основная его идея заключалась в административном слиянии Царства Польского с империей и установлении такого порядка, который бы исключал повторение подобных восстаний. Фактически Польша перешла на положение территории с административной автономией. Таким образом, польская автономия представляет собой пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию¹³⁵.

Сохранение определенной автономии в окраине было продиктовано стремлением имперского правительства децентрализовать его управление в целях усиления местной власти и повышения ее эффективности¹³⁶. Таким образом, Органический статут, заменявший собой конституцию 1815 г., оказался также достаточно либеральным. Однако не был реализован, так как в Польше продолжалось революционное брожение, готовились новые выступления. В этой связи в 1834 г. император Николай I вводит в Польше военное положение. Польским наместником был назначен фельдмаршал И.Ф. Паскевич, только что вернувшийся с Кавказа. Исходя из своего кавказского опыта, он стремился силой не допустить второго восстания... Все это отодвигало реализацию статута 1832 г. на неопределенное время¹³⁷.

¹³⁵ Российские окраины... Гл. 8. С. 22.

¹³⁶ Аверин М.Б. С. 13.

¹³⁷ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 32–33; Лысенко. Губернаторы... С. 149.

Вступление на престол Александра II символизировало собой наступление эпохи общей либерализации внутренней политики империи. В начале 60-х гг. предпринимались определенные попытки вернуть Польше политическую автономию. Заметим, что в основе их лежало стремление имперского правительства не допустить перерастания начавшихся в Варшаве беспорядков в очередное восстание. В этих целях в Петербурге разрабатывался проект будущего управления Царством Польским, в частности, по указу от 27 мая 1862 г. восстанавливалась внутренняя автономия Царства Польского, как это было по конституции 1815 г.¹³⁸

Однако эти меры были явно недостаточны. Вспыхнувшее в январе 1863 г. польское восстание было жестоко подавлено. В отношении окраины был взят курс на ее скорейшую инкорпорацию с империей. В конечном итоге именно восстание спровоцировало курс на унификацию и русификацию края. Происходит отмена наместнической формы правления вместе с административно-территориальной автономией края: в 1866 г. была введена общеимперская система управления краем, в 1874 г. упразднена должность наместника. На практике это означало полное уничтожение былой автономии, равно как и названия Царства Польского. Отныне в официальных документах оно именовалось Варшавским генерал-губернаторством.

Наиболее сложной российской окраиной, в плане определения типологии модели управления, является Кавказ. Разновременность присоединения территорий Кавказа к России, а также формы, в которых оно осуществлялось, предопределили и многообразие моделей управления. Этот регион являлся наиболее многонациональной окраиной империи, а его полиэтничность и многоукладность выступали важными факторами в процессе формирования местной административно-политической системы. Таким образом, здесь имели место смешанные формы (а точнее, несколько моделей) управления.

¹³⁸ Российские окраины... С. 36.

Модель административного управления, создававшаяся на каждой вновь приобретенной территории, предполагала учет местных особенностей, принципов административного устройства внутренних губерний России, на ней сказывались личные качества главы административной власти на Кавказе. В частности, в Закавказье в процессе его присоединения к России сложилось несколько форм управления: комендантская (военно-народная), губернская, областная, совмещавшиеся с более мелкими и локальными административно-территориальными – округами, магалами и пр. Кавказ на протяжении всей его истории в XIX – начале XX в. оставался либо очагом волнений, либо театром военных действий, а это означает, что военная функция административно-политической системы здесь оказывалась подчас приоритетной.

На большей части окраины была распространена административная автономия. Выступая в качестве одного из способов децентрализации государственной власти в унитарном государстве, она предусматривала определенную степень самостоятельности территории¹³⁹.

Отличительной чертой административной автономии в составе Российской империи являлось наличие особых прав по устройству своей территории, с верховной администрацией метрополии (империи) и смешанной администрацией среднего и низшего звена.

В конце XVIII – начале XIX вв. большая часть территорий Северного Кавказа и Закавказья вошла в состав Российской империи, признав себя вассалами. Это обстоятельство позволяет рассматривать форму управления этой окраиной как протекторат. Протекторат представляет собой полуколониальную форму зависимости, при которой формально сохранялась государственность, но за протектором признавались широкие права и полномочия на вмешательство во внутренние дела зависимого государства¹⁴⁰. В пользу протектората говорит то

¹³⁹ Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 8–9.

¹⁴⁰ Там же. С. 230–231.

обстоятельство, что на Кавказ смотрели как на колонию России, которая поставляла бы в нее сырье для развивающейся текстильной промышленности. Активизация политики царизма на Кавказе была вызвана стремлением обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи¹⁴¹.

Постепенно на ханства стали распространяться общеимперские законы и административные учреждения¹⁴². Тем не менее на основных командных должностях находились представители коренного населения. Состав кавказской администрации был, по оценке современников, «совершенно исключительный», поскольку «ни по одному ведомству» здесь не было «хотя бы полурусской власти»¹⁴³. Де-факто в крае складывалось самоуправление. Таким образом, форма правления, которая утвердилась в регионе, была даже не протекторной, так как протекторат – это значительно больший контроль над местным самоуправлением. В кавказском же случае нельзя сказать, что поддавалось контролированию, а что – нет¹⁴⁴. Тем не менее попытка распространения на окраину общеимперского законодательства и управления встретила на Северном Кавказе сопротивление знати и широких народных масс, вылившееся в конечном итоге в Кавказскую войну. Война была одним из самых сложных и драматичных событий истории региона.

Основные очаги ее были сосредоточены в труднодоступных горных и предгорных районах на северо-востоке и северо-западе Кавказа, окончательно покоренных Российской империей только к концу второй трети XIX в. Ее основным ареалом оказались земли Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни. В ко-

¹⁴¹ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 57.

¹⁴² ПСЗ-2. Т. 15. № 13368.

¹⁴³ Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. СПб., 1911. Т. 8. С. 65.

¹⁴⁴ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 52.

нечном итоге именно война способствовала длительному сохранению в крае административных автономий¹⁴⁵.

В то же время в мусульманском Азербайджане, после его инкорпорации в Россию, с начала XIX в. до 40-х гг. даже при ликвидации отдельных ханств сохранялась старая административная и податная система. Подобная ситуация обуславливалась стратегическим значением Азербайджана, с одной стороны, и соответствующим уровнем его социально-экономического развития, с другой стороны¹⁴⁶. В большинстве ханств была введена система военно-народного управления – одна из разновидностей рассматриваемой модели управления окраинами (административной автономии).

Характерными чертами военно-народного управления являлись неразрывность (комбинирование) военной и гражданской власти; наличие выборных лиц из числа местного (коренного) населения на всех уровнях местного управления (за исключением дел, имеющих политический характер); сохранение в рамках местного законодательства обычного (традиционного) права.

Мусульманские ханства переименовывались в «провинции», которые управлялись военно-окружными начальниками (комендантами из числа полковников или генералов российской армии) и подразделялись на магалы¹⁴⁷.

Комендант имел те же полномочия, что и хан, за исключением права выносить смертный приговор. Он утверждал в должности местного главу мусульманского духовенства, чиновников администрации провинции.

Подобное комендантское управление, основанное на методах управления азербайджанских ханов XVIII в., фактически ничем не отличалось от системы ханского управления. Оно просуществовало до 1841 г. – введе-

¹⁴⁵ Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 156.

¹⁴⁶ Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории, 1983. № 4. С. 42.

¹⁴⁷ Магал (от араб. *махалл*) – в данном случае участок. См.: Дамешек И. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века) // Вестник Евразии. 2003. № 1 (20). С. 174.

ния нового учреждения для управления Закавказским краем¹⁴⁸.

Во второй половине XIX в. на Кавказе сохранялась тенденция увеличения численности доли местного населения во введенных Россией новых административно-управленческих структурах. Связана она была, прежде всего, с деятельностью двух кавказских наместников М.С. Воронцова (1845–1854) и Н.Н. Муравьева (1854–1856)¹⁴⁹. Подобная практика способствовала определенному повышению эффективности управления окраиной. В этот период многие горцы высших сословий стремились получить должность как в центральных, так и в региональных (местных) административных органах управления. Престижными должностями были места начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями со стороны российской администрации было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел делать крупную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Специально для подготовки профессиональных чиновников из числа местных жителей 11 июня 1849 г. было утверждено «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных учебных заведениях Империи»¹⁵⁰.

На Северном Кавказе ликвидация автономий происходила в 60-е гг., после окончания Кавказской войны. Главная задача, стоявшая перед кавказскими наместниками, заключалась в скорейшем, и, по возможности, полном инкорпорировании окраины в империю. Имен-

¹⁴⁸ Лурье С.В. Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // Восток. 1993. № 3. С. 54, 55; Эсадзе С. Указ. соч. С. 65; Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. М.–Л., 1936. Т. 1. С. 7–10; ПСЗ-II. Т. 15. № 13368.

¹⁴⁹ ПСЗ-2. № 18679; РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 15; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 281. Л. 3–3 об., 17–23.

¹⁵⁰ ПСЗ-2. Т. XXIV. Отд. 1. № 23307.

но этим обстоятельством было обусловлено проведение ряда реформ системы управления территорией, разработанных в контексте единой имперской административной системы¹⁵¹.

Третьей моделью окраинного управления является управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях.

Характерным отличием этой модели является наличие имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) – губернатор (гражданский или военный) – уездный начальник. Наличие на присоединенной территории исключительно общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраины в империю. Примером такой модели служит азиатская окраина империи (Сибирь, а впоследствии и Дальний Восток). Изначально на эту территорию была распространена общеимперская система административно-территориального деления управления во главе с воеводой, а впоследствии губернатором и генерал-губернатором. В результате административных реформ первой четверти XIX в. в административном отношении Сибирь состояла из двух генерал-губернаторств: Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского¹⁵². Стремление к дальнейшей унификации страны в контексте единой общеимперской административной системы обусловило ряд преобразований на Азиатской окраине. В самом начале 80-х гг. Западносибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно «подлежащим министерствам»¹⁵³. Однако одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, а незадолго

¹⁵¹ Указ 29 января. ПСЗ-3. № 637; РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Историческая справка... С. 25; Протоколы Комиссии по составлению проекта Положения...; Указ от 29 января: ПСЗ-3. Т. II. Отд. 1. № 638.

¹⁵² ПСЗ-I. № 28892, 29125.

¹⁵³ ПСЗ-III. Т. 2. № 886.

до этого в 1839 г. административный центр генерал-губернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования. Тогда же было образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей, а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область¹⁵⁴.

Представленные основные модели окраинного управления Российской империи отличались вариативностью и стремлением по возможности учитывать местную специфику инкорпорируемых территорий. Несмотря на обозначенное многообразие, система окраинного управления имела ряд общих черт (компонентов). Прежде всего, это существование главы местной администрации в лице наместника или генерал-губернатора. Пользующийся личным доверием императора, он обладал широкой компетенцией и определенной долей автономии для решения на месте большинства возникавших вопросов. Второй особенностью этой системы являлось использование местных обычаев, прежде всего, местных институтов управления и судебной системы, а также активное привлечение национальной элиты к делам управления окраиной (на местном уровне). Третьей существенной особенностью было стремление к унификации системы управления всеми окраинами, в целях их полной инкорпорации в империю.

Таким образом, Российская империя начала XIX-начала XX вв. представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на огромной территории от Балтики до Тихого океана. Характерными чертами российской окраинной политики были ее поливариативность и значительная гибкость, что в конечном итоге обуславливало столь длительное и стабильное существование самой империи.

¹⁵⁴ ПСЗ-III. Т. 4. № 2524.

Вряд ли справедливо утверждать, что сущность российского «имперства» фактически не отличается от западного. В России фактически все территории и населяющие их народы были носителями государственности. Более того, исторически «Россия никогда не была империалистической державой в обычном смысле этого слова, имея в виду, что не в ее привычках было приходить в другие страны с целью их завоевания»¹⁵⁵. Кроме этого, в имперском прошлом не стоит видеть сплошной негатив. Следует помнить, что с ним были связаны такие важные процессы, как взаимовлияние этносов, социокультурный обмен. И от метрополий к колониям шло не только зло (выделено мной. – И. Д.)¹⁵⁶.

2. Роль этнического и природно-географического фактора в окраинной политике

Рассматривая историко-типологические модели взаимоотношений центра и окраинных регионов России, следует отметить, что длительный и сложный процесс выстраивания этого взаимодействия отражал не только эволюцию идей и концепций развития государственно-политической системы Российской империи в целом. Отношения центра и периферии выстраивались не в безвоздушном пространстве, а в конкретных условиях российской действительности. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Эти два понятия, несмотря на известные различия, в то же время тесно связаны между собой и как бы дополняют друг друга. Действие этнического фактора всегда имеет определенную вре-

¹⁵⁵ Коржихина Т.П., Сенин А.С. История Российской государственности. М., 1995. С. 28–29; Устинов П. Моя Россия. М., 1986. С. 13.

¹⁵⁶ Аполлон Давидсон. Историк в постимперском пространстве. С. 6.

менную, т. е. историческую, и в то же время географическую локализацию. Изолированное изучение этносов вне рамок конкретной природно-географической среды обитания не позволяет в полной мере раскрыть механизм формирования и функционирования подходов государства в отношении той или иной этнической группы. С точки зрения системного представления значимости и места окраин во внутренней политике империи, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о роли естественно-географического и этнического факторов в окраинной политике. По своей структуре Российская империя была «составным» государством. В ее состав входили регионы как со значительной степенью автономии, так и с локальным самоуправлением, но сильно интегрированным в административную систему империи. Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессионального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении¹⁵⁷.

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных явлений этой многовековой истории стал процесс «собираания земель». Автору представляется, что термин «собираание земель» вполне применим для оценки правительственной политики по расширению территории не только эпохи образования единого российского государства, но и более позднего периода. Он довольно активно используется в исторических исследованиях последних лет¹⁵⁸. Московские Рюриковичи и петербургские Романовы рассматривали современную им Россию как наследницу земель и идей Киевской Руси. Не случайно в официальном титуле российского само-

¹⁵⁷ Ремнев А.В. Имперское пространство России... С. 317.

¹⁵⁸ Агеев А.Д. Указ. соч. С. 94; Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26; Каппелер А. Формирование Российской империи... С. 1–12.

держца наряду с землями, вошедшими в состав России в XVI–XVII вв., т. е. после завершения процесса объединения земель, содержалось упоминание Новгородских, Киевских, Псковских, Владимирских и иных территорий, являвшихся собственностью еще Древнерусского государства¹⁵⁹. Возникновение теории «третьего Рима» стало идеологическим обоснованием этой убежденности. Одной из форм ее реализации была внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Здесь уместно отметить, что стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для российского государства. Этот процесс можно наблюдать и на примере других «цивилизаций» Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов.

В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем открытого насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии, как насильственного присоединения земель, от мирной колонизации, как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тес-

¹⁵⁹ Мурашев Г. Титулы, чины, награды. СПб., 2003. С. 5–7.

но переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н.И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно, издавна наиболее чтимым святым на Руси был ...Никола Угодник, покровитель путешественников и торговцев»¹⁶⁰. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависа и Рамбо, с российским историком Б.Н. Мироновым, швейцарским исследователем А. Каппелером и другими, которые хотя и по-разному, но в принципе выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы¹⁶¹. В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, затем наступала

¹⁶⁰ Цимбаев Н.И. Российская имперская государственность: к пониманию проблемы // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 15.

¹⁶¹ История XIX века. Под редакцией профессоров Лависа и Рамбо. М., 1938. Т. 6. С. 994; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 26–27; Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 21–22.

очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих «каждой стране на любом этапе ее истории»¹⁶².

Процесс «оцентрирования границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км с населением 178 млн человек (с Финляндией и Польшей к 1914 г.). К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения¹⁶³. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Для исследуемого нами периода отметим восстания 1830–1831 и 1863 гг. в Польше, движение Шамиля на Кавказе, волнения местного населения в Туркестане в 1916 г. Перечень этот можно продолжить. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения

¹⁶² Тарле Е.В. От редактора // История XIX века... Т. 1. С. 14.

¹⁶³ Политическая история: Россия – СССР – Российская федерация. М., 1996. Т. 1. С. 39; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 28; Административно-территориальное устройство... С. 202.

той или иной территории в Россию¹⁶⁴, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общей для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношения полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах –

¹⁶⁴ Каппелер А. Формирование Российской империи... С. 6. А. Каппелер этот тезис формулирует следующим образом: «оказывали ли жители этих регионов военное сопротивление против включения в Россию... или присоединялись добровольно... или их реакция была между этими крайностями».

Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии ...были сохранены»¹⁶⁵, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей... родовой знати и старшин местных народов...»¹⁶⁶, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов¹⁶⁷.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках¹⁶⁸. Для другой западной окраины

¹⁶⁵ Каппелер А. Формирование Российской империи... С. 7.

¹⁶⁶ Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления. С. 2.

¹⁶⁷ Таким документом является инструкция Сената, данная за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора. См.: Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. СПб., 1856.

¹⁶⁸ Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в Российско-Финляндских отношениях XIX вв. // Пространство власти: исторический опыт и вызовы современности. М., 2001. С. 269.

– Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность именно в области финансов. По мнению Е.А. Приваловой, специально изучавшей этот вопрос в хронологических рамках 1815–1866 гг., область финансов «представляла собой ту деятельность, где правительство Царства обладало наибольшей самостоятельностью». В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу¹⁶⁹. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Уже в XVII в. применительно к этому Зауральскому краю по мере продвижения русских колонистов с Запада на Восток правительственные указы требовали не допускать столкновения «новоприходчиков» и аборигенов из-за земли¹⁷⁰, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения ими основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Ясак, в совокупном обложении исчисляющийся в размерах гораздо меньше налогов русского крестьянства, являлся важной статьей государственных, а середины XVIII в. личных доходов Дома Романовых. Тем не менее «инородцы», принявшие православие, в соответствии с действующим в империи законодательством освобождались на три года от уплаты ясака¹⁷¹.

Однако наиболее массовой льготой этнического характера стало решение правительства об освобождении «инородцев» от военной службы¹⁷², несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.

¹⁶⁹ Привалова Е.А. Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // Пространство власти... С. 236–237.

¹⁷⁰ Будицкий П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

¹⁷¹ ПСЗ-2. Т. 7. № 5847.

¹⁷² Об этом подробнее см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1986. С. 112–121.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. О влиянии географической среды на экономику и социальные процессы в отечественной историографии пишут давно¹⁷³. Немало работ появилось и в последние 15–20 лет¹⁷⁴. Несмотря на определенные различия в подходах к теме, исследователей этой проблематики в принципе объединяет то, что большинство авторов акцент в научных изысканиях делает на изучении одного аспекта этой сложной и многогранной темы – влияние географического фактора на хозяйственную деятельность человека. Социальную же сущность взаимодействия человека и природы, как представляется, наиболее отчетливо выражает тезис Л.Н. Гумилева, согласно которому этнос представляет собой не что иное, как продукт процесса адаптации к определенному ландшафту¹⁷⁵. Поэтому думается, что в этом плане данная проблематика еще ждет своего исследователя. Мы же в связи с рассматриваемым сюжетом отметим, что природно-географический и тесно связанный с ним ресурсный факторы оказывали существенное влияние на окраинную политику России.

Исследователи истории Сибири более раннего периода единодушны в том мнении, что при выборе методов колонизации решающими являлись географический и фактор природных ресурсов. В уже упоминавшемся вы-

¹⁷³ Дулов А.В. Дореволюционные историки о роли географической среды в истории России периода феодализма // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1975. Вып. №. С. 45–76.

¹⁷⁴ Анучин В.А. Географический фактор в истории России. М., 1982; Дулов А.В. Географическая среда и история России: XVI – середина XIX в. М., 1983; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса; Зуляр Ю.А. Очерки природопользования в Байкальском регионе. Иркутск, 2002; Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003. С. 53–75. и др.

¹⁷⁵ Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи // Вопросы истории. 1987. № 11.

ступлении А.Б. Каменский прямо отмечал, что «огромная территория страны, удаленность центра от окраин делали центральную власть фактически зависимой от местной, ведь именно на основании информации с мест принимались решения в столице, именно эта удаленность вынуждала наделять местную власть большими полномочиями»¹⁷⁶. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. В исследуемом автором хронологическом отрезке времени это были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, ...и точного исполнения законов и распоряжений правительства»¹⁷⁷. Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Здесь небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается

¹⁷⁶ Каменский А.Б. Элиты Российской империи... С. 10.

¹⁷⁷ СЗРИ. 1892. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Амурского) обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля¹⁷⁸.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временному прекращению добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что от-

¹⁷⁸ Сигов В.В. Корпоративная этика сибирского чиновничества: Дис... канд ист. наук. Иркутск.

крывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи, и изживанию национального сепаратизма становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства.

3. Имперская модель управления окраинами

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию¹⁷⁹.

В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства мононациональные, Россия всегда была многонациональной. Уже в Древней Руси восточнославянское население было тесно связано с другими этническими группами. По мере складывания территории единого Российского государства во главе с Москвой многонациональный характер все более усиливался¹⁸⁰. Роль объединителя различных народов в одном государстве сыграл русский народ.

¹⁷⁹ Преображенский А.А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В.И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 368.

¹⁸⁰ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 211.

Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались религией и психологией. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата и ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями в уровне экономического развития.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства¹⁸¹. Действительно, отдельные особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала под ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным госу-

¹⁸¹ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Феодализм в истории России. Кн. 1. М., 1992. С. 26–31.

дарством¹⁸². Однако, по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом, московские власти начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу Великого московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную границу между русским государством и сибирским ханством¹⁸³.

Инициатива объединения русских земель могла исходить только из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно вырабатывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали пониматься земли не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»¹⁸⁴. С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России стала складываться только в XVII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» Русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще не покоренных кочевников. Правительство сознавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от центра по мере расширения территории Российского

¹⁸² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 136–139.

¹⁸³ Устюжский летописный свод. М.-Л., 1954. С. 94.

¹⁸⁴ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 1.

государства, колонизации окраин. В свою очередь присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит¹⁸⁵.

Наступление российской цивилизации на окраины приводило к отмиранию самой идеи «особенных» правил для данной территории. Однако на новых землях «особенные порядки устанавливались вновь»¹⁸⁶.

По мере завершения объединения русских земель в конце XV – начале XVI вв. Москва все отчетливее понимает, что управлять обширным государством с помощью архаичных институтов и учреждений становится невозможным. Поэтому по мере становления и укрепления самодержавия во внутренней политике начинает четко проследиваться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности некоторых пограничных и окраинных территорий¹⁸⁷.

В последующий период русской истории в XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства, во внутренней политике правительства можно отчетливо на-

¹⁸⁵ Подробнее о значении фактора «рубежа» в истории см.: Агеев А.Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и Сибирский фронт. Материалы Международной научной конференции 4–6 октября 1996 г. Томск, 1997. С. 30–36; Он же. Движение России на Восток и США на Запад: Сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Москва–Иркутск–Тэгу, 1997. С. 18–23; Резун Д.Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. 128 с.

¹⁸⁶ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 338.

¹⁸⁷ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 179–180.

блюдают тенденцию к административно-финансовой унификации, и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи.

В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушшиной. Поэтому центральная власть, по мере возможности, пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли¹⁸⁸.

Аналогичные тенденции в правительственной политике можно отметить и на примере Калмыкии, где с самого начала установления официальных отношений с Россией в правительственном курсе прослеживаются «федеративные принципы»¹⁸⁹.

В истории абсолютистской российской монархии XVIII в. ознаменовался попытками ликвидации остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных земель. В екатерининскую эпоху на Украине была осуществлена отмена гетманства, в Прибалтике учрежден «особый прибалтийский порядок», олицетворяющий автономные права Эстляндии и Лифляндии¹⁹⁰. В Сибири

¹⁸⁸ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

¹⁸⁹ Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995. С. 15–19.

¹⁹⁰ Подробнее см.: Милов Л.В. Управление окраинами империи. В кн.: История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 226–234.

были существенно урезаны права Сибирского приказа, а в 1763 г. последний был окончательно упразднен¹⁹¹. Однако правительство было вынуждено сохранять некоторую децентрализацию власти. На Украине это выражалось в попытках учреждения Малороссийской коллегии во главе с П.А. Румянцевым, в Прибалтике – в организации особой системы крестьянского налогообложения, на востоке страны – в многочисленных административных преобразованиях, предоставлении сибирским губернаторам права самостоятельного принятия ряда решений, как будет «удобно по местным условиям»¹⁹².

В конце XVIII в. после подавления крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева внутренняя политика правительства характеризуется значительным укреплением дворянского аппарата управления, унификацией системы и методов административно-политического контроля за окраинами. По существу, окраинная политика с этого времени становится важной частью общероссийской системы управления.

В первой половине XIX столетия формирование основных направлений окраинной политики находится в неразрывной связи с общими принципами политики государства¹⁹³. Они напрямую зависели «от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности», которые были «неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»¹⁹⁴.

Первая половина XIX в. была отмечена дальнейшим увеличением территории Русского государства. В течение этого периода времени к России отошли почти все Закавказье (без Аджарии и Батума), Финляндия и значительная часть Польши. За счет этих приобретений территория Российского государства увеличилась при-

¹⁹¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 307–308.

¹⁹² ПСЗ-1. Т. 7. № 4916.

¹⁹³ Киняпина Н.С. Внутренняя политика царизма в первой половине XIX в. (обзор) // Вопросы истории. 1968. № 9.

¹⁹⁴ Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 6.

мерно на 1/5 часть и достигла почти 18 млн квадратных верст. При этом общая численность населения страны превысила к середине XIX в. 70 млн чел.

Конечно, не все приобретенные за это время территории имели для России равное стратегическое и экономическое значение. Однако нельзя оставить без внимания то немаловажное обстоятельство, что за счет присоединения Финляндии и Кавказа удлинялась береговая линия империи и расширялись возможности ее морских сообщений с другими странами. Поставщиком сырья для российской промышленности могли стать и некоторые районы Закавказья с их тузовыми садами, плантациями марены и хлопчатника. Наконец, расширение границ империи в южном и юго-восточном направлениях обеспечивало рост площадей плодородных целинных земель, освоение которых позволило надеяться на быстрое увеличение продукции сельского хозяйства¹⁹⁵.

Присоединением Сибири к Российскому государству собственно закончилось формирование его территории и начался процесс имперского строительства. Однако и в начале XIX в. в правительственных кругах на этот регион продолжали смотреть, как на колонию – «Перу и Мексику наше»¹⁹⁶. В то же время предшествующий опыт формирования региональных особенностей внутривнутриполитического курса вынуждал правительство с особой осторожностью относиться к выработке основ этой самой политики, дабы избежать «охлаждения чувств» русских и коренных жителей империи к метрополии¹⁹⁷. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае руководство страны пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе.

В первой половине XIX в. в плане разработки модели окраинной политики наибольшее внимание правительства

¹⁹⁵ История России с древнейших времен... М., 1967. Т. 4. С. 357–358.

¹⁹⁶ Ядринцев Н.М. Экономическое значение Сибири. СПб., 1861. С. 15.

¹⁹⁷ Мы разделяем мнение Л.М. Горюшкина на этот счет. Подробнее см.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 77–78.

привлекали Кавказ, Финляндия, Польша, Сибирь. Однако целостной доктрины окраинной политики ни в эпоху Александра I, ни в период 30-летнего царствования Николая I выработано не было. Имперские амбиции толкали сановный Петербург на введение общероссийской системы управления на вновь присоединенных территориях. Это вело к быстрому и, как казалось, окончательному закреплению окраинных земель в составе империи и, как следствие, повышению международного авторитета правящей династии.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему¹⁹⁸.

Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики. Весьма показательным в этом плане является опыт разработки положения об управлении Кавказом.

Кавказский регион имел для России как экономическое, так и стратегическое значение. На Кавказ смотрели как на колонию империи, сырьевую базу для развивающейся русской промышленности. Однако страте-

¹⁹⁸ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.

гическое значение региона для России преобладало над экономическим: Кавказский хребет защищал южные границы империи, а Закавказье служило плацдармом для движения России в Персию, Турцию и Иран. Вследствие указанных обстоятельств перед российским правительством встала задача интегрировать край в империю, слить его с Россией в одно целое. Варианты осуществления поставленной цели обсуждались в различных правительственных комитетах и на заседаниях Государственного совета на протяжении первой половины столетия. Если проект 1831 г. предусматривал возможность распространения на окраинные территории империи общероссийской системы управления¹⁹⁹, то межведомственная комиссия барона Гана в 1837 г. высказалась на этот счет гораздо осторожнее, считая целесообразным «определить в подробности начала управления, наиболее соответствующие для каждой из провинций». Спустя два года министр финансов Н.М. Канкрин вообще выступил против представления о Закавказье как составной части России, предложив рассматривать его как колонию²⁰⁰.

В конечном итоге цель была достигнута, но не сразу, а постепенно – в четыре приема: реформами 1801, 1805, 1811 и, наконец, 1840 (реформа барона Гана) гг.²⁰¹ В значительной степени, наряду с постепенностью реформирования, этому способствовала также практика учета местных этнических, религиозных и иных традиций Кавказского региона.

Между тем «гановская» система управления, которая, казалось, обеспечивала инкорпорацию окраины в имперскую политико-административную систему, не выдержала проверки временем и вскоре «преврати-

¹⁹⁹ Колониальная политика Российского правительства в Азербайджане. М.;Л., 1936. Ч. 1. С. 231–232.

²⁰⁰ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 75, 82.

²⁰¹ ПСЗ-I. Т. 26. № 20007; Т. 28. № 21753; Т. 31. № 24597; ПСЗ-II. Т. 15. № 13368.

лась в груды развалин»²⁰². Уже спустя два года после ее принятия российское правительство вынуждено было признать полный провал реформы 1840 г.: административная унификация не означала унификации ментальной. В то же время важность завершения инкорпорации окраины обусловила активные действия имперского правительства по поиску оптимального решения стоящих перед ним задач. В рамках реализации последних был предпринят ряд мероприятий, основанных на принципах регионализма. Они нашли свое выражение в принципиально новых административных учреждениях по делам кавказской окраины, основанных в середине 40-х гг. XIX в.: особого Временного VI отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, Комитета по делам Закавказского края и Кавказского наместничества²⁰³. Правительство Николая I отчетливо понимало, что наличие унифицированной административно-политической системы было явно недостаточным условием для создания единого имперского государства. Основным объединяющим фактором в сложившейся ситуации должна была выступать «облеченная доверием Верховной власти сильная местная центральная власть, с обширными полномочиями и достаточными средствами, чтобы внушить уважение к ее цивилизующей миссии». Именно таким «средством к объединению» должно было стать наместничество²⁰⁴.

Удаленность Кавказа от центра страны, его стратегическая и экономическая важность для империи обуславливали широкие полномочия главы кавказской администрации, которые простирались фактически до

²⁰² Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901. С. 307.

²⁰³ ПСЗ. № 16008; РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 9; ПСЗ-2. № 18679.

²⁰⁴ РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Записка статс-секретаря барона Николаи о преобразовании центрального управления на Кавказе. Октябрь 1882 г. С. 5.

министерского уровня²⁰⁵. В то же время имперское правительство отчетливо представляло возможные негативные последствия столь широких властных полномочий наместника. Стремясь нивелировать возможные негативные последствия фактически чрезвычайной власти, официальный Петербург несколько видоизменяет систему высшего управления окраиной. Это выразилось в упразднении Временного VI отделения Собственной е.и.в. канцелярии и переименовании с февраля 1845 г. Комитета по делам Закавказского края в Кавказский Комитет²⁰⁶, с одновременным существенным расширением функций последнего. По замыслу правительства, Комитет должен был в известной степени нивелировать казавшуюся слишком опасной широкую самостоятельность кавказской администрации и не допустить отрыва Кавказа от надзора из центра. Таким образом, складывалась двойственная ситуация: с одной стороны, правительство учреждает в регионе должность с чрезвычайными функциями (наместник), с другой стороны, создает в столице комитет, которому поручает ограничивать эти полномочия. Однако основные усилия всех имперских учреждений на Кавказе были направлены на скорейшее сближение окраины с империей: чтобы «связать с собою этих новых подданных нерасторжимыми узами, чтобы заставить их... полюбить правительство русского монарха... чтобы, покинув несбыточные мечтания, привязаться к своей новой мачехе, как к родной матери»²⁰⁷.

Таким образом, если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями.

Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать

²⁰⁵ ПСЗ-2. № 18679; РГИА. П.з. № 263. Историческая справка... С. 15.

²⁰⁶ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Ч. 1. С. 205.

²⁰⁷ Иваненко В.Н. Там же. С. 348.

мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботническим заливом, как рвом, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I.

Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь – по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане – ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В результате Россия, удер-

живая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.²⁰⁸

В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, которой правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»²⁰⁹. В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось²¹⁰.

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен – 26 февраля 1832 г. – явился в свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. Фактически это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территории Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири.

²⁰⁸ Друнин В.П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928. С. 102.

²⁰⁹ ПСЗ-I. Т. 23. № 25824.

²¹⁰ Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 26.

Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи.

Дальнейшая модернизация системы управления окраинами была продолжена уже в пореформенную эпоху. Буржуазные преобразования 60-х – 70-х гг. привели не только к изменению экономической основы административно-территориальной политики, но и требовали существенного обновления всей программы по выстраиванию взаимоотношений центра и периферии. В этой связи остро встали проблемы взаимодействия центральных органов власти (министерства, комитеты и т. д.) с органами управления на местах (наместничества, генерал-губернаторы), определения их компетенции и полномочий, соотношения территориальных и отраслевых функций органов управления. Данный период хронологически совпал с активизацией внешней политики России, особенно на Среднеазиатском и Дальне-

восточном направлениях. Однако усилия и мероприятия России на отмеченных векторах внешней политики не могут быть поняты без учета противодействия ей таких государств, как Англия, Франция, США и Япония²¹¹. Ко всему сказанному следует добавить еще одно обстоятельство – это восстание в Польше 1863 г. ставшее, бесспорно, своеобразной гранью в развитии национальной политики империи. Жесткое подавление восстания и массовые репрессии, обрушившиеся на поляков, стали лишь первой фазой реализации той новой концепции национальной политики государства, которая именно в это время была сформулирована редактором «Московских ведомостей» М.Н. Катковым, вскоре усвоена правительством и несколько позже заложена в идеологию и практику контрреформ 80–90-х гг. С этого времени стремление к национально-государственной консолидации становится всеобщим, что нашло отражение в трансформации окраинной политики, направленной на всемерное «втягивание» окраин в общероссийскую экономическую, административно-политическую и социокультурную систему.

Между тем система окраинного управления, разрабатывавшаяся для условий первой половины XIX в., уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям второй половины столетия. Эта ситуация была в равной степени характерна для всех российских окраин: Кавказа, Финляндии, Польши и Сибири. Однако наиболее рельефно она проявилась на Кавказе.

На протяжении XIX – начала XX вв. окраинная политика была отражением основных целей и задач, стоявших перед имперским правительством. С изменением направлений в политике рельефно смещались и акценты в политике окраинной. Так было в период 50–60-х гг., когда основные усилия на Кавказе были направлены не

²¹¹ См., например: История дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 218–222; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 131–144.

на его инкорпорацию, а на его «умиротворение»: интеграция без властного покорения была просто невозможна. Лишь после завершения борьбы с Шамилем задача «умиротворения» была успешно выполнена, и только после покорения восточного Кавказа был предпринят ряд мер по инкорпорации – административной и идеологической – новой территории в общеимперское пространство (реформы 1859, 1860 гг.). Продуманность политики и ее последовательность принесли определенный эффект²¹².

Между тем пик правительственных мероприятий по тотальной привязке Кавказа к империи приходится на время «великих реформ». В данном случае инкорпорация подразумевалась, прежде всего, политико-административная. Структурная идентификация по общеимперскому образцу охватила все стороны жизни окраины²¹³.

Эпоха контрреформ начала 80-х гг. характеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации²¹⁴. Кавказ должен был стать рядовой административно-территориальной единицей империи. Наместничество, как особая региональная форма управления, и Кавказский комитет были ликвидированы. Упразднение наместничества вовлекло Кавказ в орбиту общероссийской политики и имперского законотворчества. На окраину механически распространялись все законоположения для внутренних губерний. Все мероприятия правительства направлялись на укрепление режима.

²¹² РГИА. Коллекция печатных записок. № 2941. Материалы по истории и управлению Кавказским краем. С. 24.

²¹³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 88.

²¹⁴ Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. С. 225.

Отсутствие сильной власти на Кавказе сказалось негативно на всех сферах общественной жизни края. Его отдаленность от Петербурга при фактическом нежелании столичных чиновников заниматься текущими делами подведомственного региона не способствовала функциональному управлению Кавказом. Дезинтеграция вела к хаосу, грозившему прочности имперской власти. В условиях бурного общественного подъема, вызванного целым комплексом внутренних и внешних факторов, правительство было вынуждено принять решение о восстановлении в 1905 г. Кавказского наместничества.

Политическая благонадежность финнов «защищала» княжество от пристального внимания российского правительства. Подобный «статус-кво» окраины сохранялся вплоть до 1863 г. Эпоха «великих реформ», принесящая Кавказу тотальную унификацию с империей, Финляндии наоборот принесла этап очередных расширений привилегий. Это не было широким жестом в знак благодарности имперских властей за верноподданнические настроения на данной окраине. В основе этого лежали стремления Петербурга сохранить таковые, не допустить распространения в Финляндии польских революционных настроений. Ради этого Александр II согласился на созыв в 1863 г. Сейма – главного символа финской автономии – и принятие нового Сеймового Устава 1869 г., получившего силу основного закона²¹⁵. Оба мероприятия символизировали собой начало очередного цикла реформ, укрепившего автономный статус Великого княжества. При этом буржуазные реформы Александра II фактически не коснулись Финляндии. Единственной из числа крупных российских реформ, распространившихся на эту территорию, была военная реформа, в результате которой Финляндия в 1878 г. получила право на формирование своих национальных войск, комплектовавшихся исклю-

²¹⁵ Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 64–65, 74–75; Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1863. № 22. С. 1; Там же. 1869. № 11.

чительно из местных уроженцев и подчинявшихся генерал-губернатору²¹⁶.

В результате преобразований финляндская автономия к началу 80-х гг. XIX в. достигает своего пика. Таким образом, Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства²¹⁷. Данное обстоятельство кардинальным образом отличало статус Финляндии от любой другой окраины империи²¹⁸.

Тем не менее контрреформы 80–90-х гг. нашли свое отражение и в мероприятиях окраинной политики. В отношении Финляндии они проявились в ограничении политических привилегий княжества. Официальный Петербург не желал мириться с автономией окраины, которая шла вразрез с имперской стратегией, направленной на унификацию государства. Тем не менее вплоть до конца 80-х гг. имперское правительство воздерживалось от активных действий, направленных на ограничение финляндской автономии²¹⁹. Было решено приступить к постепенному введению общеимперской системы управления в Княжестве посредством слияния отдельных частей управления с общегосударственными и создания административного механизма, защищавшего имперские интересы в крае. Первым и, пожалуй, наиболее ярким проявлением этого стал почтовый манифест от 31 мая 1891 г. (финская почта поступала в полное подчинение к министру внутренних дел империи, при этом обязательным условием для почтовых работников было знание русского языка). Этот манифест стал первым актом начала русификации Княжества²²⁰.

²¹⁶ Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995. (Пер. с финского). М., 1998. С. 61–62.

²¹⁷ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 192.

²¹⁸ Аверин М.Б. Польша и Финляндия в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных систем (сер. 60-х гг. XIX в. – 1914 гг.). Самара, 2001. С. 9–10.

²¹⁹ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 190.

²²⁰ Сборник постановлений... 1890. № 15; Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995. (Пер. с финского). М., 1998. С. 73.

Затем последовал целый ряд мероприятий по ограничению политических привилегий региона, с одной стороны, и увеличению имперского влияния в нем, с другой. К таковым относится упразднение Комитета финляндских дел в 1891 г. и постепенное введение русского языка в делопроизводство официальных учреждений²²¹. Однако объективно подобные действия официального Петербурга лишь незначительно ограничивали самостоятельность Княжества. Принципиальную важность имела проблема определения позиции высших правительственных кругов империи в отношении государственно-правового статуса Финляндии. Сформулирована она была лишь к осени 1890 г. По мнению правительства, статус Финляндии в составе империи определялся, прежде всего, самим фактом ее завоевания, что уже исключало возможность создания на территории княжества какого-либо самостоятельного государства. Таким образом, был взят курс на ограничение, а точнее, на полную ликвидацию автономного статуса Финляндии. Дальнейшее наступление империи на финляндскую автономию выразилось в высочайшем манифесте от 3 (15) февраля 1899 г., в соответствии с которым при рассмотрении законопроектов, имеющих общеимперский характер, финляндскому Сейму принадлежала лишь законосовещательная роль, при этом отрицательное заключение Сейма никоим образом не могло воспрепятствовать распространению этого закона на территории Финляндского княжества²²². Таким образом, с конца XIX в. дарованные Финляндии «свободы» стали подвергаться самым явным ограничениям.

Последовавшие за манифестом несколько лет (до 1903 г.) явились для Финляндии временем тотального наступления на ее привилегии. В финской историографии это время получило название «первого периода

²²¹ Сборник постановлений... 1891. № 27. С. 1–3.

²²² Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3 (15) февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 9.

угнетения»²²³. Подобный подход имел своей целью полную инкорпорацию княжества в империю, что соответствовало общему курсу российского правительства.

Однако революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского, а измененный сеймовый устав, принятый 20 июля 1906 г., законодательно закрепил всеобщее прямое избирательное право населения финской окраины²²⁴.

Значительно сложнее ситуация развивалась в Польше. Поляки стремились к автономии. К середине XIX столетия в польском обществе все большую популярность приобретает идея всенародного восстания, что позволило бы «вернуть независимость» в границах 1772 г. В январе 1863 г. в Польше началось восстание. Однако оно только усугубило положение поляков, став причиной повсеместного уничтожения национальных административных учреждений. Более того, тотальная русификация российских национальных окраин начала ярко проявляться только после второго польского восстания.

После восстания 1863 г. перед имперским правительством встала задача инкорпорации Польши в Россию. При этом, так же как и в кавказском регионе, инкорпорация подразумевалась, прежде всего, политико-административная²²⁵. Для разработки системы структурной идентификации окраины по общеимперскому образцу 25 февраля 1864 г. был учрежден Комитет по делам Царства Польского²²⁶. Реформы, инициированные Комитетом, затронули фактически все сферы государственной жизни окраины, и прежде всего административную. Польские центральные учреждения упразднялись, а подведомственные им отрасли управления переходили в компетен-

²²³ Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 280.

²²⁴ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. СПб., 1913. С. 118.

²²⁵ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 88.

²²⁶ ПСЗ-2. Т. XLI. № 43924.

цию соответствующих имперских министерств²²⁷. Одновременно с этим на Царство распространялась судебная реформа, однако присоединение судебной части Царства к ведомству Министерства юстиции произошло лишь в 1875 г., и с введением новых судебных учреждений с 1 июля 1876 г. упразднялась Комиссия юстиции Царства²²⁸.

Таким образом, был взят курс на ликвидацию польской обособленности. В основе его лежало стремление не допустить повторения польского восстания. Однако определяющим фактором в этом процессе стало общее социально-политическое и экономическое развитие империи в целом и ее окраин, выдвинувшее на повестку дня проблему модернизации административной системы. Подобного рода модернизация предполагала унификацию административной и законодательной системы страны.

Между тем наместническая форма правления, основанная не на общеимперском законодательстве, выделяла этот регион из других национальных окраин с генерал-губернаторской формой правления²²⁹. Следуя курсу на унификацию системы управления, в результате представлений Комитета по делам Царства Польского, в 1874 г. наместническое управление в Польше было заменено генерал-губернаторским²³⁰.

В 80-х гг. XIX в. в Царстве Польском, в соответствии с общеимперским курсом на стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры, происходила дальнейшая ликвидация остатков автономии²³¹. В Польше шла повсеместная русификация, зачатую инициированная представителями местной власти²³². Подобная политика имела определенный эффект – политическая обстановка в крае стала заметно спокойнее²³³.

²²⁷ ПСЗ-2. Т. LV. Отд. 1. № 53025; Аверин М.Б. Указ. соч. С. 13.

²²⁸ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1474. Л. 323; Д. 1189. Л. 44–45.

²²⁹ Градовский А.Г. Исторический очерк... С. 327.

²³⁰ ПСЗ-2. Т. LV. № 53025 а.

²³¹ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 120; РГИА. Ф. 1283. Оп. 3. Д. 239. Л. 253–254.

²³² Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. Петроград, 1915. С. 85.

²³³ Аверин М.Б. Там же. С. 66–67; РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 106. Л. 13–16.

Таким образом, отметим, что окраинная политика российского государства прошла длительный путь развития и эволюции. Она формировалась параллельно с государством. Становление и развитие последнего характеризовалось многообразием форм политического взаимодействия и поливариантностью вхождения в состав формирующейся империи регионов и населяющих их народов. По мере складывания территории государства, включения в его состав различных по уровню экономического развития, природно-климатических условиям и иных факторам территорий, окраинная политика выходит из административной, финансовой плоскости и приобретает многомерное звучание.

В рассматриваемый период времени правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути, она была производной от внутриполитических и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от полной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, Польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию²³⁴.

²³⁴ Российские окраины... С. 230.

Подобные подходы к организации системы управления окраинами свидетельствовали о понимании российским правительством различий в экономической жизни, степени заселения и менталитете населения отмеченных территорий. Между тем система окраинного управления, разрабатываемая для условий первой половины XIX столетия, во второй половине XIX в. уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям. Имперское правительство вынуждено было предпринимать активные усилия по поиску оптимальных решений возникающих задач. Эпоха контрреформ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом, смысле²³⁵. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации²³⁶.

Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоязычными.

В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

²³⁵ Дякин В.С. Указ. соч. С. 133.

²³⁶ Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. С. 225.

ГЛАВА II

Высшие имперские институты власти и Сибирь

1. Место Сибири в системе социально-экономических процессов империи

Изучению проблемы взаимоотношений России и Сибири (центра и региона, метрополии и колонии) необходимо предпослать рассмотрение места Сибири в экономических процессах империи. Постановка вопроса о том, какими ресурсами, в том числе трудовыми, экономическими и социальными, обладал регион, позволит более отчетливо представить мотивы и параметры деятельности имперского центра, формирование региональных особенностей имперской идеологии и практики.

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией²³⁷. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в небольшой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на

²³⁷ Цит по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 15; Гефтер М.Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 383.

окраинах государства²³⁸. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации»²³⁹, следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожных земель, и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двудединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушшиной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределило «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям²⁴⁰. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства и, наряду с русскими крестьянами, должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги, и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства²⁴¹.

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения

²³⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 30; Кристенсен О.Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134.

²³⁹ Кристенсен О.Г. Указ. соч. С. 134.

²⁴⁰ Кристенсен О.Г. Указ. соч. С. 143.

²⁴¹ Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад... С. 80; Дамешек Л.М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сб. мат. Всероссийской научной конференции... Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 91.

этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Якутск (1630), Илимск (1630), Верхотурск (1632), Иркутск (1661), Верхнеудинск (1666), Чита (1653) и т. д. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства²⁴². Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные, по тем временам, отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибирью при некоторой специфике приобрело формы и содержание, характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М.М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область²⁴³. Небезынтересно отметить, что границы вновь образованной Енисейской губернии и Якутской области практически совпадали с границами современных Красноярского края и республики Саха (Якутия), а вот тер-

²⁴² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1–2. Иркутск, 2001.

²⁴³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125.

ритория Иркутской губернии простиралась от границ нынешнего Красноярского края до побережья Тихого океана на Востоке. В территориальном отношении это была одна из самых больших административных единиц империи.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н.Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского. – И. Д.) на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Вехнеудинского и Нерчинского – в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите²⁴⁴. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области²⁴⁵, а в 1858 была образована новая административная единица – Амурская область, в состав которой вошли все земли по левому берегу Амура²⁴⁶. Все три области Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, накануне эпохи «великих реформ» территория Азиатской России в административном отношении делилась на 4 губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и четыре области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую²⁴⁷.

Однако на этом административное переустройство Зауральского края не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым по-

²⁴⁴ ПСЗ-2. Т. 26. № 25394.

²⁴⁵ Там же. № 24811.

²⁴⁶ Там же. Т. 33. № 33862.

²⁴⁷ Об административных преобразованиях на Дальнем Востоке см.: Амурская область: опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 7–9; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма (XVII – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 59–64, 128–133, 226–231; Дамешек И.Л. Окраинная политика... С. 144–150, 153–156; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. 359 с.

литическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены Министерству внутренних дел на «общем основании»²⁴⁸.

Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей²⁴⁹. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Таким образом, территориальные границы исследуемого автором региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию юбилею Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырех губерний и двух областей²⁵⁰. Разумеется, внутри единого имперского пространства границы были весьма условными, а российский имперский проект в конечном итоге предусматривал поглощение имперским ядром окраин государства, в том числе

²⁴⁸ ПСЗ-III. Т. 2. № 886.

²⁴⁹ Там же. Т. 4. № 2524.

²⁵⁰ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

и превращение сибирских и дальневосточных территорий в Россию²⁵¹. Однако именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика, имевшая конечной целью упрочение единства Российской империи. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А.В. Ремнева, поглощало имперские окраины²⁵². Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но, прежде всего, духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса, и, несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание.

В нашу задачу не входит специальное изучение переселенческой политики. Такой анализ является темой самостоятельной работы. Кроме того, предшествующие исследователи вопроса внесли немалый вклад в теоретическое осмысление и фактологическое насыщение проблемы²⁵³. Задача автора в данном случае видится в ином: опираясь на уже опубликованные результаты и привлекая новые

²⁵¹ Этому сюжету А.В. Ремнев посвятил специальную статью. См.: Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири... С. 22–43.

²⁵² Ремнев А.В. Указ. соч., С. 31.

²⁵³ В качестве примера приведем лишь некоторые из них: Ябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808; Бакаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810; Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854; Азиатская Россия. СПб., 1914; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск. 1951; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне октября. Иркутск, 1966; Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск, 1997.

материалы, показать динамику народонаселения региона и влияние этого процесса на хозяйственное развитие края. Не случайно в научной литературе отмечается, что «первая предпосылка всякой человеческой истории это... существование живых человеческих индивидов»²⁵⁴.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом, русского населения возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г.²⁵⁵ Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томскую губернию – 40 760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8093 души (6,81 %)²⁵⁶.

Подобная же ситуация наблюдается и в пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450 000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 000, а в Восточной Сибири – около

²⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 19.

²⁵⁵ Цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев... СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

²⁵⁶ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Указ. соч. С. 269.

100 000²⁵⁷. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, мало пригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г., по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 – 3 млн человек, или в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселение. – И. Д.) в восточных районах осталось 2 510 998 переселенцев, 235 039 ходоков, или 2 745 537 человек²⁵⁸. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн человек, то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человек на 1 кв. км в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 кв. км в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 кв. км., Германии – 102, США – 8, России – 6²⁵⁹.

²⁵⁷ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 24.

²⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 307.

²⁵⁹ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 67.

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. человек. В Западной Сибири это Тобольск – 16 тыс., Омск – 18 тыс., Томск – 15 тыс., Барнаул – 12 тыс.; в Восточной Сибири: Иркутск – 28 тыс., Красноярск – 10 тыс.²⁶⁰ Такие, к примеру, города, как Тобольск и Иркутск, стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10 %. К концу XIX – началу XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне Первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13 %²⁶¹.

Таким образом, независимо от мотивов и побудительных причин самого переселения, крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению

²⁶⁰ История Сибири (учебное пособие). Томск, 1987. С. 185–187.

²⁶¹ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Указ. соч. С. 69.

этнической картины азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «иностранцев», слияние их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л.И. Горизонтов²⁶², предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи²⁶³.

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики – усиление политического единства империи.

Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения несомненно оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Прежде всего, создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные

²⁶² Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129.

²⁶³ См.: Бахтурина А.Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // *Административно-территориальное устройство России...* С. 169–201.

процессы. Все это в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Представляется также, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали индустриальную²⁶⁴.

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться²⁶⁵.

²⁶⁴ Подробнее об этом см.: Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX в. Сб. мат. Всероссийской конференции «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX в.». Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. С. 185–193.

²⁶⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А.С. Кузнецовым, а затем А.В. Ремневым. См.: Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 17.

Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить, что Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины²⁶⁶. После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнине пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Иными словами, доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Характерно, что основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету²⁶⁷. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди²⁶⁸. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди – в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности, например, добыча

²⁶⁶ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

²⁶⁷ Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

²⁶⁸ Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

слюды, развивались слабо и неритмично. Примером этому является черная металлургия, не выдержавшая конкуренции с капиталистическим производством центра²⁶⁹.

В конце XIX – начале XX вв. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В.А. Скубневский, внимательно изучавший данный процесс, пришел к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с «ведущими промышленными районами страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока²⁷⁰. Думается, что такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В качестве примера сошлемся на исследование З.Д. Кастельской, пришедшей к аналогичному выводу на основе изучения экономической политики империи на другой азиатской окраине – Туркестане. «Царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, быстро превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии», – отмечает автор²⁷¹. Во второй половине XIX – начале XX вв. с особой силой проявилась связь между переселением и уровнем развития сельскохозяйственного производства, основной отраслью которого становится земледелие. Хотя последнее по-прежнему сохраняло экс-

²⁶⁹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 290.

²⁷⁰ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в – февраль 1917 г.

²⁷¹ Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980. С. 62.

тенсивный характер, тем не менее волна переселенцев стала мощным импульсом его развития. Переселенцы принесли в Сибирь собственную земледельческую культуру, новые приемы агротехники и массовое кустарное производство.

В.Г. Тюкавкин, И.А. Асалханов, Л.М. Горюшкин, авторы коллективных работ²⁷² на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – начала XX вв. приходят к единодушному мнению о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 гг. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %²⁷³. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн дес. Иными словами, в структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства.

Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пуд., в 1906–1910 гг. – 204 млн пуд., в 1913–305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях – 64, 89, 148 млн пуд²⁷⁴. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг., искусственное завышение цен на ввози-

²⁷² Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1976; История Сибири. Т. 3, Л. 1968; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

²⁷³ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 312–313. Проценты подсчитаны автором.

²⁷⁴ Там же. Т. 3. С. 312–313.

мый в Европейскую Россию сибирский хлеб) снижала конкурентоспособность последнего и, таким образом, сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало существенный отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири. Лишь в 1913 г. тарифный перелом был полностью отменен.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. В отличие от хлеба, ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы²⁷⁵. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило 68 млн руб.²⁷⁶ В более ранней своей работе этот же автор приводит следующие показатели: с 1894 по 1907 гг. выручка от экспорта масла поднялась с 4 тыс. руб. до 44,5 млн руб. Соответственно рос и вывоз самого масла. За период с 1900 по 1907 г. он составил соответственно 16 и 48 тыс. тонн²⁷⁷. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Например, только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведенного в Сибири масла²⁷⁸.

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающей Сибирь с основными промышленными и финан-

²⁷⁵ Крестьянство Сибири... С. 196.

²⁷⁶ Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск, 1990. С. 3–11.

²⁷⁷ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967. С. 158–159.

²⁷⁸ История Сибири. Т. 3. С. 318.

совыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. Еще в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открывается экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а несколько позже, в 1880 г., постановлением начальника Главного управления почт и телеграфов империи был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири²⁷⁹. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем – в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Отмечая это событие, автор известной сибирской хроники И.В. Щеглов писал, что «ныне телеграфные сообщения имеются между многими городами Сибири»²⁸⁰. Развитие средств связи оказывало несомненное влияние на темпы и масштабы инкорпорации Сибири в общероссийские экономические процессы. Тем не менее увеличение товарности хозяйства и тесно связанный с ним рост оборотов внутренней и внешней торговли в большей степени определялись не развитием средств связи, а прежде всего путями сообщения. Не случайно в литературе вопроса отмечается, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта»²⁸¹.

²⁷⁹ Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

²⁸⁰ Щеглов В.И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

²⁸¹ Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного в первую очередь со строительством сети железных дорог в крае. Основным инвестором в данном случае выступала казна.

Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбургско-Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень – Омск, проходившая по густо населенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне и являющиеся составными частями Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам: Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км)²⁸². Эти железные дороги соединяли важные экономические районы с транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6000 км железных дорог, или около 700

²⁸² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 365.

км. в год, и 45 крупных мостов через такие реки, как Иртыш, Обь, Енисей²⁸³.

Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту и в основном обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. человек. Из этого числа железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. человек²⁸⁴.

Проделанное рассмотрение основных отраслей хозяйства позволяет заключить, что на протяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным, как поставщика сырья. Правда, само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем, в связи с истощением пушных запасов и открытием месторождений золота, именно оно стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего это масло. Именно это аграрное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика, в том числе и в экономических вопросах, не только учитывала особенности хозяйственного развития региона, но в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Не случайно в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становится основным источником финансовых поступлений от эксплуатации сибирских земель. Это на-

²⁸³ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. Новосибирск, 1996. С. 262.

²⁸⁴ Мухин А.А. Рабочие Сибири... С. 148.

ходило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации²⁸⁵.

Уровень развития региона и его место в экономике государства принято оценивать в цифрах. Поскольку в сибиреведческой литературе уже имеется такого рода анализ, основанный на весьма солидной источниковой базе и грамотной методологии подсчетов, отметим следующее: ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность²⁸⁶.

2. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. К началу XIX в. к числу

²⁸⁵ Вопрос о месте Сибири в имперском законодательстве был рассмотрен автором в ряде статей, в том числе: Дамешек И.Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в Российском законодательстве // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2003. № 2. Новосибирск, 2003. С. 53–55; Дамешек И.Л. Российское законодательство и Сибирь: соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия региональной политики в исторической ретроспективе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского. (25–26 февраля 2003 г.). Ч. I. Пленарное заседание и работа секций. Иркутск, 2004. С. 37–53.

²⁸⁶ Зиновьев В.П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

сложившихся исторических особенностей России следует отнести ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию с различными природно-климатическими факторами и ландшафтами, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, принадлежащего к различным расам, языковым группам и находящегося на разных ступенях развития, удаленность окраин от центра империи, огромное отличие территорий в уровне экономического развития. Эти и ряд иных, в том числе субъективных, обстоятельств обусловили поливариантность окраинной политики самодержавия²⁸⁷, различия в формах и методах «властного освоения»²⁸⁸ окраинных территорий.

На востоке страны процесс имперского строительства сопровождался сменой первоначальных военно-политических методов на политико-административные. Решение задачи интеграции Сибири в общероссийский процесс социально-экономического развития отодвигалось на третий план²⁸⁹. Объясняется это такими факторами, как слабое заселение края русским населением, огромная разбросанность административных и военных центров, нерешенность проблем коренного населения, свободно кочевавшего вдоль границы с Монголией, обострение внешнеполитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этих условиях правительство не видело иного пути усиления своего влияния во вновь присоединенном, еще плохо обжитом крае, как признание приоритетов административно-политических методов колонизации Сибири над экономическими. Это убеждение нашло свое рельефное выражение в законодательной политике и практике самодержавия, которые были

²⁸⁷ Подробнее см.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 37–64.

²⁸⁸ Термин А.В. Ремнева. См.: Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Серия Межрегиональные исследования в общественных науках. № 3. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 317.

²⁸⁹ Там же. С. 318.

призваны закрепить незыблемость интересов и целей российского самодержавия в регионе. Однако в этой политике с самого начала прослеживается известная двойственность и осторожность. Имперские амбиции толкали сановный Петербург на решительное усиление своего влияния на востоке страны, однако неспособность самодержавия мгновенно реализовать такую программу заставляла его учитывать региональные особенности вновь присоединенных территорий, вырабатывать новую идеологию взаимоотношений «центра» и «периферии».

С точки зрения государственного устройства Российская империя представляла собой унитарное, централизованное государство. Однако в этом государстве наряду с административно-территориальным делением существовало еще одно деление, связанное не только с империей в целом, но и с ее отдельными территориями – это территориально-законодательное устройство империи²⁹⁰. Само по себе появление такого законодательства, действовавшего на определенной территории, стало возможным благодаря осознанию правительством невозможности в полном объеме «подчинить» окраинные территории действию общеимперских юридических норм, а в более широком плане – гибкости, поливариантности окраинной политики империи в целом. Не случайно при анализе территориально-законодательной политики можно отчетливо наблюдать влияние на нее таких факторов, как географический, демографический, национальный, внутривнутриполитический, внешнеполитический и др. Эти особенности и тенденции внутривнутриполитического курса наглядно прослеживаются на примере анализа законодательной политики империи на окраинах государства, в том числе и в Сибири. Однако законодательную политику самодержавия в Азиатской России

²⁹⁰ Кодан С.В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.) // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Материалы Международной научно-практической конференции «Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения», 20–21 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 45.

нельзя понять вне общих замыслов законодателя. А они, по свидетельству такого авторитетного знатока «сибирского вопроса», как С. Прутченко, напрямую зависели от того, «в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности», которые были «неразлучными с постановкой управления слагающихся государства»²⁹¹. В первой четверти XIX в. наиболее крупным законодательным актом правительства в отношении Сибири стал комплекс законов, разработанный М.М. Сперанским и вошедший в литературу под общим названием «Сибирского учреждения» или «сибирских реформ» 1822 г. Сперанский и его «конфиденты» через Сибирский комитет представили на рассмотрение Александру I пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов: «Учреждение для управления Сибирских губерний»; «Устав об управлении инородцев»; «Устав о ссыльных»; «Устав об этапах»; «Устав об управлении киргиз-кайсаков»; «Устав о сухопутных сообщениях»; «Устав о городских казаках»; «Положение о земских повинностях»; «Положение о хлебных запасах»; «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами», которые были утверждены царем 22 июня 1822 г. Сибирские реформы М.М. Сперанского неоднократно анализировались в отечественной историографии и зарубежной русистике²⁹². Поэтому, не вдаваясь в их описание, но памятуя цель нашего исследо-

²⁹¹ Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. С. 5–62.

²⁹² В качестве примера отметим следующие крупные публикации последних лет: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма...; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (К 180-летию Сибирских реформ М.М. Сперанского). Иркутск, 2003; Основные зарубежные публикации по данной проблеме представлены следующими авторами: Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff. The Hague, 1969. 394 p.; Raeff M. Siberia and reforms 1822. Seattle, University of Washington Press, 1956. 210 p.; Stephan J.J. The Russian Far East. «A History». Stanford University Press. Stanford, California, 1994. 481 p.

вания — выяснить соотношение имперских принципов и регионализма в законодательстве XIX в., отметим, что новую систему управления Сибири Сперанский попытался построить на компромиссе интересов верховной, т. е. самодержавной власти с региональными особенностями и отчетливым понимании невозможности в тот период времени полностью подчинить Сибирь действию общеимперского законодательства.

Правительство со времен Екатерины II на разных уровнях традиционно признавало существенные особенности Сибирского края. Одним из проявлений этого стало намерение Екатерины сделать специальную оговорку о нераспространении губернских учреждений 1775 г на Сибирь²⁹³. В 1801 г., отправляя И.О. Селифонтова с ревизией в Сибирь, Александр I прямо заявил в указе: «Мы находим, что сибирский край по пространству своему, по разностям естественного его положения, по состоянию народов, его населяющих...требует... в разделении его ...и в самом образе управления особенного постановления», основанного «на достоверном познании местных обстоятельств»²⁹⁴. Но наиболее ярко мысль о необходимости особой формы управления для Сибири прозвучала в отчете М.М. Сперанского по обозрению края. Вдумчивый ревизор на страницах документа к этой идее возвращается неоднократно. В конечном итоге он приходит к выводу о том, что Сибирь по пространству своему «требует особенных постановлений»²⁹⁵.

Анализируя любое законодательство, необходимо отметить, что в нем не следует видеть нечто подобное фетишу. Закон и реальная практика порой существенно отличаются друг от друга. Но в сибирском законодательстве 1822 г. прежде всего обращает на себя внимание его тщательная предварительная подготовка. М.М. Сперанским и его помощниками, в первую очередь Г.С. Батень-

²⁹³ Российское законодательство. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» М., 1987. Т. 5. С. 170.

²⁹⁴ ПСЗ-1. Т. 26. № 19910.

²⁹⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 22–25.

ковым, был собран и проанализирован огромный комплекс исходных материалов. Итоговый комплекс законов в утвержденном виде не только поражает своим объемом – он состоит из 4019 параграфов²⁹⁶, – но и отличается исключительно высоким для того времени качеством проработки правовых актов. Наиболее характерной его чертой стало стремление Сперанского обеспечить в новом законодательстве сочетание основополагающих политических принципов функционирования империи и сибирской специфики с решением общегосударственных задач.

Регионализм М.М. Сперанского проявился прежде всего в разделении Сибири на два генерал-губернаторства – Западной и Восточной Сибири. Тем самым по существу было положено начало тому административному разделению Сибири, которое сохранилось и по сей день. Региональными мотивами было навеяно предложение о создании двух Главных управлений и совещательных органов при них – советов. Этот же механизм вводился на уровне губерний и округов. Создание Сперанским системы противовеса единоличной власти является, как представляется, уникальным явлением в российском законодательстве первой половины XIX в. Значительно позже, в 60-х гг. XIX в., нечто похожее можно наблюдать в других генерал-губернаторствах Азиатской России, например, в Туркестане. Однако в тот период времени это было принципиальным новшеством в законодательной практике, навеянным традиционным стремлением сибирской бюрократии к «самовластию». Коллегиальные советы и должны были, по замыслу Сперанского, стать гарантами законности принимаемых решений. Обращает на себя внимание состав Главных управлений, в которые под председательством генерал-губернатора входило по шесть чиновников: трое по назначению самого главного начальника края, а трое представляли интересы мини-

²⁹⁶ Подсчитано автором на основе материалов Полного собрания Законов Российской империи.

стерств внутренних дел, финансов и юстиции. Представляется, что в таком механизме формирования советов нашли сочетание принципы отраслевого, территориального и общегосударственного уровней управления, централизаторские и децентрализаторские тенденции. Эти же основы были зафиксированы в статьях закона, определяющих взаимоотношения генерал-губернатора с общегосударственными ведомствами, представленными в регионе: жандармской и почтовой службами, кабинетскими чиновниками, казенными палатами и др.

Региональные мотивы особенно сильно проявились при разработке «Устава об управлении инородцев». Факт появления в российском законодательстве новой сословной категории – тому доказательство. Само слово инородцы в практику русского языка, в юридическую лексику вводится именно Сперанским. Оно отразило эволюцию взаимоотношений имперского правительства с народами Сибири, глубину инкорпорации сибирских аборигенов в общегосударственные политические, экономические и социокультурные механизмы и процессы. Здесь уместно отметить, что на протяжении трехсотлетней истории досоветской Сибири официальное название народов края неоднократно менялось. В XVII коренных жителей Сибири называли «ясашными иноземцами», так как Сибирь и ее население еще только начинали входить в состав Российского государства. Однако по мере утверждения в подданстве они переставали быть иноземцами. В XVIII и в первые десятилетия XIX вв. сибирских аборигенов обычно называли «ясачными иноверцами», т. е. людьми иной, отличной от христианства религии. В XIX в., в связи с распространением православия среди народов Сибири, это название исчезает, как неточно отражающее конфессиональную принадлежность аборигенов. Сперанский вводит новый термин – «инородцы», который стал официальным названием народов края и приобрел сословный характер. Таким образом, в самом термине инородцы заметны эле-

менты региональной специфики, связанной с изменением юридического и социального статуса этих народов в составе Российского государства. В этом же документе обращает на себя внимание и ряд других положений, связанных с сибирской спецификой: разделение аборигенов на три категории – оседлых, кочевых и бродячих, предполагаемая кодификация норм обычного права – с одной стороны, и возможная интеграция аборигенов в общероссийскую административную и экономическую систему – с другой.

Стремление Сперанского учитывать региональные особенности легко прослеживается и на примере анализа других законов, составляющих комплекс «Сибирского учреждения». Примером тому является регламентация подателей и сборов, создание государственных запасов хлеба, заключение торговых сделок и т. д.

Вместе с тем нельзя не заметить, что правовой регионализм Сперанского базировался на имперском законодательстве, его постулатах и имел строго дозированные пределы. В «Сибирском учреждении» 1822 г. легко прослеживаются идеи екатерининского Учреждения о губерниях 1775 г., провозгласившего принцип единоначалия в лице генерал-губернатора как исключительно доверенной от императора особы. Сперанский вовсе не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть. В условиях абсолютной монархии это было невозможно, да Сперанский и не желал этого. Однако он попытался поставить деятельность региональной власти в строго определенные рамки законодательства, что явилось несомненным новшеством для региона и империи в целом.

В то же время сам факт наличия генерал-губернаторской власти, пределы и существо которой не были четко прописаны в законодательстве, осложнял вопрос о подчинении ему учреждений различных ведомств, порождал нежелательные, с точки зрения правительства, дискуссии и вопросы. Представляется, что генерал-губернаторская власть вносила определенный элемент

децентрализации в систему управления, что явилось прямым порождением противоречий внутренней политики самодержавия в первой половине XIX в. «Непоследовательность Александра по делам внутреннего благоустройства сказывалась на всех мероприятиях». Так охарактеризовал великий князь Николай Михайлович внутреннюю политику своего венценосного предка²⁹⁷.

В такой характеристике видится нам прежде всего сочетание имперских принципов и регионализма в законодательстве 1822 г. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами государства, т. е. находилось в русле общегосударственной политики. Как известно, в 1809 г. Финляндия, бывшая шведская провинция, после присоединения к России получила автономный статус Великого княжества Финляндского, положение которого было весьма привилегированным даже «по сравнению с коренными областями империи...»²⁹⁸ В декабре 1815 г. император Александр I «даровал конституцию Польше», считавшуюся по тем временам верхом либерализма в Европе. На Кавказе, который представлял собой весьма пестрый конгломерат этносов и религий, была проведена административная реформа, имевшая целью прочнее увязать этот важный в стратегическом отношении регион с Россией, но в то же время построенная с учетом местных этнических, религиозных и иных традиций. Расширение территории государства и, как следствие, усложнение внутривнутриполитических, в том числе и управленческих задач выдвигали перед правительством задачу поиска путей инкорпорации новых территорий в общеимперское пространство. Одним из таких способов и стала разработка регионально-территориального законодательства, в котором отчетливо

²⁹⁷ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 36.

²⁹⁸ Подробнее см.: Дамешек И.Л. Указ. соч. С.53-58.; Новикова И.И. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в Российско-Финляндских отношениях конца XIX века. // Пространство власти и вызовы современности. ... С. 264-288.

отражались геополитические особенности конкретных территорий. Сибирское законодательство 1822 г. логично вписывалось и дополняло доктрину окраинной политики самодержавия. Оно стало первым опытом комплексного регионального законодательства в империи, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX века и опередившего общероссийскую кодификацию на десять лет.

Вторая четверть XIX в., равно как и последующие пореформенные десятилетия, в плане законодательной практики не принесли Сибири чего-либо принципиально нового. Основное внимание правительство и местная администрация сосредоточили на реализации сибирского законодательства М.М. Сперанского. Буржуазные преобразования 60-70-х гг., за небольшим исключением, не коснулись Сибири, которая вплоть до конца 70-х гг. продолжала жить по законам 1822 г. Не случайно сегодня в научной литературе ставится вопрос о несовпадении общепринятой периодизации истории России и истории Сибири²⁹⁹. Однако в самом начале 80-х гг. Западносибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно «подлежащим министерствам»³⁰⁰. Тем самым правительство как бы вновь выдвинуло на повестку дня то затухавший, то вновь обостряющийся спор о целесообразности сохранения региональных особенностей в организации административного устройства и управления, провозглашенных сибирским учреждением 1822 г. Однако одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области³⁰¹, а незадолго до этого в 1839 г. административный центр генерал-гу-

²⁹⁹ Ремнев А.В. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца веков. Материалы четвертой региональной научной конференции 11–12 ноября 1999 г. Новосибирск, 1999 С. 36–42.

³⁰⁰ ПСЗ-3. Т. 2. № 886.

³⁰¹ Там же.

бернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования.

Тогда же было образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей, а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область³⁰². В 1887 г. вместо Главного управления Восточной Сибири была образована канцелярия Иркутского генерал-губернатора, а сам «главный начальник края», наряду с традиционными, был наделен и широкими дипломатическими функциями³⁰³. В июне 1899 г. иркутскому генерал-губернатору было присвоено наименование «военного». Начавшаяся ломка учреждения Сперанского была связана с изменением основных доминант политики самодержавия по отношению к окраинам государства. Расширение азиатских и дальневосточных владений России требовало активизации и изменения ориентиров в административной и, как следствие, в законодательной политике. В высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться призывы к реорганизации системы управления сибирскими губерниями на «общих основаниях». Почти одновременно с этим были упразднены комитеты по делам Царства Польского, Кавказский комитет и Кавказское наместничество³⁰⁴. Нельзя не заметить, что проведение отмеченных мероприятий по времени совпадает с эпохой контрреформ. Думается, что это не было случайным. Однако проведение такой политики требовало серьезного ресурсного обеспечения в различных сферах – финансовой, организационной, кадровой и, разумеется, юридической. В условиях наметившегося курса на централизацию и унификацию управления центра и периферии одно из наиболее важных условий его осуществления правительство видело в создании корпуса

³⁰² ПСЗ-3. Т. 4. № 2524.

³⁰³ Там же Т. 7. № 4517.

³⁰⁴ ПСЗ-3. Т. 2. № 637; Там же. Т. 1. № 224.

чиновников, которые должны были стать опорой монархии в проведении твердой государственной политики.

Сравнительно-исторический анализ законодательных актов о государственной службе в Сибири свидетельствует об их определенной специфике, связанной, прежде всего, с созданием особых условий службы в этом отдаленном крае. Поэтому большая часть законодательных актов пронизана стремлением привлечь в Сибирь, удержать чиновников на службе. Следствием такого рода особенностей стали многочисленные изъятия из общероссийского законодательства о государственной службе, породившие отличия правового статуса сибирского чиновничества в сравнении с чиновниками Европейской России. Основные из них касались льгот и преимуществ по службе, соотношения чинов и должностей, пенсионного обеспечения и т. д. Всего за период с 1822 г. по 1891 г. в форме различных нормативных актов: высочайших, именных и сенатских указов, постановлений Комитета министров и т. д. было принято 64 закона, регламентирующих условия службы сибирского чиновничества. В данном случае налицо существенное противоречие в законодательной практике империи: стремление к созданию строгой системы законов, составляющих юридическую основу государственной службы, с одной стороны, и многочисленные изъятия из общих правил – с другой³⁰⁵.

Аналогичные тенденции можно наблюдать и в законодательстве в отношении других окраин империи. Эти мероприятия вполне вписывались в доктрину охранительной политики и отчетливо свидетельствовали о стремлении самодержавия выработать единую унифицированную модель по управлению окраинами империи, теснее интегрировать их в общеимперскую адми-

³⁰⁵ Подсчитано автором по материалам ПСЗ. В это число не входят законодательные акты, касающиеся отдельных категорий чиновников (медицинских, почтовых, телеграфных; акты, связанные с повышением жалованья отдельным чиновникам и изменяющие классы должностей и разряды пенсий; штаты, штатные расписания и дополнения к ним; акты о мундирах и знаках отличия; акты о чиновниках военного ведомства, находящихся на гражданской службе).

нистративную, социально-экономическую и идеологическую систему. Важная роль в этом процессе отводилась законодательству.

В Сибири имперские тенденции внутривластного курса правительства особенно ярко проявились в законах об организации крестьянского управления, «иностранном» вопросе и землепользовании. В 1898 г. правительство приняло закон о крестьянских и «иностранческих» начальниках, имевший в своей основе известное реакционное положение о земских начальниках Европейской России³⁰⁶. Памятуя о том, что законодательство само по себе не является фетишем, и что реальное значение его в немалой степени определяется проведением нормативных актов в жизнь, необходимо отметить следующие обстоятельства.

С начала 80-х гг. XIX в. высшая сибирская администрация в своих официальных сношениях с Петербургом все настойчивее проводит мысль об анахронизме сибирского учреждения Сперанского. Особенно острой критике подвергались те статьи законодательства 1822 г., в которых шла речь о региональной специфике управления Сибирью. Наиболее последовательно эти идеи были сформулированы Иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в его отчетах по управлению краем и в специально подготовленном документе: «Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет». Документ был порожден неясностью во взаимоотношениях между «центром» и Сибирью и той ролью, которую надлежало играть Сибири в составе империи в последующем³⁰⁷. Если еще в начале XIX в., по выражению известного мемуариста Ф.Ф. Вигеля, правительство держало Си-

³⁰⁶ Об этом см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (политическая реакция 80-х – 90-х годов. М., 1970. С. 401–411.

³⁰⁷ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.

бирь, как медведя на привязи³⁰⁸, то преобразования М.М. Сперанского существенно изменили ситуацию. Однако теперь, по мнению А.П. Игнатьева, Сибири была необходима сильная власть, пронизывающая все ветви и уровни управления – от генерал-губернатора до губернского и окружного. Именно такой подтекст вытекал из предложений А.П. Игнатьева. Спустя некоторое время министр внутренних дел И.Н. Дурново потребовал от сибирских властей внести конкретные предложения по преобразованию управления во вверенных их попечению губерниях. Необходимые материалы были представлены А.Д. Горемыкиным, ставшим к тому времени Иркутским генерал-губернатором, Томским и Тобольским губернаторами³⁰⁹. Несмотря на определенные различия, важно отметить, что в своей основной части – организации управления сельским населением, составляющим абсолютное большинство жителей огромного региона, эти предложения совпали. Сибирская администрация признала за благо распространить на сельское население закон от 12 июня 1889 г. о земских начальниках «без всяких изъятий», имея в виду подчинить его действию как русское крестьянское население, так и аборигенов³¹⁰. Таким образом, необходимое направление будущей реформы было найдено. Уже изначально власть провозгласила курс на унификацию организации управления сельским населением Европейской России и Сибири. Однако разработка закона затянулась надолго. Не последнюю роль в этом сыграли оживленные споры о географии применения будущего закона, сроках его введения и т. д. Немаловажным было и несогласие с принятием закона министра финансов С.Ю. Витте, ссылавшегося на отсутствие в казне необходимых для реализации будущего закона денежных средств³¹¹.

³⁰⁸ Вигель Ф.Ф. Записки. Захаров-Москва, 2000. С. 192.

³⁰⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 162. Л. 173 об.; Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 173 об.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 45–47.

Решающей в этих спорах оказалась позиция нового министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, однофамильца иркутского генерал-губернатора, чьи предложения легли в основу закона от 8 июня 1898 г. под названием: «Временное положение о крестьянских начальниках»³¹². Действие закона распространялось на территории Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний. В апреле 1901 г. он был распространен на Забайкальскую область.

По закону круг полномочий крестьянского начальника был очень широк. Крестьянский начальник становился полным хозяином жизни на селе – всех крестьян и инородцев без исключения, степень полицейской опеки власти над «сельскими обывателями» резко возрастала. Крестьянский начальник наделялся широкими административными правами в отношении должностных лиц сельского управления, вплоть до штрафа и ареста последних. Характер проведения закона в жизнь, процедура подбора кандидатов на должности крестьянских начальников и попытки его распространения на новые, в том числе северные территории, например, Якутскую область, наглядно свидетельствуют о начале качественно иного этапа правительственной политики в Сибири, пронизанного имперскими устремлениями полного подчинения Азиатских губерний и областей действию общероссийского законодательства. В эпоху поздней империи, когда приспособление институтов монархии к реалиям новой жизни шло крайне медленно, о принципах регионализма, провозглашенных в 1822 г. М.М. Сперанским, предпочитали не вспоминать. Это предложение, прозвучавшее во время слушания отчета Иркутского генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева в Комитете министров, нашло в правительственной среде скорый и сочувственный отклик, а Александр III на полях документа с восторгом написал: «Да! Весьма пора».

³¹² ПСЗ-3. Т. 18. № 15503.

Одновременно с этим правительство приняло серию документов, провозгласивших начало земельной и административной реформы у крестьян и аборигенов. Основное содержание новых нормативных актов было изложено в законах «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев...» 1896 г. и в «Правилах о порядке определения земельных наделов...» 1898 г.³¹³ Логическим продолжением и дополнением этих аграрных законоположений стал закон 19 июня 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»³¹⁴, в котором было выражено непоколебимое мнение о незыблемости прав государства и Кабинета на все сибирские земли. Ни о каком признании прав крестьян и аборигенов на так называемые «породные» земли, или занимаемые по праву давности, речь уже не шла. Пятнадцатидесятинные наделы, установленные законом, надлежало отводить не в собственность, а в пользование, за что сельские жители и обязывались платить соответствующие налоги. При изучении сибирских землеустроительных законов важно проанализировать не только их содержание, но и способы реализации. На наш взгляд, несомненной в обоих случаях является их имперская направленность. Жесткая 15-десятичная норма, установленная законом, повлекла за собой значительные земельные отрезки у крестьян-старожилов и аборигенов с целью создания резервного земельного фонда для переселенцев. А сама переселенческая политика, наряду с объективными позитивными экономическими последствиями, в политическом отношении преследовала цель разрядить аграрный кризис в Европейской части страны и тем самым упрочить устои самодержавия. Иными словами, политические задачи по укреплению институтов монархии диктовали необходимость принятия объективно прогрессивных экономических решений. Но если в данном случае мы наблюдаем

³¹³ ПСЗ-З. Т. 16. № 12998; Т. 18. Отд. 1. № 15539.

³¹⁴ Там же. № 14908.

казалось бы невозможное сочетание имперских целей с буржуазным содержанием, то пути и методы реализации отмеченных аграрных законоположений не оставляют сомнений в конечных целях законодателя.

Все землеустройство проводилось в два этапа. Первый условно можно датировать 1896–1907 гг. В течение этого времени, особенно в годы первой российской революции, правительство действовало достаточно осторожно. Подобная тактика объясняется мощным протестным движением сельского населения Сибири, направленным против землеустройства. Однако на втором этапе (1907–1917 гг.), после начала столыпинской аграрной реформы, самодержавие в вопросах землеустройства сельского населения Сибири, по характеристике современника, буквально «закусило удила», чиновники переселенческого управления действовали не просто дерзко, а подчас агрессивно, стремясь любыми способами найти возможность пополнить размеры колонизационного фонда³¹⁵. Представляется, что в данном случае имперские политические цели законодательства совпадали с методами его осуществления, но их политические последствия оказались мало прогнозируемыми правительством. Несомненно, объективно, особенно в экономическом плане, переселение крестьян на окраины имело прогрессивное значение³¹⁶. Однако именно имперские цели и методы реализации этой землеустроительной политики породили мощное протестное движение сельского населения Сибири с ясно выраженной антимонархической идеологией³¹⁷.

В этом смысле Сибирь не была исключением из правил. Нечто подобное можно наблюдать на рубеже XIX–XX вв. в Башкирии, Казахстане, Туркестане³¹⁸, где на практике эконо-

³¹⁵ Сибирские вопросы. 1910. № 5. С. 18.

³¹⁶ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

³¹⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 227, 276.

³¹⁸ Раимов Р.М. Аграрная революция в Башкирии 1917–1923 гг. // Исторические записки. 1950. Т. 32. С. 40–65; Ваинов О.А. Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907–1914) // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 74, 82, 83, 87; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980. С. 39–54.

номические мотивы реформы подменялись ничем не прикрытым насилием и русификацией. Субъективные усилия наиболее активных сторонников самодержавия по упрочению устоев империи на окраинах государства объективно приводили к диаметрально противоположным результатам.

Имперские тенденции прослеживаются и в законодательстве о ясачной политике. Формально верховным собственником сибирских земель, на которых проживали аборигены, выступало государство, которое имело свои, отличные от других собственников, например, императорского Кабинета, финансовые интересы. В процессе землеустройства аборигены из сословной категории инородцев перечислялись в крестьянское сословие и сравнивались с ними во «всех податях и повинностях». Земля инородцам, как и русским крестьянам, отводилась в пользование, за что они обязывались платить соответствующие налоги и нести повинности наравне с русскими крестьянами. Однако основной податной обязанностью сословия инородцев был ясак, собственником которого, в отличие от податных платежей русских крестьян, выступало не государственное казначейство, а Кабинет – главный финансовый орган коронной фамилии. Государственное казначейство и Кабинет на протяжении длительного времени вели сложную систему взаиморасчетов, убедительно свидетельствующую о том, что на практике совладельцами сибирских земель, на которых проживали крестьяне и аборигены, выступали два ведомства – казна и императорский Кабинет, и никто из них не хотел поступить даже небольшой долей своих доходов³¹⁹.

Об имперской направленности аграрной политики правительства в Зауралье достаточно красноречиво свидетельствуют многочисленные попытки насадить там частное помещичье землевладение. На протяжении второй половины XIX в. они предпринимались неоднократно. В своей экономической основе подобные устремления

³¹⁹ Подробнее см.: Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983.

имели цель поднять пошатнувшуюся роль помещичьего хозяйства в аграрном производстве страны, а в отдаленной перспективе – усилить политическое влияние дворянства во всех сферах жизни российского общества. По замыслу разработчиков, для Сибири предполагаемые ко введению законы должны были иметь особенное значение прежде всего в плане интеграции азиатских окраин империи в общероссийские экономические и общественные процессы, административное устройство и т. д. Выступая на заседании Комитета Сибирской железной дороги в марте 1898 г., на который указом Николая II были «возложены заботы по заселению придорожных местностей», статс-секретарь А.Н. Куломзин подчеркивал, что целью предполагаемых мероприятий должно стать «благо Сибири имеющей в будущем развиваться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства»³²⁰. Основная причина провала всех предшествующих начинаний правительства по насаждению частной земельной собственности в Сибири заключалась, по мнению Куломзина, в отсутствии в этом крае «тех общественных слоев», которые «ближе всего» традиционно находятся к сельскому населению и «распространяют среди него цивилизующее влияние». Таким общественным слоем Куломзин считал поместное дворянство. Именно оно представляло собой тот здоровый «консервативный элемент», который всегда являлся надежной опорой государственной власти. Между тем в свете провозглашенного правительством курса на «полное и всестороннее слияние сибирского края с остальными частями империи», на что были «направлены все меры за последние годы», отсутствие «образованных лиц», т. е. дворянства, внушало Куломзину особые опасения³²¹.

Предшествующие исследователи аграрной политики самодержавия в Сибири не раз обращались к этому сюжету. Несмотря на имеющиеся расхождения В.Г. Тюкав-

³²⁰ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6–7.

³²¹ Там же. Л. 6 об.–7.

кина с одной стороны, и В.Н. Худякова и И.В. Островского с другой³²², нельзя не заметить, что методология оценки возникающих законопроектов большинством историков была заимствована из статьи В.И. Ленина «Крепостники за работой»³²³. Этого оказалось достаточно для того, чтобы охарактеризовать возникающие законопроекты и, разумеется сам закон как крепостнический. Думается, однако, что историю аграрной политики, как и само аграрное законодательство, не следует сводить только к проблеме насаждения в Сибири помещичьего землевладения. На самом деле вопрос представляется гораздо шире, его следует рассматривать не как проблему взаимоотношений метрополии и колонии, а как чрезвычайно длительный и сложный процесс интеграции Сибири в общероссийское экономическое и политическое пространство.

Строительство Транссиба резко повысило потенциальные возможности богатой Сибири. Эта грандиозная стройка по времени совпала с резко возросшей волной самовольного переселения крестьян за Урал после голода 1891–1892 гг. По мнению Л.Ф. Складорова, специально изучавшего вопрос, правительство почти утратило контроль за этим процессом³²⁴. В этих условиях давно назревавшие проблемы центра правящие круги Петербурга, во многом сохранившие психологию феодальной эпохи, попытались решить за счет «периферии», наметив для колонизации ряд азиатских районов страны, в заселении которых правительство было заинтересовано³²⁵. Однако на сей раз процесс переселения на окраины не мог быть пущен на самотек. Хозяйственная и общественная жизнь в местах массовых переселений должна была ор-

³²² Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 33–76; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 188; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 102–119.

³²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 88–90.

³²⁴ Складоров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 66.

³²⁵ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 48.

ганизовываться и направляться под отеческим наблюдением российских помещиков. Участники обсуждения законопроекта, состоявшегося в Министерстве земледелия 1 июля 1898 г., на последнее обстоятельство обратили особое внимание. По их мнению, в места массовых переселений следовало «привлечь такое население, которое по культурности своей было бы примером для местных крестьян в деле улучшения сельского хозяйства и создания новых отраслей в промышленности...»³²⁶ Однако это была только часть задачи дворян-переселенцев. Гораздо более важная общественная функция таких «новоприходчиков» заключалась в том, чтобы выделить из своей среды «компетентный круг лиц для занятия общественной деятельностью...» в различных учреждениях. Участники обсуждения законопроекта, правда, признавали, что после отмены крепостного права «лица всех сословий пользуются одинаковыми правами приобретения земельной собственности» и по этой причине считали «неудобным в деле создания частного землевладения в Сибири» иметь в виду исключительно дворян³²⁷. В то же время, по их мнению, необходимыми качествами и навыками «в силу своего развития» могли обладать «преимущественно дворяне», что давало им неоспоримые преимущества в деле «постановки... хозяйств на рациональную почву...»³²⁸

8 июля 1901 г. Николай II утвердил закон «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири»³²⁹. Хотя в названии закона четко определялись территориальные рамки применения, однако в ст. 1 уточнялось, что действие его положений распространяется на генерал-губернаторства Степное, Иркутское, Приамурское и губернии Тобольскую и Томскую. В условиях постоянно усиливавшейся борьбы российского крестьянства за землю, закон разрешал продажу земли с торгов представителям всех

³²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 80. Л. 41.

³²⁷ Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 80. Л. 41 об.

³²⁸ Там же. Л. 40.

³²⁹ ПСЗ-З. Т. 21. Отд. 1. № 20338.

сословий, кроме иностранцев и «инородцев». В то же время подчеркивалось, что в «правительственных видах» и «по благонадежности своей» наиболее желательными землевладельцами в Сибири признаются «лица дворянского происхождения» (ст. 11). Для продажи предназначались участки до 3 тыс. дес., поэтому купить их могли только состоятельные лица. Законодатели учли печальный опыт неудачных предыдущих попыток ввести помещичье землевладение в крае, связанный с отсутствием в Сибири крепостных крестьян или дешевой рабочей силы³³⁰. Поэтому ст. 4 закона предусматривала определенный порядок нарезки частновладельческих земель, которые должны были непременно располагаться чересполосно с крестьянскими землями. Представляется, что это положение правительство заимствовало из статей закона 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права в России. Известно, что именно чересполосица в условиях массового малоземелья крестьян заставляла последних арендовать землю у помещиков на кабальных условиях. Нечто похожее теперь предполагалось повторить в Сибири. Не касаясь вопроса о реализации закона – это тема специального исследования, – отметим, что он отразил стремления дворянско-бюрократических кругов создать в Сибири опору государственной власти в лице крупных землевладельцев. Таким путем правящая бюрократия еще раз попыталась «приспособить» Сибирь для решения социально-политических проблем разлагающейся империи.

Таким образом, отметим, что в российском законодательстве применительно к Сибири на протяжении длительного периода можно наблюдать сочетание имперских признаков и регионализма. Наиболее ярко региональные мотивы проявились в первой четверти XIX в. и были связаны с преобразованиями М.М. Сперанского. В конце XIX и начале XX столетия в законодательстве отчетливо прослеживается преобладание имперских тенденций, что было связано с формированием и реали-

³³⁰ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября... С. 46.

зацией на практике консервативной идеологии поздней империи.

3. Особые комитеты как органы управления окраинами империи

Определение путей и методов инкорпорации окраинных территорий в Россию имеет сложный теоретический характер. Представляется, что как минимум можно говорить о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах.

Со времени образования единого российского государства в XVI столетии территория складывающейся империи непрерывно продвигалась на восток. Анализ правового и конкретно-исторического материала позволяет утверждать, что империя, включая в свой состав то или иное пространство и народы, начинало их властное освоение, интеграцию в империю прежде всего с политико-административных мероприятий, создания опорных военно-промышленных пунктов и оборонительных рубежей. Вот почему на первом этапе интеграции окраинных территорий преобладали военно-мобилизационные методы. Решение задачи экономического освоения новых территорий отодвигалось на второй план, но именно ее решение должно было в конечном итоге обеспечить выполнение стратегических целей Российского государства на востоке – «превращение» вновь присоединенных территорий в Россию. В истории государственного строительства России особенно важным является середина XVI в. В 50-е годы этого столетия в состав Московского царства вошли Казанское и Астраханское ханства. Тем самым этнополитическая и этноконфессиональная картина Российского государства существенно изменилась, доля нерусского населения в составе государства резко возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью

учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор³³¹. Обширность и разнообразность новых территорий, значительная удаленность многих из них от центра, приграничное положение и даже соседство с враждебными России государствами заставляли московское правительство решать ряд первоочередных задач в области управления. Новая геополитическая реальность диктовала потребность разработки иной модели взаимоотношения с окраинами, основанной на сочетании методов жесткой централизации в управлении, с одной стороны, и учета конкретных местных реалий – с другой. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Вот почему первые приказы – Разрядный, Поместный и другие – строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т. е. обладали общегосударственными функциями. Такая административная практика вполне отвечала и политическим задачам централизации государства. Однако управление окраинными территориями уже тогда нередко поручалось Посольскому приказу. В середине XVI в. последний, к примеру, управлял Карельской землей. Дальнейшая эволюция форм управления окраинами напрямую зависела от роста территории и стратегических взглядов правительства на перспективы и приоритеты развития вновь приобретенных земель в составе России.

Применительно к Сибири наглядным примером эволюции взглядов государственной власти на место новых земель в составе возникавшей империи стало изменение названий центральных органов, ведавших этой территорией. До конца XVI в. Сибирь находилась в ведении Посольского приказа. Тем самым как бы признавалась незавершенность процесса присоединения данных пока еще

³³¹ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2001. С. 38.

«порубежных» территорий, о которых правительство зачастую имело весьма смутные представления. Это было косвенное признание Сибири «чужой» территорией, еще не ставшей составной частью России. Административное подчинение вновь присоединенных восточных территорий Посольскому приказу отражало период даннических отношений между Москвой и народами Сибирского царства. По мере упрочения положения русских в Сибири, основания административных центров, дальнейшего расширения вновь осваиваемой территории этот порядок должен был измениться. Принципиальным рубежом в организации управления восточными территориями стал указ Б. Годунова о передачи Сибири в ведение Казанского приказа в 1599 г. Факт образования данного органа, первые упоминания о котором относятся к 1565 г., весьма примечателен. Это был первый из центральных приказов с широкой областной компетенцией. Его появление стало следствием резко возросших административных и финансовых забот правительства на востоке после присоединения к России земель Казанского и Астраханского ханств. Приказ осуществлял административное, финансовое, судебное и т. д. управление всеми восточными территориями России, в том числе и сибирскими. Однако быстрый рост последних и, как следствие, усложнение управленческих функций привели к образованию в недрах приказа особой группы канцеляристов, ведавших исключительно сибирскими вопросами. Именно на ее основе царским указом от 19 февраля 1637 г. было образовано новое центральное учреждение с областной компетенцией – Сибирский приказ. Его функции, персональный состав служащих вполне соответствовали политическим представлениям московских властей о месте и значении Сибири для России. Определяя компетенцию нового государственного учреждения, правительство продемонстрировало способность к более широкому формату сотрудничества, чем это наблюдалось до сих пор. Не случайно, в отличие от остальных областных

приказов, занимавшихся по преимуществу финансовыми вопросами, Сибирский приказ имел весьма широкие полномочия – от административно-финансовых до военных и даже дипломатических³³². Подобную широкую компетенцию отнюдь не следует рассматривать как возврат к децентрализации управления или как проявление слабости правительства. Скорее наоборот, она являлась подтверждением гибкости правительственного курса, направленного на «приспособление общегосударственной системы учреждений к новым районам с особым укладом жизни и иным уровнем развития»³³³. Деятельности нового приказа правительство придавало важное значение. Об этом свидетельствует тот факт, что должность судьи (руководителя) в этом ведомстве занимали виднейшие представители московской бюрократии: князья и бояре Б.М. Лыков, Н.И. Одоевский, И.Б. Репнин др.³³⁴

Во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства, во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Особенно отчетливо гибкость правительственного курса проявилась на примере выстраивания отношений Москвы с Украиной, которая после воссоединения с Россией поначалу управлялась (как несколько ранее и Сибирь) Посольским, а с 1662 г. специально образованным Малороссийским приказом. Как и Сибирский приказ, этот новый государственный орган был центральным учреждением с областной ком-

³³² История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 124.

³³³ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 26.

³³⁴ Власть в Сибири в XVI – начале XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 8.

петенцией. В то же время Украина сохраняла известную автономию в области управления³³⁵.

Таким образом, можно констатировать, что уже в начальный период образования единого российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией. Подобные прецеденты правительственного курса вызывались, как правило, существенными различиями в экономическом, политическом и этноконфессиональном развитии территорий, вошедших в состав России на протяжении XVI–XVII вв. Основная задача таких учреждений заключалась в том, чтобы объединить в одном ведомстве все многочисленные вопросы специфического территориального управления, разгрузить от их решения другие государственные учреждения и тем самым оптимизировать процесс управления окраинами.

Сибирский приказ просуществовал до начала XVIII в., когда в связи с первой областной реформой был упразднен, что привело к сосредоточению всей власти в руках губернатора. Однако в этом факте не следует видеть только элемент усиления личной власти в управлении³³⁶. Такая трактовка представляется односторонней. Более обоснованным является суждение А.Б. Каменского о том, что на новом этапе развития государства задачи модернизации требовали концентрации всех хозяйственных, финансовых и людских ресурсов с целью достижения максимальной четкости в управлении. Кроме того, областная реформа Петра I стала выражением поиска оптимальной модели взаимоотношений центра и периферии в период, когда государство решительно отказалось от признания особого статуса еще недавно покоренных территорий. В этих условиях оказались ненужными и особые органы управления такими территориями. В ито-

³³⁵ Ершкін Н.П. Історія державних установ до революційної Росії. М., 1968. С. 74; Історія державного управління Росії. Ростов-на-Дону, 1999. С. 123.

³³⁶ Власть в Сибири... С. 17.

ге отметим, что уже в начальный период оформления империи можно наблюдать активные поиски властью оптимальной формы взаимоотношения центра и окраин государства, отвечающей новым политическим реалиям.

Однако стремление форсировать процесс интеграции вновь присоединенных земель в общероссийские административные и экономические механизмы и процессы отнюдь не всегда приводило к позитивным, с точки зрения власти, результатам. Неудовлетворительное поступление налогов оказалось решающей предпосылкой для восстановления в 1730 г. Сибирского приказа, просуществовавшего до 1762 г.³³⁷ По заключению Сената, Сибирь теперь «не в таком смотреении состоит, как прежде того бывало», когда в Москве был собственный Сибирский приказ. Между тем в «таком отдаленном краю», как Сибирь, где «ни о чем не видно, как воеводы поступают, доходы денежные и ясачные собирают...»³³⁸, по мнению Сената, ощущалась острая необходимость в создании особого органа управления, промежуточного звена между центральным правительством и властями региона. Хотя функции воссозданного Сибирского приказа, по сравнению с его предшественником, были существенно урезаны, это не меняет принципиальной оценки факта – признания правительством необходимости особого порядка управления Сибирью. Если Сенат олицетворял собой высшее правительство, то вновь возникший Сибирский приказ должен был стать своего рода особым присутствием Сената в Сибири.

Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в., в период роста и укрепления бюрократии. Несмотря на дальнейшую централизацию системы управления, были созданы новые звенья по управлению окраинами, приобретшие значительное административное влияние. Такая практика вносила определенный элемент децентрализации в систему управле-

³³⁷ Сибирская советская энциклопедия. Т. 4. С. 896.

³³⁸ Цит. по: История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 307.

ния, ослабляла роль министерств. В известной степени возникавшие особые комитеты и комиссии представляли собой искусственные промежуточные образования между верховной властью и губернской администрацией. Анализ истории возникновения и деятельности таких органов свидетельствует о том, что сам факт их появления был, как правило, следствием убеждения правительства в необходимости особых звеньев по управлению тем или иным регионом, признания особого статуса данной территории. Подобная практика находилась в полном соответствии с развитием историко-правовой науки в России того времени. Не случайно известный теоретик и историк права А.Д. Градовский отмечал, что «Россия, занимающая больше половины Европы и значительную часть Азии... в видах политического благоразумия не могла не допустить некоторых местных особенностей в сих владениях»³³⁹. Вслед за Градовским Б.Э. Нольде в начале XX в. отмечал, что еще 100 лет тому назад автономия русских административных окраин была административной традицией³⁴⁰. Н.П. Ерошкин, тщательно изучавший вопрос о деятельности высших комитетов второй четверти XIX в., пришел к обоснованному выводу о том, что в условиях крайнего бюрократизма и медлительности «высшие центральные учреждения уже не могли разрешать более важные вопросы административного и законодательного характера. ...Для их разрешения и пришлось создавать еще один этаж государственного здания — высшие комитеты»³⁴¹.

В хронологическом отношении возникновение особых комитетов не было случайным. Как правило, это были периоды крупных административных преобразований или революционных выступлений. В XIX в Российской империи были образованы и длительное время суще-

³³⁹ Градовский А. Начало русского государственного права. Т. 1. СПб., 1875. С. 133.

³⁴⁰ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 49.

³⁴¹ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века.) М., 1981. С. 186.

ствовали высшие территориальные комитеты: Первый и Второй Сибирские – 1821–1838, 1852–1864; Кавказские комитеты – просуществовавшие под разными названиями с 1837 по 1882 г; Комитет по делам царства Польского – 1831–1841; Комитет Западных губерний – 1831–1848; Западный комитет – 1862–1865; Комитет по делам царства Польского – 1864–1881; Комитет Сибирской железной дороги – 1892–1905³⁴².

Раньше других был образован Первый Сибирский комитет, просуществовавший 17 лет в период с 1821 по 1938 г. В период с 1852 по 1864 гг. существовал Второй Сибирский комитет. Здесь следует отметить, что в некоторых справочных изданиях последнего времени наметилась тенденция к рассмотрению Первого и Второго Сибирских комитетов как единого учреждения. Впервые эта мысль была высказана в 1998 г. составителями справочника «Высшие и центральные учреждения России 1861–1917 гг.»³⁴³ и позже повторена одним из авторов в другом издании – «История генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи»³⁴⁴. Основание для такого суждения составители видят в том, что «и по названию, и по главным задачам Первый и Второй Сибирские комитеты представляли собой одно учреждение»³⁴⁵. В этих рассуждениях есть несомненный резон. Следует, однако, отметить, что в современных справочных изданиях высказывается и иное, традиционное для отечественного сибириведения суждение, когда два сибирских комитета рассматриваются как различные государственные учреждения³⁴⁶. Нам представляется более обоснованным рассуждение А.В. Ремнева, автора соответствующего раздела в этом издании, который прямо отмечает,

³⁴² Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 187–188; ПСЗ-3. Т. 12. № 9140; Т. 13, № 9248, № 9354; Т. 25, № 27044.

³⁴³ Высшие и центральные государственные учреждения России 1861–1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения России 1861–1917. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998.

³⁴⁴ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 108.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Власть в Сибири в XVI – начале XX века. Новосибирск, 2002. С. 54, 64.

что создание Второго Сибирского комитета стало «важным событием в истории Сибирского управления...»³⁴⁷ От себя отметим, что Сибирские комитеты различались не только по времени образования, но и по составу членов, организации делопроизводства и функциям. Если основная задача Первого Сибирского комитета заключалась в обсуждении и реализации сибирских узаконений 1822 г., на что ушло почти два десятилетия, то Второму Сибирскому комитету предстояло действовать уже в новых условиях, порожденных «Сибирским учреждением», в иной международной обстановке, что потребовало разработки комплексной стратегической программы развития и интеграции Сибири в Россию. Эти различия нашли отражение в официальных документах, определявших программу деятельности Сибирских комитетов, практической деятельности этих органов управления.

Первый Сибирский комитет был образован именным указом от 21 июля 1821 г. для рассмотрения отчета М.М. Сперанского по обозрению Сибири, обсуждения планов и проектов реформ и проведения их в действие. По указанию императора, в комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В первый состав учрежденного комитета вошли: министр внутренних дел граф В.П. Кочубей (председатель комитета), министр финансов граф Д.А. Гурьев, министр народного просвещения и образования князь А.Н. Голицын, граф А.А. Аракчеев, государственный контролер барон Б.Б. Кампенгаузен, М.М. Сперанский. Управляющим делами был назначен Г.С. Батеньков. В последующем состав комитета менялся. В период с 1823 по 1826 гг. его возглавлял А.А. Аракчеев, в 1828–1838 гг. – А.Н. Голицын. В разные годы в состав комитета входили: начальник Главного штаба И.И. Дибич, министры

³⁴⁷ Там же. С. 64. Этой же точки зрения придерживается А.Ю. Бахтурина, автор главы «Институты и структура управления национальными окраинами в России XIX – начала XX века» в коллективной монографии «Административно-территориальное устройство России. История и современность». М., 2003. С. 177.

внутренних дел В.С. Ланской, А.А. Закревский, Д.Н. Блудов, военный министр А.И. Чернышев, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и др. После ареста Г.С. Батенькова в 1826 г. управляющим делами комитета стал А.П. Величко³⁴⁸. Персональный состав комитета, в который на протяжении всего времени существования входили виднейшие сановники империи, свидетельствует о том большом значении, которое придавали его деятельности российские самодержцы – Александр I и Николай I.

Некоторые члены Сибирского комитета заслуживают особого внимания по той роли, которую они играли в ходе подготовки и проведения реформы. В этом смысле первенствующее значение принадлежит А.А. Аракчееву, который с 1815 г. фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, императорской канцелярией, став единственным докладчиком Александру I по большинству министерств и ведомств³⁴⁹. Сперанский хорошо сознавал влияние Аракчеева при дворе и стремился поддерживать с ним теплые личные отношения. Будучи в Сибири, Сперанский состоял с Аракчевым в переписке³⁵⁰, а позже, по возвращении в Петербург, в день рождения Аракчеева 23 сентября отправил ему только что отпечатанный экземпляр «Сибирского учреждения» со следующими словами благодарности: «Уверен, что Вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое Вам большею участию обязано успешным его движением и совершением»³⁵¹. Из остальных членов Сибирского комитета, покровительствующих Сперанскому, следует отметить В.П. Кочубея. Их сотрудничество имело давнюю историю. Еще в период организации Министерства внутренних дел, первым главой которого и был назначен Кочубей, Сперанский,

³⁴⁸ М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 136.

³⁴⁹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том первый. М., 1994. С. 99.

³⁵⁰ См.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 178 и др.

³⁵¹ Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 79; Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 266.

по предложению последнего, принял активное участие в разработке организационных основ нового ведомства, а затем служил в этом министерстве. Несмотря на различные превратности судьбы, эти два незаурядных человека сохранили взаимное уважение друг к другу, о чем свидетельствует их личная переписка в период пребывания Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора в 1819–1821 гг.³⁵² В давней переписке состоял Сперанский с еще одним влиятельным членом комитета – А.Н. Голицыным, который после выхода Аракчеева в 1826 г. в отпуск «по болезни» возглавил Сибирский комитет. Деятельность остальных членов комитета была менее примечательной.

Сибирский комитет изначально создавался как орган, непосредственно подчиненный императору, с широкой компетенцией и автономией. Сибирским генерал-губернаторам «повелено было» состоять в «прямом сношении с сим комитетом», а отчеты на высочайшее имя представлять только через него. Министерством надлежало «вносить в сей же комитет все вопросы, имеющие связь с новым устройством Сибири»³⁵³. Как видим, координирующая роль комитета в деле разрешения «сибирских вопросов» была очень велика. По сути дела он становился высшим правительственным органом по управлению Сибирью. Однако в отличие от других высших государственных органов – Государственного совета и Комитета министров – Сибирский комитет не имел плановых заседаний, последние собирались по мере необходимости. В этом смысле он напоминал Негласный комитет, который не являлся организацией государственного учреждения. Мнения членов комитета фиксировались в специальном журнале, который предоставлялся на высочайшее утверждение. Эти журналы, сохранившиеся в фондах РГИА³⁵⁴ и частично опубликованные С. Прутченко³⁵⁵, яв-

³⁵² Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861.

³⁵³ ПСЗ-П. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

³⁵⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7–16.

³⁵⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 157–219.

ляются важным источником для анализа деятельности этого «особого комитета».

Первое заседание комитета состоялось 5 августа 1821 г. На заседании 3 ноября того же года был составлен план работы и конкретизированы обязанности членов комитета. Основные из них сводились к следующему: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предложений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное выведение оных в действие по мере соображения и утверждения начертанных и приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от имени Управления представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное Управление при введении новых положений, и руководство оного в высшем отношении на основании принятых начал»³⁵⁶. Таким образом, на первом этапе деятельности члены комитета свою основную задачу видели в изучении и разработке «общих и частных предложений» по преобразованию Сибири. Исследователи деятельности Первого Сибирского комитета единодушны в том мнении, что основные предложения Сперанского по реформированию Сибири не встретили серьезных возражений участников обсуждения и были довольно быстро утверждены. А.В. Ремнев также отмечает, что «заручившись поддержкой Голицына и Кочубея, а самое важное – Аракчеева, Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты»³⁵⁷. За период с августа 1821 по май 1822 гг. был рассмотрен весь пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов, насчитывающих в общей сложности свыше 4000 статей. В этом, по признанию самих членов комитета, заключалось их «главное упражнение»³⁵⁸. На заседаниях 13, 20, 27 октября, 10, 17, 24 ноября были одобрены само «сибирское учреждение» и 9 уставов и положений, составляющих суть сибирской реформы, в том числе «Устав об управлении инородцев»; «Устав

³⁵⁶ Прутченко С. Указ. соч. С. 168.

³⁵⁷ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 79.

³⁵⁸ Прутченко С. Указ. соч. С. 195.

об управлении киргиз-кайсаков»; «Устав о ссыльных»; «Устав об этапах»; «Устав о сухопутных сообщениях»; «Устав о городских казаках»; «Положение о земских повинностях»; «Положение о хлебных запасах»; «Положение о долговых обязательствах». 22 июля все 10 законопроектов, в том числе «Учреждение для управления Сибирских губерний», были утверждены царем. На этом закончился первый этап деятельности Сибирского комитета.

В середине 20-х и 30-х гг. XIX вв. Сибирский комитет продолжал оставаться основным координирующим и законосовещательным органом по вопросам сибирского края, однако главное внимание членов комитета было сосредоточено на реализации реформы 1822 г.

Это было тем более важно, что многочисленные ревизии сибирской системы управления, проведенные по инициативе правительства во второй четверти столетия, выявили традиционный для этого края набор упущений и недостатков в деятельности местной администрации. В не меньшей степени сановный Петербург беспокоили и многочисленные жалобы сибирских властей на несоответствие учреждений 1822 г. местным условиям. В фондах комитета сохранилось немало материалов, свидетельствующих о том, что местные чиновники зачатую не понимали значения реформы, а нередко саботировали ее проведение. Даже в 1835 г., т. е. спустя 13 лет после начала реализации реформы, ревизовавший Западную Сибирь свитский генерал-майор А.И. Мусин-Пушкин с горечью сообщал в Сибирский комитет, что Сперанский оказался нелюбим преемниками, а сама Сибирь была плохо подготовленной к восприятию преобразований³⁵⁹. Подобного рода откровения не были новостью для членов комитета. Аналогичная информация поступала и ранее. Не случайно ревизовавшим Западную Сибирь в 1827 г. сенаторам Б.А. Куракину и В.К. Безродному предписа-

³⁵⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–94 об.

но было обратить особое внимание на «случаи сомнений в издаваемых вновь узаконениях»³⁶⁰.

Созвучные мотивы находим и в «Общем наставлении комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг». Этот инструктивный документ, разработанный в Сибирском комитете в ноябре 1827 г.³⁶¹, а в декабре того же года утвержденный Николаем I³⁶², предусматривал не только переобложение «инородцев» ясаком, но и выяснение вопроса о соответствии «Устава об управлении инородцев» условиям жизни аборигенов.

Следует отметить, что «инородческий вопрос» вообще занимал важное место в деятельности комитета. Наряду с делами второй ясачной комиссии в кругу постоянного внимания находился и большой вопрос о кодификации норм обычного права аборигенов. Однако в вопросах проведения ясачной политики и кодификации комитет выступал, по большей части, как координирующий орган, поскольку данные вопросы затрагивали финансовые интересы императорского Кабинета и законосовещательные функции Государственного совета. Вот почему комплекс этих архивных материалов отложился в фондах различных ведомств³⁶³. Наряду с реализацией реформы, Сибирский комитет занимался и многочисленными вопросами текущего управления. Среди них следует выделить проблемы административного устройства края, особенно организацию управления Охотской и Камчатской областей, управление ссылкой, организацию золотодобычи в регионе.

Несмотря на определенные трудности, к середине 30-х гг. XIX в. основные законоположения «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского были претворены в жизнь, тем самым главная задача Сибирского комитета оказалась выполненной. Правительство сочло функции

³⁶⁰ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁶¹ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 132.

³⁶² ПСЗ-II. Т. 2. № 1611.

³⁶³ РГИА. Ф. 468, 1149, 1261, 1264.

его исчерпанными, и 9 января 1838 г. последовал именной указ «О закрытии Сибирского комитета». В указе отмечалось, что «как главная цель существования его (комитета. – И. Д.) введением Уставов 1822 г. в полное действие достигнута», Николай I распорядился Сибирский комитет закрыть, а архив и иные сведения о Сибири передать в канцелярию Комитета министров³⁶⁴.

После упразднения Первого Сибирского комитета для рассмотрения периодически возникавших «сибирских вопросов» правительство пошло по пути создания межведомственных комитетов. Такая практика была уже апробирована на примере других регионов империи. Как правило, власти прибегали к ней в связи с необходимостью решения тех или иных «разовых» вопросов жизни регионов. Такие межведомственные комитеты и комиссии, куда включались представители заинтересованных министерств и ведомств, были недолговечны и прекращали свою деятельность сразу после выработки заключения. Последние обычно предоставлялись на рассмотрение Комитету министров или непосредственно императору. Такими, к примеру, были межведомственные комитеты, образованные в 1838 г. для рассмотрения предложений генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б. Броневского для изучения схемы административного деления Сибири³⁶⁵; межведомственный комитет 1840 г., созданный для обсуждения предложений М. Геденштрома³⁶⁶; последним в этой череде был образованный в 1850 г. межведомственный комитет, занимавшийся вопросами преобразования Нерчинского округа³⁶⁷ и инициированный генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым. Сам факт образования и деятельности межведомственных комитетов и комиссий во второй четверти XIX в. свидетельствует о постоянном устойчи-

³⁶⁴ ПСЗ-П. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

³⁶⁵ Подробнее об обсуждении и судьбе этого проекта см.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 120–122.

³⁶⁶ РИГА. Ф. 1405. Оп. 48. Д. 127. Ч. II. Л. 4.

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 174. Л. 1–14.

вом интересе правительства к состоянию дел за Уралом. Однако реальным толчком, вызвавшим всплеск государственной заинтересованности в решении сибирских вопросов, стали иные мотивы.

В исторической литературе справедливо отмечается, что непосредственным поводом к образованию Второго Сибирского комитета стала ревизия Западной Сибири генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым в 1851 г.³⁶⁸ Она вскрыла вопиющие «беспорядки и отступления от законов» в управлении Западной Сибири. Последние, по мнению ревизора, были столь весомы, что общее состояние управления «сей страны» сам ревизор оценил как неудовлетворительное³⁶⁹. Следует, однако, подчеркнуть, что критика Анненковым злоупотреблений и упущений сибирских властей не выходила за рамки административной плоскости и в этом смысле мало отличалась от замечаний М.М. Сперанского, высказанных еще за 30 лет до этого. В конечном итоге предложения М.М. Сперанского 1822 г. и предложения Н.Н. Анненкова 1851 г. касались в основном одного вопроса – организации управления.

В то же время анализ экономического и социального развития восточной части империи в рассматриваемый период свидетельствует о том, что Сибирь середины XIX столетия существенно отличалась от Сибири времен Сперанского. Прежде всего за прошедшие со времени реформ Сперанского 30 лет значительно возросла численность народонаселения края. С конца XVIII в. и вплоть до 1858 г., т. е. за 63 г., население Сибири возросло с 595 тыс. до 1356 тыс. душ м. п., т. е. в 2,25 раза (127,9 %). За этот же отрезок времени численность населения империи в целом увеличилась на 58,79 %. Интенсивный приток переселенцев приводил к росту удельного веса народонаселения Сибири в масштабах государства в целом. Если в конце XVIII в. он равнялся 3,2 %,

³⁶⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1997. С. 53.

³⁶⁹ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб 1899. С. 350-353.

то к середине XIX возрос до 4,7 %³⁷⁰. Хотя в исторической литературе традиционно отмечается слабое заселение Сибири³⁷¹, однако приводимые цифры убедительно свидетельствуют об интенсивном росте населения этого региона. Естественно, что данное обстоятельство не оставалось незамеченным в Петербурге и вызывало соответствующую реакцию и поведение органов власти и управления вплоть до Комитета министров.

В формировании демографической картины Сибири наряду с вольнонародной немалую роль играла и политика штрафной колонизации. Исследователи истории сибирской ссылки приводят различные статистические сведения о числе ссыльных в крае. В заключительном разделе данной работы мы подробно остановимся на этом вопросе. Заметим, что никто из исследователей не отрицает известную роль ссылки в деле заселения Сибири. Сознавало это как и само правительство, так и высшая придворная бюрократия. Именно этим обстоятельством следует объяснять факт появления в 1834 г. пространной записки бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского, в которой автор недвусмысленно высказал серьезные опасения по поводу скопления в крае большого числа ссыльных³⁷². Для уяснения реального значения «штрафной колонизации» в деле заселения Сибири сошлемся на правительственную статистику. По официальным данным, в середине XIX в. все население Сибири исчислялось в 2712 тыс. человек³⁷³, а общее количество ссыльных всех категорий – 208 640. На практике это означало, что каждый тринадцатый житель попал в Сибирь не по своей воле³⁷⁴. Здесь следует отметить, что

³⁷⁰ Подсчитано автором по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 263.

³⁷¹ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск. 1971. С. 15.

³⁷² ГАРФ. Ф. 109 (III отделение) экспедиция. 1833 г. Оп. 8. Д. 135. Анализ записки А.С. Лавинского, направленной в адрес «Верховного правительства», см.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 118–120.

³⁷³ Там же. Л. 25–25 об.

³⁷⁴ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 22.

во второй четверти XIX в. наметились важные изменения в самом составе ссылки. Если в предшествующий период среди ссыльных преобладали уголовные и деклассированные элементы, то в 30–40-х гг. к ним добавились «государственные преступники» – участники различных антиправительственных организаций и движений: декабристы, поляки, петрашевцы. Количество ссыльных в крае, проникнутых духом социального протеста, во второй четверти XIX в. постоянно возрастало. Если в период с 1822 по 1833 гг. за «преступления против правительства» было сослано 1032 человека, то в 1833–1845 гг. – 2306 человек. В итоге в середине XIX в. 28,9 % всей ссылки составляли политические³⁷⁵. Высокий процент политических ссыльных не мог не беспокоить правительство и заставлял последнее все пристальнее вглядываться в состояние умов за Уралом.

Несомненно важной причиной, побудившей всплеск правительственного интереса к Сибири, стал экономический фактор. Со времени присоединения Сибири к России правительство традиционно рассматривало Зауральский край как неисчерпаемый источник поступления в казну столь доходной и ценной «мягкой рухляди». Однако уже к концу XVII в. промысловые запасы соболя были существенно подорваны³⁷⁶, и поговорка «Сибирь – золотое дно» оказалась под сомнением. Однако открытие и начало добычи в 30-х гг. XIX в. сибирского золота принципиально изменило ситуацию.

Начальной датой развития частной золотодобычи в Сибири является 1829 г. В последующие годы эта отрасль стала быстро развиваться. Только в Мариинском округе Томской губернии за период с 1829 по 1860 гг. было добыто 1458 пудов золота. В 1832 г. начинается добыча золота в Нерчинском горном округе. С 1832 по 1860 гг. там было добыто 1147 пудов золота. Однако подлинный зо-

³⁷⁵ Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980. С. 20–21.

³⁷⁶ Об этом подробнее см.: Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

лотой бум Сибири начинается с открытия в 30-х гг. XIX в. золотых россыпей в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии. За последующие 30 лет прииски губернии дали 16 126 пудов золота, что составляло 67,2 % всей добычи золота в дореформенной Сибири³⁷⁷.

Для уяснения реального значения сибирского золота отметим, что всего в России с начала разработки и до 1860 г. включительно было добыто 35 597 пудов золота, а совокупная добыча желтого металла на частных и Кабинетских приисках Сибири составила 23 560 пудов³⁷⁸, или 76,8 %. По данным Ю. Гагейместера, автора известного статистического обозрения Сибири, в 50-х гг. XIX в. в казну ежегодно поступало около 220 тыс. пудов сибирского золота и 4 млн руб. деньгами³⁷⁹. По справедливому замечанию А.С. Кузнецова, «золото подняло акции Сибири в глазах правительства и придворных кругов»³⁸⁰. Все это породило очередной всплеск правительственного интереса к Сибири, доказательством чего является возросшая активность петербургских властей, прежде всего, в административной сфере. Конкретным выражением этого «внимания» стали смена генерал-губернаторов в обеих частях Сибири, появление ряда реформаторских проектов центральной и местной администрации, другие мероприятия. Тем не менее подлинные причины, заставившие правительство пойти на образование Второго Сибирского комитета, не могут быть поняты без учета еще одного фактора – внешнеполитического.

К 40-м гг. XIX в. международные отношения на Дальнем Востоке резко обострились. Китай длительное время оставался мирным соседом России, и сохранение его в качестве такового было одной из настоятельных задач российской внешней политики³⁸¹. Однако усиление британской и французской колониальной экспансии в Азии,

³⁷⁷ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 394–395.

³⁷⁸ Там же. С. 397.

³⁷⁹ Гагеймейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 437.

³⁸⁰ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 5.

³⁸¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 131.

вспыхнувшие в 40-х гг. «опиумные» войны Англии, а затем и Франции, развернувшееся вслед за этим восстание тайпинов внушали тревогу царскому правительству. Территория Дальнего Востока была крайне редко заселена, трудности сухопутного сообщения с центром и другими сибирскими губерниями были просто огромны. Все это делало дальневосточный регион крайне уязвимым с военной точки зрения. Владения России и Китая на Дальнем Востоке не были разграничены. Между тем закрепление дальневосточных территорий в составе России дало бы последней прямой выход к Тихому океану, значительно усилило бы стратегический потенциал в возможной борьбе с Англией и США за дальневосточные земли, способствовало бы развитию морской торговли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это хорошо понимали в российской столице, где с большой озабоченностью наблюдали за усилением внешнеполитической активности Англии, Франции и США еще с конца XVIII в. В 1779 г. суда английского капитана Джеймса Кука посетили Курильские острова, побережье Чукотки и Камчатки. Французские корабли Лаперуза побывали в Петропавловске-на-Камчатке и у Сахалина. Появление английских кораблей вблизи русских островов вызвало ответную реакцию Екатерины II, которая 2 января 1787 г. подписала указ о снаряжении кругосветной морской экспедиции для точного описания и нанесения на карту Курильских островов, чтобы их «все причислить формально к владению Российского государства»³⁸².

Активизация деятельности Российско-Американской компании, ее конкуренция с Американской Тихоокеанской компанией приводили к росту взаимных претензий. В этой ситуации правительство Александра I попыталось защитить интересы России на северо-востоке. Участники состоявшегося 30 марта 1820 г. в Петербурге совещания: министры внутренних дел В.П. Кочубей, фи-

³⁸² Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. первая. М., 1973. С. 53.

нансов Д.А. Гурьев, иностранных дел К.В. Нессельроде и статс-секретарь И.А. Кападострия решительно высказались за то, что «правительство должно употребить все возможные средства, дабы удалять инсотранцев от восточных берегов Сибири...»³⁸³ Царским указом от 4 сентября 1821 г. были провозглашены принадлежащими России все владения по северо-западному берегу Америки от Берингова пролива до 51° северной широты., по Алеутским островам, восточному берегу Сибири, Курильским островам от Берингова пролива до южного мыса острова Уруп, т. е. до 45°51' северной широты. Однако противодействие правительств Англии и США, не желавших усиления позиций России в этом регионе, вскоре заставили Россию согласиться на признание новой разграничительной линии на 54°40' северной широты. По сути дела это означало одностороннюю уступку, вызванную невозможностью реально противостоять англо-американской экспансии в районе Тихого океана. Разумеется, это не означало, что между европейскими государствами и США не было «своих» противоречий. Наоборот, в борьбе за рынки сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе интересы Англии, Франции и США сталкивались и подчас приобретали непримиримые противоречия. Однако в одном эти страны были едины – «в стремлении ослабить позиции России на Дальнем Востоке»³⁸⁴.

Все это хорошо сознавал новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, развернувший энергичную деятельность по закреплению Приамурья и Приморья в составе России. Хорошо понимая непрочность уз, соединявших Азиатскую и Европейскую Россию, программа Муравьева своей конечной целью имела превращение Сибири из «русской Азии в Азиатскую Россию».

³⁸³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия вторая 1815–1830 гг. Том третий (одиннадцатый) М., 1978. С. 344.

³⁸⁴ Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки. М., 1982. С. 40.

Таким образом, образование Второго Сибирского комитета, как высшего органа по управлению Зауральскими территориями, обуславливалось важными причинами как внутри-, так и внешнеполитического порядка. Не случайно, что именно эти обстоятельства нашли отражение в специальном документе, получившем название «Исчисление работ, предстоящих Сибирскому комитету по устройству Сибири», утвержденному Николаем I 26 сентября 1852 г.³⁸⁵

Второй Сибирский комитет был образован именным указом от 17 апреля 1852 г. В указе подчеркивалось, что основная задача вновь созданного органа заключается в «водворении в Сибири прочного устройства», соответствующего «местным и политическим обстоятельствам... края». В качестве высшего органа империи по управлению Сибири, комитет должен был придать «единство и быстроту» правительственным мероприятиям по управлению краем, особенно «в порядке законодательном и исполнительном»³⁸⁶. Наряду с этим на комитет возлагались функции координатора деятельности министерств и главных управлений по решению «сибирских вопросов». В своем указе император особо подчеркивал, что все министерства, «сохранив на дела сибирские ...влияние уставами учреждениями им присвоенные», в то же время должны «вносить в Сибирский комитет все остальные документы, относящиеся до Сибири». В марте 1855 г. последовало высочайшее повеление, подтвердившее новый порядок сношения министерств с Сибирским комитетом. При этом император не без укоризны указал на то, что «некоторые дела, поступающие в министерство от генерал-губернатора Восточной Сибири, разрешены помимо Сибирского комитета и Комитету о разрешении их вовсе неизвестно...» Такой порядок Николай I нашел «противным» его высочайшей воле и «несогласным с духом Сибирского учреждения»³⁸⁷. Император четко потребовал,

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. III отд. I экспедиция. 1852 г. Оп. 135. Л. 73–79 об.

³⁸⁶ ПСЗ-II. Т. 27. Отд. I. № 26178.

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. 109. III отд. I экспедиция. 1852 г. Д. 135. Л. 97 об.

«дабы все без изъятия дела по Сибири были вносимы в Сибирский комитет... и чтобы министерства и Главноуправляющие... непременно доводили до сведения Сибирского комитета о всех делах, кои по Сибири будут разрешаемы ими самими по власти им присвоенной...»³⁸⁸

Как и в случае с Первым Сибирским комитетом, члены вновь созданного органа назначались непосредственно императором. В комитет вошли главы всех основных министерств империи. За более чем 10-летний период существования этого органа власти и управления состав его неоднократно менялся, но принцип представительства – по должности – оставался неизменным. В разные годы в состав комитета входили министры: внутренних дел П.А. Валуев, императорского двора и уделов В.Ф. Адлерберг, государственных имуществ А.А. Зеленый, иностранных дел А.М. Горчаков, юстиции Д.Н. Замятин и В.Н. Панин, член Государственного совета Н.Н. Анненков, начальник III отделения В.А. Долгоруков. Деятельностью же комитета руководили, каждый в свое время, военный министр А.И. Чернышев, председатель Комитета министров П.П. Гагарин, председатель департамента законов Государственного совета Д.Н. Блудов. Как видим, члены комитета принадлежали к правящей верхушке бюрократии России. Среди них не было ни одного, имевшего чин ниже третьего класса. По своему словословному происхождению члены комитета были исключительно дворяне, 54 % принадлежали к княжеским и графским родам, тесно связанным с императорским двором. Небезынтересно отметить одну важную деталь, содержащуюся в указе об учреждении Сибирского комитета. Во втором разделе упомянутого документа император приписал: «Комитету сему состоять из тех же Председателя и членов..., из коих состоит Кавказский комитет». Делопроизводство Сибирского комитета следовало также вести в канцелярии Кавказского ко-

³⁸⁸ ПСЗ-П. Т. 30. Отд. I. № 29100.

митета³⁸⁹. Данное указание вполне корреспондируется с высказанным замечанием Н.П. Ерошкина о том, что высшие комитеты второй четверти XIX в. представляли собой «немноголюдные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных Николаю I высших сановников»³⁹⁰.

Среди высших комитетов этого периода выделяются комитеты, созданные для разработки и проведения мероприятий в отношении окраин империи. К ним, наряду с Сибирским, относится Кавказский комитет, комитет Западных губерний, комитет по делам Царства Польского. Анализ деятельности этих комитетов, предположений и конкретных обстоятельств их возникновения и деятельности позволяет утверждать, что их появление было результатом известных компромиссов между централизаторскими устремлениями империи и необходимостью учитывать конкретные реалии окраинных территорий. Именно на этих принципах создавался и Второй Сибирский комитет. Изучение юридического статуса и конфиденциальных документов деятельности комитета свидетельствует о том, что он как раз и являлся органом компромисса между имперскими и региональными тенденциями в управлении Сибири, наметившимися еще во времена М.М. Сперанского. В этом смысле между Первым и Вторым Сибирским комитетами немало общего. Они создавались для проведения в жизнь новой системы управления, разработки регионального законодательства, правительственного надзора за местной администрацией.

Отмеченные характерные черты высших комитетов империи, создаваемых для управления окраинными территориями, хорошо прослеживаются при анализе весьма любопытного документа, озаглавленного как «Исчисление работ, предстоящих Сибирскому комитету по устройству Сибири». Этот конфиденциальный доку-

³⁸⁹ ПСЗ-II. Т. 27. Отд. I № 26177.

³⁹⁰ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX в.) М., 1981. С. 186.

мент, не предполагавшийся к публикации, был лично отредактирован и утвержден Николаем I 28 ноября 1852 г.³⁹¹ Поскольку данный документ уже рассматривался исследователями административной политики самодержавия³⁹², в связи с темой нашего исследования отметим лишь те его особенности, в которых наиболее ярко проявилось сочетание имперских и региональных мотивов правительственного курса.

Уже в первом разделе, озаглавленном «О разделении Сибири», авторы документа солидаризируются с административным делением Сибири на Западную и Восточную части, введенным М.М. Сперанским еще в 1822 г. «Сибирь разделяется на Западную и Восточную», — отмечают они. И хотя обе части Сибири «должны быть подчинены общим мерам устройства и управления», однако «при соображениях по этому предмету могут и должны быть принимаемы на вид разные местные их обстоятельства и отличия». Кроме отличия в водных сообщениях, климате, «способах народного продовольствия и торговли», Восточная Сибирь находится на значительном отдалении от внутренних губерний и административных центров империи. Если Западная Сибирь, по мнению составителей плана, может быть сравнима с губерниями Европейской России, то Восточная Сибирь на них совершенно не похожа. На нее «может быть следовало смотреть как на колонию». По этой причине авторы документа считали возможным предоставить «главному там начальству (администрации Восточной Сибири. — И. Д.) некоторые особенные права в разрешении дел, нетерпящих отлагательства и требующих скорейшего движения». В этом предложении нельзя не замечать попытки учесть региональные особенности в правительственной политике. Вместе с тем предоставление местной админи-

³⁹¹ ГАРФ. Ф. 109. III отд. 1 экспедиция. 1852. Д. 135. Л. 73.

³⁹² Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 3–27; Ремнев А.В. К истории создания «сибирской программы» царизма 1852 г. (Некоторые аспекты источниковедческого анализа) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 58–69.

страции слишком большой автономии авторам документа казалось совершенно излишним. Именно поэтому они подчеркивали, что в любом случае действия местных властей не могут быть «изъяты из зависимости высших Правительственных установлений империи». В конечном итоге «все вообще меры по устройству Сибири, как Западной, так и Восточной, должны иметь одну и ту же главную цель: твердое соединение их с прочими частями Империи и введение там общих начал государственного устройства России, с применением оных к местным особенностям края»³⁹³. Иными словами, признавая некоторые региональные особенности и невозможность подчинить Сибирь в полном объеме действию общероссийского законодательства, программа Второго Сибирского комитета своей стратегической целью провозглашала «упрочение» соединения Сибири «с прочими частями Империи», что было тождественно лозунгу эволюции «русской Азии» в «Азиатскую Россию». К этой мысли разработчики документа обращаются неоднократно.

Свою позицию относительно будущего административного устройства Сибири авторы документа пытаются выстроить с учетом усиления политики русской колонизации края. Они сомневаются в скором «увеличении населения Сибири», что потребовало бы «разных перемен» в управлении регионом. В этом случае «теперешние способы управления» оказались бы явно «недостаточными». Поэтому конечной целью административной политики правительства в крае члены комитета провозглашали задачу «сообразить главные основания Сибирского учреждения 1822 г. со всеми сделанными по оному замечаниями и с настоящими потребностями края»³⁹⁴. По сути дела такая позиция означала незыблемость принципов управления, заложенных сибирским учреждением М.М. Сперанского в 1822 г.

³⁹³ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 73.

³⁹⁴ Там же. Л. 73–73 об.

Вслед за Сперанским составители документа не без сожаления констатировали отсутствие в Сибири класса дворян-землевладельцев.

Именно они, по убеждению членов комитета, являлись той нравственной силой, которая, прежде всего, связывала Европейскую и Азиатскую Россию в рамках идеологических установок империи. Разумеется, члены комитета не могли не знать о том, что определенная часть сибирских чиновников по своему сословному положению принадлежит именно к дворянству. Однако это было «не то» дворянство, что в Европейской России, оно не владело поземельной собственностью, в массе своей состояло из отставных чиновников, оставшихся в Сибири на жительство после выхода в отставку. Между тем свою главную опору в проведении всех внутривластных мероприятий сановный Петербург видел прежде всего в лице поместных землевладельцев. Почти полное отсутствие их в крае внушало тревогу правительству. Поэтому одну из важнейших своих задач члены комитета видели в том, чтобы «обсудить: есть возможность в образовании там (в Сибири. – И. Д.) особого высшего или дворянского сословия, по примеру всех прочих частей государства»³⁹⁵.

Исходя из этого посыла, предполагалось решать и все остальные вопросы, связанные с положением различных сословий сибирского общества. Местное купечество, «торгующее сословие» по определению авторов документа, было «образовано на тех же правилах, как и в прочих частях империи», а потому не требовало «никаких особенных распоряжений по законодательной части». Относительно православного духовенства гражданским властям предлагалось «всеми возможными средствами содействовать» улучшению его быта и устройству православных храмов. Иными словами, в этой части программа комитета содержала лишь традиционные для власти общие высказывания и благие пожелания, связанные со

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 74.

стремлением улучшить положение «первенствующей и главенствующей» церкви государства.

Гораздо подробнее сословная политика была прописана применительно к государственным крестьянам, составляющим «главнейшую массу населения Сибири». Применительно к ним рекомендовалось «дать надлежащее устройство местному сельскому и волостному управлению». Наряду с этим предлагалось вводить в Сибири «постепенно правила внутреннего устройства быта казенных крестьян, кои приняты в внутренних губерниях, применяясь» в то же время «к местным особенностям и обстоятельствам...»³⁹⁶

Рассматривая вопрос об организации управления «инородцами», авторы документа не вдавались в излишние, с их точки зрения, подробности. Они вполне разделяли идеологию М.М. Сперанского, заложенную в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., и по этой причине ограничились традиционными пожеланиями о «необходимости привлечения кочующих и бродячих к оседлости» и ограждения «их от разных притеснений»³⁹⁷.

Таким образом, в вопросах сословного управления авторы документа рекомендовали учесть те местные особенности, которые уже были закреплены в «Сибирском учреждении» 1822 г. Можно, разумеется, упрекать их в стремлении в перспективе унифицировать управление русским крестьянским и инородческим населением, построить его по образцу внутренних губерний. Однако разработчики документа отчетливо сознавали, что это дело отдаленного будущего. Главное видится в другом – принципы регионализма, закрепленные в Уставе 1822 г., провозглашались незыблемыми. В анализируемом документе прямо говорилось о том, что свою основную задачу его авторы видели в том, чтобы «сообразить главные основания Сибирского учреждения 1822 г. со всеми сделанными по оному замечаниям и...потребностями края...»

³⁹⁶ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 75.

³⁹⁷ Там же.

Поэтому вряд ли следует оценивать эту программу как исключительно «консервативную, а подчас и прямо реакционную»³⁹⁸. Представляется, что такая постановка вопроса является односторонней. Сравнивая основные положения «Сибирского учреждения» 1822 г. и «сибирской программы царизма» 1852 г., нельзя не заметить, что тенденция правительственной политики построить административное устройство и управление, экономическую политику с учетом местных особенностей в своей основе осталась неизменной. Разумеется, разница в 30 лет между появлением этих программ наложила на них определенный отпечаток. Тем не менее в обеих программах отчетливо прослеживается идеология регионализма, что свидетельствует о понимании правительством различий в экономической жизни, организации административного пространства и менталитета населения Европейской и Азиатской России.

В начальный период деятельности Второго Сибирского комитета в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова. Дело тянулось около четырех лет и сопровождалось обширной перепиской. В двух пространственных записках, представленных в Сибирский комитет, Анненков подверг резкой критике существующую систему управления в крае, недвусмысленно заявив, что большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого сибирского учреждения 1822 г. Подвергнув, таким образом, сомнению сам принцип целесообразности сохранения сибирского учреждения как основного закона деятельности местной администрации, Анненков в то же время не смог предложить взамен какую либо цельную программу, ограничившись лишь отдельными рекомендациями. Подобная позиция вызвала резкие возражения члена комитета графа Д.Н. Блудова, занимающего в то время сразу две исключительно

³⁹⁸ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма... С. 26.

важные должности – Главноуправляющего вторым (кодификационным) отделением собственной его императорского величества канцелярии и председателя Департамента законов Государственного совета. Ко времени назначения во Второй Сибирский комитет Блудов имел большой опыт не только административной, но и законодательной деятельности. Именно под его руководством было подготовлено два издания Свода законов Российской империи 1842–1852 гг. Не случайно, что к анализу предложений Анненкова Блудов подошел с позиций не только юриста-теоретика, но и юриста, имеющего большой опыт законотворческой деятельности. В нашу задачу не входит подробный анализ полемики между двумя высокопоставленными сановниками – это задача иного исследования. Гораздо более важным представляется отметить тот факт, что Блудов выступил решительным противником предложений Анненкова об отмене тех статей сибирского учреждения, которые констатировали необходимость учета региональных особенностей в проведении правительственной политики в крае. В отзыве от 8 ноября 1852 г., направленном в Сибирский комитет, он без обиняков заявил, что «сибирское учреждение так же, как и все учреждения особенные: Кавказское, Закавказское, Бессарабское, Остзейское – есть и ...должно быть не что иное как систематическое указание изъятий из общего губернского учреждения...» Этот тезис Д.Н. Блудов – один из наиболее известных и влиятельных юристов России – подкреплял ссылками на отдаленность края от «центрального управления», особенности «его населения и степени промышленности, и общие свойства и быта его жителей».

Анализ предложений Н.Н. Анненкова, проделанный Д.Н. Блудовым, коснулся и вопроса о насаждении в Сибири помещичьего землевладения. «Без сомнения, – отмечал он, – полезно было бы привлечь и образовать в Сибири настоящее дворянское сословие». Однако последнее вовсе не зависит от желания правительства, продол-

жал Блудов. По мнению критика, «едва ли кто из помещиков внутренних губерний согласится взять во владение пустую землю...»³⁹⁹ Блудов, правда, допускал возможность и даже целесообразность раздачи служащим в Сибири дворянам земель в собственность в качестве награды за беспорочную службу. В то же время он выражал серьезные сомнения в возможности осуществления этого пожелания на практике в обозримом будущем. «...Прежде такой раздачи правительству необходимо знать, какие и где можно раздавать земли», – заключал он. Территорию Сибири Блудов склонен был рассматривать «как запасной край России», куда традиционно стремится часть населения из Европейского центра, спасаясь от малоземелья. Однако подобные откровения Блудова не следует истолковывать прямолинейно. Конечно, в идеале он не возражал видеть в Сибири мощный класс дворян-землевладельцев, к коим принадлежал и сам. Однако, будучи опытным, причем весьма высокопоставленным чиновником, он вполне сознавал утопичность этого желания, прекрасно сознавая, что помещики из Европейской России не поедут в необжитую и плохо заселенную Сибирь. Именно поэтому в конечном итоге он предлагал рассматривать Сибирь как резервный край русской колонизации на востоке, что объективно должно было способствовать усилению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С гораздо большей долей консерватизма Блудов высказался по вопросу об открытии в крае университета. «При небольшом числе дворян и вообще людей высших классов в Сибири» существующую там сеть учебных заведений – 3 гимназии, 21 уездное и 45 приходских училищ, 3 частных школы – Блудов считал вполне достаточной, а об открытии «в самой Сибири высшего учебного заведения, университета или лицея», по его мнению, – было «еще рано помышлять»⁴⁰⁰. Гораздо более важным считал

³⁹⁹ Прутченко С. Указ. соч. С. 395.

⁴⁰⁰ Указ. соч. С. 396.

он «одобрять, поощрять полезные в сем крае предприятия», содействовать развитию торговли и промышленности, чем заниматься несбыточными мечтаниями. Такой взгляд на Сибирь был типичен для представителей высшей петербургской бюрократии середины XIX столетия. Он отражал общие политические настроения властных структур, связанные со стремлением рассматривать Зауральский край скорее как колонию, нежели составную часть империи. В то же время правительство пыталось найти оптимальные формы взаимодействия центра и регионов. Это выражалось в предоставлении местной бюрократии достаточно широких прав при безусловном контроле из столицы, в разработке специального регионального законодательства, иных действиях.

Замечания на проект Анненкова представил и министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Свои «соображения» он сопровождал большим количеством статистических сведений, которые представляют несомненный интерес для исследования вопросов экономического развития Сибири. Тем не менее основное внимание министр уделил вопросу о судьбах крестьянского сословия в Сибири. Здесь следует отметить, что взгляд П.Д. Киселева на судьбы крепостного права в России хорошо известен исследователям. Поэтому, не повторяясь, мы обратимся к той части высказываний министра, которая касается непосредственно Сибири. Краеугольным камнем рассуждений Киселева стала резолюция императора на его докладе, представленном Николаю I еще в сентябре 1839 г. Поводом для доклада послужило предложение Министерства государственных имуществ о съемке на планы земель в Сибири. Ознакомившись с ними и в целом одобрив их, император в то же время написал буквально следующее: «...ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может»⁴⁰¹. Исходя из этой высочайшей резолюции, Киселев и рассматривал предложения ревизовавшего Запад-

⁴⁰¹ Прутченко С. Указ. соч. С. 421.

ную Сибирь генерал-адъютанта Анненкова. Разумеется, министру были знакомы толки о «желательности» распространения на Сибирь помещичьего землевладения. Однако будучи человеком хорошо информированным о реальном положении помещичьих крестьян Европейской России, он понимал, что крестьянский вопрос в Сибири нельзя ставить и тем более решать по образу и подобию европейского центра. Охарактеризовав все предшествующие попытки распространения на Сибирь крепостного права, Киселев констатировал, что в Западной Сибири помещичье землевладение существует «лишь в виде немногих исключений», а в восточной ее части «подобных владений вовсе нет». К тому же Киселев хорошо помнил полученную еще в 1839 г. резолюцию императора на упомянутом выше всеподданнейшем докладе. Поэтому он категорически заявил, что «о переселении помещичьих крестьян в Сибирь... за последовавшим высочайшим воспрещением не может быть рассуждения...»⁴⁰² В то же время министр высказал ряд замечаний по организации управления в Сибири. Так, например, полагая, что «состояние ...администрации в такой отдаленной стране», как Сибирь, во многом зависит «от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников», он считал возможным наделять последних землей «за усердную службу...»⁴⁰³ Как видим, в данном случае мнения Киселева и Блудова совпадали.

Вопрос о преобразовании волостного управления и ссылки министр предлагал рассматривать через призму таких важных, по его мнению, особенностей Сибири, как «отдаленность и обширность края», «разнородность предметов и особенное положение тамошнего управления...» Несмотря на то, что это были лишь самые общие высказывания, нельзя не заметить в них признания Киселевым ряда специфических местных обстоятельств, налагавших известное своеобразие на компетенцию и

⁴⁰² Прутченко С. Указ. соч. С. 422.

⁴⁰³ Там же. С. 424.

характер деятельности всех звеньев сибирской администрации. По мнению Киселева, все это следовало учитывать правительству при выстраивании взаимоотношений центра и сибирской периферии. Разумеется, самостоятельность местной администрации должна быть строго дозирована, а в конечном итоге подконтрольна высшему правительству. Но даже в таком усеченном виде в рассуждениях одного из самых близких к императору сановников прослеживается тезис о признании ряда важных местных особенностей, которые следовало учитывать на практике.

В конечном итоге П.Д. Киселев высказал свое отношение и к основному документу азиатской эпопеи М.М. Сперанского – «Сибирскому учреждению» 1822 г. Если Сибирь и требует улучшений, заключает он, то они, т. е. улучшения, должны заключаться «не столько в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений...» А если бы вдруг «постановления сии оказались... недостаточными», тогда следовало дополнить их «новыми устройствами».

Таким образом, Киселев высказался против коренного пересмотра «Сибирского учреждения» Сперанского, считая более целесообразным дополнить его при необходимости, чем разрабатывать заново. Более подробные рассуждения на этот счет Киселев считал излишними.

Обсуждение предложений Анненкова в Сибирском комитете тянулось до 1856 г. При выработке итогового заключения комитет не только учел высказанные суждения Д.Н. Блудова и П.Д. Киселева, но и вновь назначенного министра внутренних дел С.С. Ланского, считавшего «решительно невозможным» изменять «коренные начала сибирского учреждения». Категоричность Ланского, наряду с прочими причинами, объяснялась еще и тем, что он не видел «никакого ручательства» в том, что новые меры окажутся лучше существующих, а потому считал более целесообразным сохранить основы си-

бирского учреждения Сперанского⁴⁰⁴. В конечном итоге 8 ноября 1856 г. последовало высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, которым предписывалось генерал-губернаторам иметь «строгое наблюдение за точным исполнением правил... 1822 г.». Ответственность за эту работу возлагалась на Советы Главных управлений обеих частей Сибири, которым местные власти должны были предоставлять все необходимые сведения на этот счет⁴⁰⁵.

Таким образом отметим, что предложения Н.Н. Анненкова о пересмотре основ сибирского учреждения не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом. В обозримом будущем радикальный пересмотр сибирского учреждения не предполагался. Речь шла лишь о частичном изменении системы управления, причем в строго дозированных пределах. Думается, что такой подход объясняется отнюдь не «патологической боязнью нового, свойственной большинству дряхлеющего класса»⁴⁰⁶. Среди представителей правящей элиты середины XIX в. было немало выдающихся мыслителей, администраторов и управленцев. Представляется, что причины подобного поведения и решения Сибирского комитета в исповедовании николаевским самодержавием теории контролируемой модернизации. Применительно к окраинам империи это выражалось в стремлении усилить их связь с центром путем административно-правовой централизации. Однако сама по себе эта система была основана на многочисленных изъятиях из общегосударственных правил, что способствовало усилению тенденций к обособленности регионов.

Лишь в конце XIX в. самодержавие пришло к пониманию того факта, что наиболее перспективным способом укрепления связей регионов с центром является

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 64 (А). Л. 76 об.

⁴⁰⁵ ПСЗ-II. Т. 31. № 987.

⁴⁰⁶ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 24.

русская колонизация с последующей ассимиляцией этносов в полиэтническом государстве⁴⁰⁷.

В последующие годы вплоть до своего закрытия в 1864 г. Сибирский комитет занимался преимущественно законодательными проектами и вопросами текущего управления краем. Из наиболее значимых нормативных актов, активно обсуждаемых в Сибирском комитете, следует отметить серию законов об изменении административно-территориального деления Сибири.

Именно тогда на карте Сибири появились Амурская, Забайкальская, Приморская и Семипалатинская области с военными губернаторами во главе. Подобные мероприятия вызывались стремлением правительства к усилению административного влияния центра на окраинах империи, с одной стороны, и активизацией внешней политики России и на Дальнем Востоке и в Средней Азии – с другой. В этой связи следует отметить и разработку комитетом законопроектов о преимуществах гражданской службы в Сибири.

Хотя впоследствии эти законы неоднократно изменялись и дополнялись правительством, тем не менее основы законодательства, связанные со стремлением самодержавия привлечь на службу в Сибирь опытных и грамотных государственных служащих, оставались неизменными.

Немаловажное место в деятельности комитета занимали вопросы экономического развития (прежде всего, золотодобычи), а также культурной жизни края.

В итоге отметим, что Первый и Второй Сибирские комитеты как высшие органы управления огромным Зауральским краем создавались для решения конкретных задач и имели определенные временные рамки. Работа комитетов носила отраслевой характер, что, как представляется, способствовало росту эффективности

⁴⁰⁷ Об этом подробнее см.: Бахтурина А.Ю. Институты и структуры управления окраинами России XIX – начала XX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 169–201.

управления. В то же время комитеты нередко выходили за строго очерченные параметры деятельности, что требовало привлечения к их работе широкого круга служащих. Основное внимание комитеты уделяли законодательной и административной практике, осуществлению функций надзора и контроля.

Динамичное экономическое и социальное развитие России в конце XIX в. и, как следствие этого, появление новых управленческих задач в масштабах империи обуславливали большую специализацию деятельности высших государственных учреждений. Потребность повышения эффективности взаимодействия с регионами порождала усложнение отраслевой структуры управления. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливало необходимость создания особых межведомственных структур⁴⁰⁸, компетенция которых зачастую далеко выходила за очерченные законом рамки, а практическая деятельность весьма напоминала повседневные заботы комитета министров. Применительно к Сибири, одним из подобных учреждений стал Комитет Сибирской железной дороги, созданный по инициативе министра путей сообщений, а затем финансов и главы правительства С.Ю. Витте 10 декабря 1892 г.⁴⁰⁹ Непосредственным поводом для образования нового правительственного учреждения стало решение о начале строительства Сибирской железной дороги. В нашу задачу не входит выяснение причин этого несомненно правильного и стратегически просчитанного решения – это задача иного исследования. Основной контекст нашего исследования предполагает иную постановку вопроса. Поэтому отметим, что в отличие от Первого и Второго Сибирских комитетов, которые создавались как территориальные административные учреждения, но с достаточно широкой компетенцией, Комитет Сибирской железной дороги изначально замышлялся как узкоотраслевое учреж-

⁴⁰⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. С. 175.

⁴⁰⁹ ПСЗ-III. № 9140.

дение. Именно поэтому в состав нового комитета были определены следующие министры: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контролер. Однако уже несколькими днями позже состав Комитета был расширен за счет военного министра и управляющего Морским министерством. Подобный шаг императора представляется далеко не случайным. Он обуславливался, прежде всего, военно-стратегическим значением строящейся магистрали, активизацией политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Председателем Комитета в январе 1893 г. по настоянию С.Ю. Витте был назначен цесаревич Николай Александрович. С административной точки зрения, это был не лучший выбор: наследнику шел лишь 25 год, он имел «мало опытности» в практических делах и ему самому еще только предстояло учиться искусству управления. Хорошо понимая это, его отец император Александр III следующим образом прокомментировал данное предложение: «Да ведь он совсем мальчик; у него совсем детские суждения: как же он может быть главой комитета?»⁴¹⁰ Тем не менее указанное назначение состоялось. Представляется, что давая согласие на это, император преследовал две цели. С одной стороны, назначение на пост председателя наследника имело несомненные воспитательные цели, повышение грамотности наследника в деле принятия важных экономических и управленческих решений, с другой, такое назначение в политическом плане сулило несомненную выгоду работе комитета, ибо априори ускоряло процесс решения целого ряда важных политических и межведомственных вопросов на заседаниях Комитета. Очевидно, и сам император, и наследник хорошо сознавали это. Поэтому, забегая вперед, заметим, что с воцарением на престол Николай II сохранил за собой председательство в Комитете.

⁴¹⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Таллинн, 1994. Т. 3. С. 357.

Тем не менее, стремясь застраховать наследника от возможного принятия неверных решений, Александр III определил ему в помощники опытейшего администратора и знающего экономиста. Обучать наследника искусству администрирования должен был назначенный на пост вице-председателя Комитета председатель Комитета министров, Н.Х. Бунге. Этот выбор, сделанный Александром III, не был случайным. Н.Х. Бунге принадлежал к числу выдающихся российских финансистов. Он по праву считается одним из создателей «индустриальной эры девяностых годов». Кроме того, подобное назначение автоматически сближало Комитет Сибирской железной дороги и Комитет министров⁴¹¹. В определенной степени этому способствовало и то обстоятельство, что делопроизводство нового комитета сосредотачивалось в канцелярии Комитета министров, возглавляемой статс-секретарем А.Н. Куломзиным. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, А.Н. Куломзин сыграл в работе Комитета одну из важных ролей. По справедливому замечанию А.В. Ремнева, А.Н. Куломзин «принадлежал к той части высшей бюрократии царской России, которая, занимая второстепенные посты в государственном управлении, на уровне управляющих канцеляриями, директоров департаментов министерств и т. д., оказывала существенное влияние на выработку правительственной политики»⁴¹².

Занимаясь управлением делами Комитета, А.Н. Куломзин сумел таким образом организовать работу этого учреждения, чтобы его деятельность никоим образом «не шла бы в ущерб Комитету министров». Основной мотив подобной акции заключался в личном убеждении А.Н. Куломзина в том, что деятельность подобных осо-

⁴¹¹ Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России. СПб., 1909. С. 212.

⁴¹² Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. Сб. научн. трудов. Иркутск, 1988. С. 44.

бых комитетов идет «в разрез с правильным порядком управления страной»⁴¹³.

Таким образом, Комитет был сформирован в течение декабря 1892 – января 1893 гг. В его состав вошли цесаревич Николай Александрович, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.С. Ванновский, И.Н. Дурново, А.В. Кривошеин, Т.И. Филиппов, Н.М. Чихачев. Заметим, что этот состав не был постоянным, что было связано с кадровыми изменениями в министерском корпусе. В результате в разный период членами Комитета становились Плеве, Ермолов, Хилков, Лобко, Куропаткин и др.

Безусловно, своим созданием Комитет был обязан С.Ю. Витте. Будучи опытным администратором, Витте прекрасно осознавал, что затеваемое строительство будет иметь результатом рост экономики Сибири и России в целом. Помимо этого, воспринимая строительство дороги как персональное поручение императора, Витте прилагал все усилия для скорейшего завершения работ⁴¹⁴. К сожалению, в отличие от Витте, его коллега, министр внутренних дел И.Н. Дурново, был человек «...не умный, скорее ограниченный... исполнял все, что укажет ему император...»⁴¹⁵. Не случайно на заседаниях Комитета разгорались весьма жаркие дискуссии между этими членами комитета. В частности, о тогдашнем министре путей сообщения Витте отзывался весьма кратко: «человек умный, толковый...» и более никаких комментариев. Должностные обязанности управляющего Морским министерством Н.М. Чихачева напрямую не корреспондировались с постройкой дороги, однако Чихачев считался человеком дела, к тому же имел реальное представление о Сибири, поскольку служил помощником Невельского⁴¹⁶.

Между тем компетенция и место Комитета в иерархии центральных учреждений оставались неопределенными. Для внесения ясности в дело на первом же засе-

⁴¹³ Куломзин А.Н. Пережитое. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 186. Л. 11–12.

⁴¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 353–355.

⁴¹⁵ Там же. С. 237.

⁴¹⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 237.

дании Комитета, 10 февраля 1893 г., были разработаны положения, определяющие принципы работы нового учреждения. В результате 24 февраля 1893 г. было принято «Положение о Комитете Сибирской железной дороги», определявшее состав, обязанности первых лиц и собственно компетенцию Комитета⁴¹⁷.

Основной состав Комитета остался прежним. Кроме того, на заседания Комитета «могли быть приглашаемы» начальники Главных штабов Военного и Морского министерств, а также другие лица, чье присутствие могло оказаться полезным при решении некоторых вопросов. Именно поэтому на заседаниях Комитета впоследствии не единожды присутствовали министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также Иркутский, Степной и Приамурский генерал-губернаторы⁴¹⁸.

Основной задачей Комитета, в соответствии с «Положением», было «общее руководство делом осуществления Сибирской железной дороги и связанных с нею вспомогательных предприятий»⁴¹⁹.

При этом главную цель своей работы члены Комитета сформулировали следующим образом: «...в виду исключительной важности — как в государственном и народно-хозяйственном отношении, так и в политическом отношениях — предпринятой постройки сплошного рельсового пути через всю Сибирь, в связи с заселением этой страны, надлежит стремиться, прежде всего к тому, чтобы разносторонние действия отдельных ведомств были согласованы между собою и неуклонно направляемы к общей цели»⁴²⁰.

Таким образом, Комитет Сибирской железной дороги стал особым центральным учреждением с достаточно широкой и при этом нечеткой, не конкретизированной

⁴¹⁷ ПСЗ-III. № 9354.

⁴¹⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 177.

⁴¹⁹ ПСЗ-III. № 9354.

⁴²⁰ Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 130.

компетенцией. В основе Комитета лежало Учреждение Комитета министров⁴²¹.

Обладая значительной властью, Комитет при этом формально оказался лишен не только законодательной, но даже и исполнительной власти: «приведение положений в исполнение предоставляется тем министрам, от которых дела предоставлены, или ведомству коих по роду своему принадлежат»⁴²².

Относительно первого обстоятельства можно заметить, что оно было благоприятно для Комитета, поскольку ускоряло принятие и введение новых законов. Объясняется подобная ситуация просто. Комитет получил возможность в обход Государственного Совета проводить большую часть законопроектов (по примеру Комитета министров) через соединенное присутствие Комитета Сибирской железной дороги и Департамента государственной экономики Государственного Совета, а зачастую просто высочайше утвержденными положениями самого Комитета⁴²³.

В марте 1893 г. при Комитете была учреждена Подготовительная комиссия⁴²⁴. Создание ее инициировали сами члены Комитета. Основное предназначение Комиссии заключалось в предварительном обсуждении определенных вопросов перед окончательным рассмотрением их на заседании Комитета. Прежде всего, это были финансовые проблемы, связанные с постройкой дороги. В состав комиссии входили чиновники ведомств и министерств: внутренних дел, военного и морского, земледелия, государственных имуществ и Государственного контроля. Работа Комиссии была достаточно эффективна: значительная часть вопросов, к моменту их внесения непосредственно в Комитет, были фактически решенными⁴²⁵.

Таким образом, на Комитет было возложено рассмотрение вопросов, а в конечном итоге принятие реше-

⁴²¹ Россия. Комитет Сибирской железной дороги. (Материалы). 1897. Т. 1. Л. 1–3.

⁴²² ПСЗ-3. № 9354.

⁴²³ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1997. С. 181.

⁴²⁴ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С. 133.

⁴²⁵ Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью... 179.

ний по достаточно широкому кругу дел, «касающихся, во-первых, самого сооружения Сибирского рельсового пути, а, во-вторых, связанных с постройкой Сибирской железной дороги вспомогательных предприятий»⁴²⁶.

Дела первой группы носили исключительно технический характер и касались прежде всего инженерно-строительных вопросов. Вторая же часть дел, так называемые «вспомогательные», представляет для нас непосредственный интерес. Они в значительной степени способствовали модернизации социально-экономической ситуации в Сибири, и в конечном итоге выводили Комитет за рамки узкоотраслевого учреждения, ставя его в один ряд с Первым и Вторым Сибирскими комитетами. Более того, так называемые «вспомогательные» предприятия, воплощаемые в жизнь решениями Комитета, имели не меньшую важность, чем непосредственные строительные работы.

К числу вспомогательных предприятий Комитета относился целый комплекс мероприятий, направленных на развитие экономики региона. К их числу принадлежали заселение территорий, непосредственно прилегающих к строящейся дороге, производство в них межевых и землеустроительных работ, всяческое поощрение развития в регионе промышленности, основанной на переработке полезных ископаемых (каменного угля, производство стали и пр.), и развитие на этой основе геологических исследований Сибири; а также развитие речного пароходства⁴²⁷.

Комитет всячески пытался упорядочить переселенческое движение в Сибирь. Прежде всего, он стремился к тому, чтобы ставшее очевидным фактом самовольное переселение крестьян имело организованную форму, с одной стороны, и отвечало правительственным интересам, с другой. Выступая на заседании Комитета Сибирской железной дороги в марте 1898 г., статс-секретарь А.Н. Куломзин подчеркивал, что целью предполагаемых

⁴²⁶ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. б.м., б.г. С. 3.

⁴²⁷ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги ... С. 23.

мероприятий должно стать «благо Сибири имеющей в будущем развиваться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства»⁴²⁸. Промышленному развитию Сибири способствовало решение Комитета, в соответствии с которым министрам путей сообщения, финансов, государственных имуществ и государственному контролеру надлежало разработать комплексную программу по развитию в зоне постройки железной дороги различного рода промышленных предприятий, необходимых «для сооружения, эксплуатации и ремонта» дорожного полотна, а также «чугуноплавильного, железоделательного и сталелитейного производств, ...изготовления цемента и добычи минералов, в особенности каменного угля и железной руды»⁴²⁹.

Заметим, что Комитет прилагал значительные усилия и для геологических исследований региона. В соответствии с его распоряжениями, в Сибири работал целый ряд геологических партий, занимающихся поиском и разведкой месторождений полезных ископаемых (угля, золота, железа и пр.)⁴³⁰.

Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1905 г., однако фактически свое последнее заседание он провел 17 декабря 1903 г. За период существования на 42 заседаниях Комитета было рассмотрено значительное количество вопросов, что, безусловно, ускорило процесс непосредственного строительства дороги, с одной стороны, а также заселение и освоение территории и природных богатств Азиатской России – с другой. Создаваясь изначально как отраслевое учреждение, Комитет на протяжении более десяти лет практически осуществлял фактическое руководство азиатской политикой империи⁴³¹.

В итоге отметим, что возникновение особых органов управления Сибирью являлось, на наш взгляд, одним из

⁴²⁸ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6-7.

⁴²⁹ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. С. 35.

⁴³⁰ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. С. 47; Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. С. 37.

⁴³¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 359.

выражений политики имперского регионализма в целом. Само их появление, как представляется, отражало изменение общего статуса Сибири в составе империи, ее места в системе экономических, хозяйственных и социокультурных связей государства. В своей деятельности особые комитеты учитывали региональную специфику края, что в конечном итоге повышало эффективность принимаемых управленческих решений. Процесс развития особых органов управления азиатскими территориями империи носил неравномерный характер, а само их возникновение обуславливалось не стратегическими, а тактическими задачами, решаемыми властью на данном историческом отрезке времени.

Тем не менее на всех этапах возникновения и деятельности особых комитетов по управлению Сибирью можно наблюдать осторожное, а по временам и достаточно сильное вмешательство государства в жизнь данной окраины. Анализ политики имперского регионализма, выполненный на примере изучения деятельности особых комитетов по управлению краем, позволяет заключить, что при несомненном учете специфики данной территории, конечная цель этих высших территориальных комитетов заключалась в том, чтобы теснее увязать Сибирь с Россией. Призрак потенциального сепаратизма неотступно преследовал сановный Петербург на всех этапах и уровнях развития взаимоотношений центра и периферии. Следствием этого стал отказ от политики «показной снисходительности» и переход к политике реальной унификации управления центра и окраин империи в конце XIX в.

4. Сибирские генерал-губернаторы как институт власти и его особенности

История генерал-губернаторской власти в России своими корнями уходит в петровскую эпоху. Уже в указах начала XVIII в. упоминаются термины «губернатор» и «губерния»⁴³², а в ряде царских указов 1706 г. фигурируют понятия Ингерманландская «губернация» и губерния⁴³³. Однако это лишь эпизодические упоминания новых должностных лиц и административных образований. Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности⁴³⁴, важнейшей задачей которой стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. Страна была разделена на восемь губерний во главе с губернаторами – представителями знатнейших фамилий или сподвижниками Петра. Однако уже тогда во главе двух из них – Ингерманландской (с 1710 г. Петербургской) и Азовской – были поставлены генерал-губернаторы, которыми стали А.Д. Меншиков и Ф.М. Апраксин. Среди исследователей нет единой точки зрения на предмет значения этого звания в петровскую эпоху. Такой авторитетный знаток истории губернаторской власти в России, как И.А. Блинов, опираясь на анализ нормативных документов, полагал, что эта должность не давала каких-либо дополнительных рычагов власти, никак не регламентировалась инструкциями, а была лишь почетным титулом⁴³⁵. Думается, однако, что

⁴³² Соколов К.Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. С. 121; ПСЗ-I. Т. № 1910.

⁴³³ ПСЗ-I. Т. IV. № 2097; № 2310 и др.

⁴³⁴ В полном Собрании законов этот указ датируется 18 декабря 1708 г. (ПСЗ-I. Т. № 2218.), однако М.М. Шумилов такое утверждение считает ошибкой, отмечая, что начало первой областной реформы следует отнести к 1710 г. См.: Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 14.

⁴³⁵ Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 48. Такой же точки зрения придерживается и Н.П. Ершшкин, автор

это не совсем так. Не отрицая почетного значения титула генерал-губернатора, обратим внимание на Азовскую губернию. Назначение туда Ф.М. Апраксина с титулом генерал-губернатора было примечательным по ряду позиций. Новоиспеченный генерал-губернатор не только принадлежал к ближайшим сподвижникам Петра, но, в отличие от остальных губернаторов (в том числе своего родного брата П.М. Апраксина, назначенного «просто» губернатором в Казанскую губернию), имел звание генерал-адмирала, а с 1700 г. возглавлял Адмиралтейский приказ. В тот период времени Азовская губерния не только находилась на окраине государства, являясь сопредельной территорией, но и была своего рода буферной зоной, защищавшей южные земли России от разорительных набегов крымских татар. Кроме того, именно Азов был избран Петром в качестве базы для строительства российского флота, чему преобразователь придавал исключительно важное значение. Поэтому представляется, что назначение туда администратора, пусть даже с почетным, не дающим юридических преимуществ титулом, было неслучайным. Тем самым Петр подчеркивал свое личное отношение и доверие к этому лицу, его заслуги перед отечеством, отличие от остальных в системе чиновничьей иерархии. По сути этот первый прецедент как бы предвосхитил известный впоследствии принцип личного особого доверия монарха к генерал-губернатору (наместнику), получивший развитие в нормативных документах империи более позднего периода. Характерно также, что уже к концу первой четверти XVIII в. генерал-губернаторы возглавляли не только столичные (Санкт-Петербургскую и Московскую), но важные в стратегическом отношении окраинные губернии, населенные в значительной степени нерусскими народами. Последнее обстоятельство отмечено нами не случайно. Имея в виду именно его, А.Д. Градовский много позже

писал, что в XVIII в. Москва «переваривала» западные окраины гораздо труднее, чем исконно русские земли⁴³⁶. Думается, поэтому закономерно, что в 30-е гг. XVIII в. окраинные Рижская и Ревельская губернии возглавлялись генерал-губернаторами, а «внутренние» русские – Воронежская, Смоленская и др. – губернаторами.

Таким образом отметим, что генерал-губернаторская власть в России возникает в период образования империи. С первых десятилетий своего существования она, наряду со столицами, получает «прописку» на окраинах государства, заселенных в значительной степени нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества⁴³⁷.

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. Уже в «Наставлении губернаторам» от 21 апреля 1764 г.⁴³⁸ сквозит мысль о «поверенной» от государя особе, как «главе и хозяине» врученной его «смотрению» огромной территории и находящейся в непосредственном подчинении императрицы и Сената⁴³⁹. Однако в наиболее концентрированном виде эта идея нашла выражение в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», которое современные российские историки справедливо относят к важнейшим законодательным актам эпохи царствования Екатерины⁴⁴⁰. В результате претворения «Учреждения» в жизнь в России к концу XVIII в. была создана новая схема административно-территориального деления и управления, характерной чертой которой стал принцип унификации

⁴³⁶ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 302.

⁴³⁷ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 32.

⁴³⁸ ПСЗ-И. Т. № 11091.

⁴³⁹ Там же. Т. 16. № 12137..

⁴⁴⁰ Власть и реформы. СПб., 1996. С. 173–174.

управления на всей территории империи⁴⁴¹. Исследователи административно-территориального устройства России отмечают хорошо продуманную схему деления, осуществленную Екатериной. Сама административная нарезка была осуществлена в соответствии с характером долговременных экономических связей, историческими традициями, научными принципами, в соответствии с которыми на территории губернии должно было проживать от 300 до 400 тысяч человек. «Дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех сот до четырех сот тысяч душ», – подчеркивалось в ст. 1⁴⁴². Любопытно, что примерно такое же количество населения включали в себя крупные административные единицы ведущих буржуазных стран Европы: так, департаменты Франции в XIX в. охватывали по 400 тыс. жителей, графства Англии – по 450⁴⁴³. Все это позволило сохранить новую схему административного устройства вплоть до конца XIX столетия. Отмеченные выше факторы приводили к устойчивости всего политического строя страны, а принципы унитарного государства, заложенные в основу реформы, способствовали длительному сохранению России как имперского государства⁴⁴⁴.

К началу XVIII в. Россия в административном отношении делилась на 18 губерний, ко времени появления «Учреждения» число их возросло до 23, а к концу XVIII столетия до 50⁴⁴⁵. Однако основная особенность реформы заключалась не в разукрупнении губерний, что само по себе несомненно способствовало их лучшей управляемости. Главное заключалось в другом. Для управления губерниями создавался институт государственных наместников или генерал-губернаторов, которым непо-

⁴⁴¹ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 89.

⁴⁴² ПСЗ-І. Т. № 14392. Ст. 1.

⁴⁴³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 296.

⁴⁴⁴ Административно-территориальное устройство России. С. 90.

⁴⁴⁵ Киселов Н.С. Заметка о разделении России на губернии в XVIII веке // Русский архив. 1863. М., 1866. С. 626–627.

средственно подчинялись правители губерний, т. е. губернаторы. В ведении наместника обычно находилось 2-3 губернии, а всего страна была разделена на 20 наместничеств. Екатерининское «учреждение» о губерниях, как и сам институт наместников, не раз анализировалось исследователями⁴⁴⁶. Поэтому отметим, что новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система учреждений, в то время как в столице, в Сенате, был сосредоточен лишь общий надзор⁴⁴⁷. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная, гражданская, казенные палаты, он отвечал за организацию: казенных сборов, рекрутские наборы и т. д. Генерал-губернаторам пограничных территорий особливо поручалось «бдение от соседей...»⁴⁴⁸. Таким образом, наместник одновременно осуществлял общий надзор и руководство всеми губернскими учреждениями. Несмотря на столь обширные полномочия, генерал-губернатор не мог вмешиваться в судебные дела: «ибо он есть яко хозяин своей территории, но не судья»⁴⁴⁹.

Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императрице ежегодные отчеты («рапорты») о «благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях ... ежемесячно». При этом Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И.В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось 15 000 руб. в год⁴⁵⁰.

Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредствен-

⁴⁴⁶ Наряду с уже названными работами К.Н. Соколова, А.Д. Градовского, И.А. Блинова, отметим: Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1874. С. 51.

⁴⁴⁷ Соколов К.Н. Указ соч. С. 124.

⁴⁴⁸ ПСЗ-И. Т. № 14392. Ст. 59, 87, 89.

⁴⁴⁹ Там же. Ст. 85.

⁴⁵⁰ ПСЗ-И. № 15734, 15821.

но император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно⁴⁵¹. Потенциальный генерал-губернатор был, как правило, лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии. Кроме того, немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся не кем иным, как представителем самого императора на конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на протяжении 200 лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»⁴⁵². Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) приобрела «особый характер политической власти»⁴⁵³. Единая Российская империя оказалась поделенной на несколько крупных территориальных образований с совершенно особым управлением с полугубернатором во главе. Генерал-губернаторская власть развивалась не встречая «ни преград, ни предостережения»⁴⁵⁴.

Указом от 13 июля 1781 г. в России было введено 17 должностей генерал-губернаторов⁴⁵⁵. Из вновь назначенных генерал-губернаторов 16 были не просто кадровыми военными, а крупнейшими военачальниками, отличившимися в войнах екатерининского времени. Не случайно 6 из них были удостоены звания генерал-фельдмаршала — одного из наиболее почитаемых в России⁴⁵⁶. В связи с темой нашего исследования отметим двух — Пермского

⁴⁵¹ Пестель И.Б. Бумаги // Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

⁴⁵² Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

⁴⁵³ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. С. 310.

⁴⁵⁴ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 139.

⁴⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 21. № 15771.

⁴⁵⁶ Институт генерал-губернаторства... С. 53.

и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина и Иркутского и Колыванского В.И. Якоби, которым пришлось решать совершенно специфические вопросы, связанные с особенностями экономического развития и управления этих окраинных наместничеств. Во-первых, уже тогда с учетом большой разбросанности этих территорий были установлены особые штаты с соответствующими расходами. Так, например, на содержание присутственных мест Иркутской губернии выделялась наибольшая сумма – 275 367 руб., в то время как на следующую за ней Вологодскую и Пермскую соответственно 184 615 и 165 753 руб.⁴⁵⁷ Специальным указом в числе первоочередных задач генерал-губернатора Е.П. Кашкина императрица определила попечение о развитии горно-металлургической промышленности края. Эти особенности деятельности высшей местной администрации сохранялись и впредь. Уже после образования Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1822 г. забота о развитии золотодобычи в крае, урегулирование взаимоотношений между казной и Кабинетом, владельцами государственных и частных предприятий Алтайского горного округа находилась постоянно в центре внимания генерал-губернатора Западной Сибири⁴⁵⁸. Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И.В. Якоби наряду с развитием золотодобычи в Нерчинском горном округе много пришлось заниматься вопросами русско-китайских торговых отношений⁴⁵⁹, которые требовали завидного дипломатического искусства. Проблема взаимоотношений России с сопредельными странами, в первую очередь, с Китаем, по наследству перешла к преемникам Якоби на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. Во второй

⁴⁵⁷ Институт генерал-губернаторства... С. 60; ПСЗ-1. Т. 24. № 17494. Книга штатов от 8 августа 1796 г.

⁴⁵⁸ Соболева Т.Н. Управление Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1987.

⁴⁵⁹ Силин В.П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

половине XIX в. правительство специальными постановлениями и инструкциями не раз подтверждало особые полномочия Иркутских генерал-губернаторов на дипломатические переговоры с Китаем⁴⁶⁰.

Таким образом, отметим, что в ходе введения института наместников в конце XVIII в., как и в эпоху Петра I, в деятельности генерал-губернаторов окраинных территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. Такую особенность организации управления империей применительно к концу XVIII в. А.Е. Пресняков выразил следующими словами: «Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического быта и расселения, племен типов и культурных уровней – сильно усложняли задачу организации управления»⁴⁶¹.

В эпоху Павла I институт наместников был упразднен, но уже в начальный период царствования Александра I вопрос о судьбе наместников стал одной из основных проблем, обсуждаемых в контексте преобразований системы управления империей. На заседании 11 июля Непременный совет решительно высказался за восстановление должности генерал-губернаторов, предполагая каждому из них, как и при Екатерине II, поручить управление несколькими губерниями. Однако, в отличие от екатерининского учреждения, в Сибири предполагалось учредить не два, а одно генерал-губернаторство, объединив Пермскую, Тобольскую и Иркутскую губернии⁴⁶².

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти находилось в неразрывной свя-

⁴⁶⁰ Об этом подробнее см. ниже.

⁴⁶¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 147.

⁴⁶² Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского университета. Вып. 72. Горький, 1964. С. 159.

зи с разработкой и введением министерской системы, реформой Сената и учреждением Государственного совета. Из серии проектов этого периода обращает на себя внимание план государственных преобразований М.М. Сперанского, известный под названием «Введения к уложению Государственных законов»⁴⁶³. Этот документ неоднократно анализировался в отечественной и зарубежной историографии⁴⁶⁴. Однако характерно, что внимание ученых привлекали преимущественно сюжеты, связанные с конституционными идеями М.М. Сперанского. Вопрос о судьбах окраин империи и видение этой проблемы М.М. Сперанским остались вне поля зрения исследователей. Между тем анализ данного документа позволяет утверждать, что уже тогда, в 1809 г., Сперанский, пусть в зачаточной форме, сформулировал те принципы имперского регионализма, которые наиболее концентрированное выражение нашли позже в известном «Сибирском учреждении» 1822 г.⁴⁶⁵

Во «Введении...» Сперанский территорию империи разделил на губернии и области. Если первые мало чем отличались от екатерининских губерний европейской части страны, то области предполагалась учредить на окраинах государства. К ним следовало отнести Сибирь, Кавказ, Оренбургский, Новороссийский края и землю донских казаков. В отличие от губерний, управляемых на основе общих законов империи, области должны были иметь «особенное устройство», а общие государственные законы к этим территориям следовало применять с учетом «местного их положения». Именно на этих окраинных территориях, в соответствии с предложениями Сперанского, должен был существовать институт гене-

⁴⁶³ Этот документ неоднократно перепечатывался в различных изданиях XIX в., однако его наиболее полный текст был обнаружен много позже и опубликован под редакцией С.Н. Валка в 1861 г. См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 143–221.

⁴⁶⁴ См. например: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995 и др.

⁴⁶⁵ Об этом см.: М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. (К 180-летию Сибирских реформ 1822 г.). Иркутск, 2003.

рал-губернаторской власти. Таков был в общих чертах план М.М. Сперанского, одобренный Александром I в принципе. Несомненно, в этом проекте применительно к организации управления окраинами было еще немало несовершенного. Можно, к примеру, указать, что предложение о введении на окраинах империи генерал-губернаторской системы правления находилось в явном противоречии с принципами централизации власти, провозглашенными министерской реформой⁴⁶⁶. К тому же постатейного варианта законопроекта не существовало, и будущая генерал-губернаторская власть не получала строгого регламента своей деятельности. Последующее падение Сперанского приостановило реализацию проекта. Однако сам реформатор, сознавая его несовершенство, признавал, что в тех областях империи, где существует генерал-губернаторская система правления, действие ее «с точностью не определено, и на практике она постоянно колеблется между самовластием и послаблением»⁴⁶⁷.

К проблеме возрождения генерал-губернаторской власти в империи правительство обратилось уже после окончания Отечественной войны 1812 г. в связи с обсуждением вопроса об организации местного управления. В 1816 г. по указанию императора был составлен проект разделения России на 12 округов (наместничеств), по которому в Азиатской России предполагалось учредить особый, одиннадцатый по счету округ в составе трех губерний: Тобольской, Томской и Иркутской с Камчаткой. Столицей будущего наместничества предполагалось сделать г. Томск, а в качестве наместника назначить генерал-лейтенанта П.М. Капцевича, служившего в тот период времени командиром отдельного Сибирского корпуса. Сравнительно недавно в специальном сборнике документов и материалов по истории наместничеств был опубликован полный текст «списка губерний с распреде-

⁴⁶⁶ Сафонов М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже... Л., 1988.

⁴⁶⁷ Цит. по: Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 313.

лением по наместническим округам»⁴⁶⁸. Из примечаний разработчиков документа вытекает, что данный вариант разделения империи на наместничества сами авторы не считали окончательным. Не исключался в частности вариант выделения из одиннадцатого сибирского округа еще одного самостоятельного наместничества в составе Иркутской губернии, Енисейской и Якутской областей. В качестве наместника в этот округ планировался тайный советник А.С. Лавинский⁴⁶⁹. Небезынтересно отметить, что оба кандидата на должности наместников сибирских округов – Капцевич и Лавинский – несколько позже действительно были назначены генерал-губернаторами. Первый – в Западную Сибирь, а второй – в Восточную. Хотя данный проект не был проведен в жизнь, обращает на себя внимание попытка определить круг обязанностей наместника. Последний освобождался от всех хозяйственных и иных забот, свойственных гражданскому губернатору, а все больше превращался в орган надзора. Всех наместников предполагалось подчинить непосредственно императору (ст. 2). Кроме того, проект предоставлял наместнику право приостанавливать исполнение указов Сената и предписаний министерств⁴⁷⁰. По сути дела, по этому проекту наместники превращались в органы чрезвычайной власти. В случае реализации проекта принцип централизации системы управления, провозглашенный министерской реформой, находился бы в явном противоречии с децентрализаторскими тенденциями, порожденными деятельностью института наместнической власти⁴⁷¹. Это было одно из важных противоречий реформаторских потуг правительства Александра I по модернизации системы местного управления. Не случайно, несмотря на неоднократные попытки, вопрос о конституционализации наместнической (генерал-губернатор-

⁴⁶⁸ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб., 2003. С. 36–57.

⁴⁶⁹ Там же. С. 60.

⁴⁷⁰ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах... СПб., 1864. С. 47.

⁴⁷¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 189.

ской) власти в масштабах империи так и не был решен. По сути дела единственным практическим результатом от разработки проектов стал отказ от употребления термина наместник, все более широкое употребление получает понятие генерал-губернатор.

Дальнейшее развитие идеи повсеместного введения генерал-губернаторского правления связано с тридцатилетней эпохой Николая I. По распоряжению императора все проекты реформ местного управления были переданы в особый секретный комитет 6 декабря 1826 г., который на заседании 4-го мая 1827 г. рассмотрел вопрос о генерал-губернаторах. Члены комитета оказались едиными в том убеждении, что «повсеместное существование» в империи института генерал-губернаторов «едва ли может принести истинную пользу». По мнению участников обсуждения, «твердость, единство и сила управления зависят от совершенства установлений, от хорошего выбора лиц, а не от безмерной их власти»⁴⁷². Таким образом, очевидно, что участникам обсуждения генерал-губернаторская власть представлялась как нечто излишнее, как своего рода посредническая инстанция в сношениях между министерствами и губернаторами. По их мнению, гораздо целесообразнее было ввести «точные и единообразные правила для всех мест управления и суда», усилить власть губернского правления, а самого губернатора сделать «истинным хозяином своей провинции»⁴⁷³. Именно поэтому секретный комитет посчитал «повсеместное существование генерал-губернаторов» неудобным. В то же время члены комитета полагали, что в некоторых частях империи введение генерал-губернаторской системы правления «может быть полезно». К таким «отдаленным» местностям были отнесены Сибирь, Оренбургский и Новороссийский края, Кавказ и три Прибалтийские губернии. Основание для введения в этих местностях особой системы управления члены ко-

⁴⁷² Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1891. С. 145.

⁴⁷³ Там же. С. 146, 266.

митета видели прежде всего в приграничном положении этих территорий, что заставляло их «начальников заниматься разными посторонними делами, как то сношениями политическими, торговыми и проч.»⁴⁷⁴ На заседании 28 февраля 1828 г. комитет вновь подтвердил это решение.

Анализ практики учреждения или, наоборот, упразднения генерал-губернаторств свидетельствует, что правительственные мероприятия в этом вопросе вполне соответствовали духу решения комитета 6 декабря 1826 г. Представление о географии института генерал-губернаторской власти дает утвержденное Николаем I 16 февраля 1826 г. постановление Комитета министров «О штатах канцелярий военного и генерал-губернаторов»⁴⁷⁵. Наряду с генерал-губернаторствами Западной и Восточной Сибири⁴⁷⁶ эта форма правления была введена в обеих столицах. В центральных губерниях Европейской России существовало 7 генерал-губернаторств: первое объединяло Рязанскую, Тульскую, Орловскую Воронежскую, Тамбовскую губернии, второе – Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую. Отдельно были выделены Смоленское генерал-губернаторство в составе губерний Витебской, Могилевской и Калужской, Архангельское, Новороссийское, Малороссийское (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии), Оренбургское, генерал-губернаторство Грузии, Кавказа и Астрахани. Прибалтийское генерал-губернаторство включало в себя Псковскую, Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии. Из этого перечня становится очевидным, что к началу второй четверти XIX в. генерал-губернаторская форма правления была введена отнюдь не во всех губерниях империи. Специальной инструкции, регламентирующей «пределы власти» гене-

⁴⁷⁴ Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1981. С. 146.

⁴⁷⁵ ПСЗ-2. Т. 1. № 154.

⁴⁷⁶ В Сибири генерал-губернаторское правление было введено в 1822 г. ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Подробнее см.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 101–116.

рал-губернаторов, еще не существовало⁴⁷⁷, и формально все генерал-губернаторы были равны в своих правах. Однако в исторической литературе со времени выхода капитального исследования С.М. Середонина существует традиция противопоставления генерал-губернаторов центральных и периферийных территорий⁴⁷⁸. Действительно, положение генерал-губернаторов было неодинаковым. Но в условиях абсолютной монархии определялось оно не законами (штатным расписанием и т. д.) а близостью к императору и его окружению. Со времени Петра I и до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно⁴⁷⁹. Существенное влияние на развитие института генерал-губернаторской власти оказывало отсутствие закона о деятельности «главных начальников края». Поэтому на практике генерал-губернаторы зачастую руководствовались принципами целесообразности, а не законности. В 1853 г. Комитет министров при обсуждении проекта инструкции генерал-губернаторам с сожалением констатировал, что в России «только для сибирских генерал-губернаторов и наместника Кавказского начертаны ...подробные правила об их правах, обязанностях и отношениях; все прочие генерал-губернаторы действуют донныне на прежнем основании более или менее сообразным с постановлением Учреждения 1775 г.»⁴⁸⁰

В 30–40-х гг. XIX в. существенных перемен в положении генерал-губернаторов не произошло. Имевшиеся в это время изменения касались лишь вопроса об упразднении ряда генерал-губернаторств центральных,

⁴⁷⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 145.

⁴⁷⁸ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. СПб., 1901. С. 109.

⁴⁷⁹ Пестель И.Б. Бумаги // Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

⁴⁸⁰ Институт генерал-губернаторства... Т. 2. С. 214. Особый журнал Комитета министров от 28 апреля 1856 г. по представлению главноуправляющего II отделением с.е.и.в. канцелярии относительно составления инструкции генерал-губернаторам.

поволжских губерний и севера России. Лишь в 1853 г. по требованию Николая I Комитет министров разработал «Общую инструкцию генерал-губернаторам», которая и была утверждена царем 29 мая⁴⁸¹. Источником для разработки инструкции стало «Учреждение 1775 г.» и законодательные наработки 30–40-х гг. Впоследствии эта инструкция без каких-либо существенных изменений целиком вошла во вторую книгу Свода законов империи в раздел «О начальниках губернии» и повторялась вплоть до начала XX столетия⁴⁸². Тем самым был законодательно конституирован статус генерал-губернаторов империи, что находилось в полном соответствии с рядом других мероприятий Николая I по укреплению основ монархического строя и гиперцентрализации всех вертикальных и горизонтальных структур власти⁴⁸³. Появление инструкции генерал-губернаторам стало неслучайным. С одной стороны, она была призвана не только дополнить, но и более четко определить «обязанности собственно генерал-губернаторов», их взаимоотношения с центральными ведомствами (в первую очередь с министерствами) с одной стороны, и с местными губернаторами – с другой. Применительно к Сибири последнее обстоятельство приобретало особенное значение. Формально «Сибирское учреждение» 1822 г. не давало генерал-губернаторам права рекомендаций на губернаторские посты, но исследователи административной политики самодержавия в Сибири с полным основанием утверждают, что такого рода рекомендации генерал-губернаторы считали своей сферой управления, что нередко порождало острые конфликтные ситуации⁴⁸⁴.

В соответствии с инструкцией генерал-губернаторы определялись как «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы госу-

⁴⁸¹ ПСЗ. Т. 28. № 217293.

⁴⁸² Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1872 г. Ст. 415–472; Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1892 г. Ст. 201–261.

⁴⁸³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1987.

⁴⁸⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 110.

дарства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства...»⁴⁸⁵ Важнейшая задача генерал-губернатора заключалась в «непрестанной ревизии всех действий, мест и лиц, ему подведомственных, для предупреждения или прекращения нарушения законов...» Именно генерал-губернатору «как лицу, полным доверием государя императора облеченному», предоставлялось исключительное право судить о том, насколько те или иные нарушения «противны безопасности и пользе общей...»⁴⁸⁶ По сути дела данная статья инструкции освобождала генерал-губернатора от необходимости руководствоваться в своих действиях любыми законами, предоставляя им право согласовывать свои действия исключительно с интересами «верховного правительства».

Наряду с перечисленными общими обязанностями, инструкция определяла и специфические функции генерал-губернатора. К таковым относилось наблюдение, чтобы юношество «получало воспитание в правилах чистой веры» и в «чувствах преданности престолу», привлечение молодых людей к государственной службе, к трудам честным и полезным. Эта идеологическая функция несла на себе несомненную нравственную печать в виде заботы о необходимости соблюдения каждым членом общества общепринятых норм поведения и морали. В инструкции особенно подчеркивалось, что своими действиями генерал-губернатор «устраняет всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и гибельному лжеумудрствованию» (ст. 424).

Важной функцией генерал-губернатора была забота о «народном здравии и продовольствии» вплоть до принятия чрезвычайных мер в случае «распространения заразы», т. е. эпидемии, и «действий от голода»⁴⁸⁷. В компетенцию генерал-губернатора входило наблюдение «за ходом развития торговли и промышленности», забота о «правильной» разработке полезных ископаемых, разви-

⁴⁸⁵ Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1876 г. Ст. 415.

⁴⁸⁶ Там же. Ст. 417.

⁴⁸⁷ Там же. Ст. 429.

тии путей сообщения. Несмотря на казалось бы широкий круг хозяйственных обязанностей, обращает на себя внимание отсутствие их четкой конкретной регламентации. В этом смысле инструкция как бы противопоставляет генерал-губернаторскую власть губернаторской. Если первой более всего присущи функции надзора и контроля, то последней наоборот свойственна конкретная хозяйственная деятельность.

Политический характер власти генерал-губернатора как высшего должностного лица региона проявился в праве представлять «чиновников лично ему известных» на выдвижение, к наградам и другим поощрениям. Министрам и главноуправляющим свои распоряжения по «всем... предметам» деятельности края следовало «передавать исключительно в губернии не иначе, как через генерал-губернаторов». Всем «начальникам губернии и... прочих мест и лиц» инструкция предписывала безоговорочно выполнять «требования и предписания генерал-губернатора»⁴⁸⁸. Таковы основные положения инструкции генерал-губернаторам 1853 г. Она не просто конкретизировала статус генерал-губернатора, но придала ему характер высшей государственной власти, действовавшей на месте. Эта власть, основанная на личном доверии монарха, приобрела характер чрезвычайной политической власти. Последнее со всей очевидностью вытекает из 451 ст. закона: «никакая новая мера или особое распоряжение, относящаяся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае не предпринимаются иначе, как по предварительному истребованию соображений и заключения генерал-губернатора», – говорилось в ней.

Таким образом, возникнув в период петровских преобразований преимущественно как административно-хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на

⁴⁸⁸ Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1876 г. Ст. 457.

окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии: сибирские, Оренбургская, Кавказская, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства⁴⁸⁹.

Характерной чертой этого процесса была его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельства и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на данной окраине приводило к отмиранию самой идеи особенных правил для конкретной территории. Однако на новых землях «особенные» порядки устанавливались вновь⁴⁹⁰. Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации, с одной стороны, и необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но в конечном итоге и само существование империи как таковой.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличением налоговых поступлений, удобством управления и безопасностью границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края – приме-

⁴⁸⁹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 37–64.

⁴⁹⁰ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 338.

нительно к столь различным по основным параметрам территориям, как, к примеру, Сибирь, Кавказ или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это порождало поливариантность модели управления. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в них генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. Немаловажную роль в этом играла и позиция Министерства внутренних дел, стремившегося посредством упразднения должности генерал-губернатора усилить свои позиции в регионе. Уже в конце 50-х гг. были ликвидированы Черниговское, Полтавское, Харьковское генерал-губернаторства, упразднена должность генерал-губернатора Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. В 1866 г. упразднен пост генерал-губернатора в Петербурге. В 1874 г. упразднено Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, в 1876 г. Прибалтийское, в 1881 г. – Оренбургское.

Однако эпоха буржуазных реформ и контрреформ принесла для генерал-губернаторской власти немало и иных перемен. Вторая половина XIX в. характеризуется активными действиями русской дипломатии на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах. Включение этих территорий в состав империи – процесс длительный и весьма противоречивый. Однако начавшееся одновременно с этим властное освоение новых земель повлекло

за собой необходимость разработки модели организации их управления и административного устройства. Военная активность на Тихом океане и в Средней Азии, соседство и соперничество с Китаем, Японией, Англией требовали создания на новых территориях сильной административной власти. Существенным фактором были и обширные пространства новых земель. Этот фактор оказывал влияние не только на конфигурацию новых административных образований, но и на статус и полномочия местных органов власти. Немаловажную роль играли и такие обстоятельства, как национальный состав коренных жителей, их взаимоотношения с пришлым, в большинстве своем русским населением. Таким образом, геостратегическое положение новых земель оказывало прямое воздействие на полномочия административных органов новых территорий. Закономерно поэтому, что в качестве оптимальной формы высшего местного административного управления была признана генерал-губернаторская модель. Характерно, что инициатива в данном вопросе исходила одновременно от двух министерств – военного и внутренних дел⁴⁹¹.

Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство⁴⁹². Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации.

Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим он наделялся и дипломатическими полномочиями для ведения переговоров с соседними государствами.

Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верном, неоднократно менялась. Характерно, что на терри-

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882. Д. 47.

⁴⁹² Об этом см.: Бекмаханова Н.Е. Многоконфессиональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы в. 1917 г.) М., 1986. С. 80–84.

тории Туркестана в 60-х – 80-х гг. XIX в. действовали одновременно четыре «Временных положения об управлении». Лишь в 1886 г. начала действовать единая система, утвержденная Государственным советом и императором⁴⁹³.

Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии Тобольская и Томская подчинены непосредственно министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей⁴⁹⁴. Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о. Сахалин. На этом собственно завершились преобразования института генерал-губернаторской власти на востоке государства, да и в империи в целом. К началу XX в. в России, не считая Московского, действовали Варшавское; Виленское, Ковенское и Гродненское; Киевское, Подольское, Волынское; Иркутское, Приамурское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства⁴⁹⁵. За период с 1905 по 1917 гг. было вновь восстановлено Кавказское⁴⁹⁶ и упразднено Виленское, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторства. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом и управляемой на особом положении⁴⁹⁷. Данные законоположения, а так-

⁴⁹³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

⁴⁹⁴ Об этом см.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1997. С. 8–87.

⁴⁹⁵ Институт генерал-губернаторства... Т. 1. С. 246.

⁴⁹⁶ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. 1. № 25891.

⁴⁹⁷ В 1903 г. в МВД вновь обсуждался вопрос о подчинении губерний Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, однако он не был положительно решен. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 185.1904 г. Д. 28.

же упоминавшаяся ранее инструкция 1853 г., определяли характер деятельности и правовой статус этих особо уполномоченных верховной властью государственных служащих.

Что же собой представляла эта верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 гг. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты, увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Этот показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.). Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были край-

не редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем А.С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий⁴⁹⁸ не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907, в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала⁴⁹⁹, что соответствовало 3 и 2 классу Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне корреспондируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба

⁴⁹⁸ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России... С. 88.

⁴⁹⁹ В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А.С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний Иркутский генерал-губернатор А.И. Пилец был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее из оставшихся из них видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г.: (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2 и 3 степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его преемник на этом же посту И.А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за «отличия» в сражении под

Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатора Восточной, а затем Западной Сибири А.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, при Кенигсберге, Дрездене, Лейпциге, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3 степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галерее героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804–1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., в сражении под Руцукон в Молдавии в 1810 г. В.Я. Руперт участвовал в Русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком⁵⁰⁰, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсут-

⁵⁰⁰ Исключением является С.М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды, в 1822 и 1835 гг., наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г. Омске школы земледелия.

ствии последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицмейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров⁵⁰¹. Между тем, при приоритете военно-политических задач, административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников, становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките⁵⁰².

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторское должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предше-

⁵⁰¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 107.

⁵⁰² Известный сибирский мемуарист этого времени Нижнеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным мнением, пусть даже правильным. См.: Геденштром М.И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.

ственники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д.Г. Анучин с 1865 по 1879 гг. служил Родомским, П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 гг. был Нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н.П. Казнаков до назначения в Сибирь был Киевским военным и гражданским губернатором, реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г.В. Мещеринову.

Наряду с вышеназванными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского

конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А.П. Игнатьев и П.А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд. Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период времени сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки 5 из 6 генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще до своего назначения генерал-губернаторами. Так, Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сырдарьинской. Кроме того, Градеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о. Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Градекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Иг-

натьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н.Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако со двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX вв. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшейся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образование получил П.С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы⁵⁰³.

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку

⁵⁰³ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 39.

они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии – например, католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX вв. не было редкостью. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5000 до 10000 руб. на экстраординарные расходы.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно как и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например,

жалование советника Главного управления составляло 3000 руб. в год, столоначальника – 1500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 рублей⁵⁰⁴. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставлением им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии знаменитым «Белым домом». После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск там в 50-х гг. XIX вв. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которых четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в определялся более 22 000 тыс. руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственны-

⁵⁰⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 81. Л. 2 об. – 3 об.

ми источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И.Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...» Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга⁵⁰⁵. В 1837 г. В.Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 000 руб. на уплату долгов и еще 10 000 для проезда в Иркутск⁵⁰⁶.

М.С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 000 руб.⁵⁰⁷ Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впослед-

⁵⁰⁵ Бумаги Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 374.

⁵⁰⁶ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 45; РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845. Л. 1–18.

⁵⁰⁷ Матханова Н.П. Указ. соч. С. 344.

ствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 руб. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину 1394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., столовых 3396 руб. 72 коп., на разъезды 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему 15 000 руб. Итого 24 308 руб. 37 коп.⁵⁰⁸ Оно вполне сопоставимо с жалованием его преемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину 1017 руб., по званию – 2082 руб., столовых – 3362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14 700 руб. и 1715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2000 руб. в год. Таким образом, подчеркнем, что несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения

⁵⁰⁸ Матханова Н.П. Указ. соч. С. 226.

временной отрезок 1860–1870-х гг. В этот период времени генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов (1866–1875) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора 10 000 руб., добавочное 3503, столовых 2802 и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17 661 рубль⁵⁰⁹. Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалования по чину 1356 руб., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., прибавочного содержания 14 700 руб., на разъезды 1715 руб. 40 коп., столовых 3362 руб., и пенсии 2000 руб. Итого: 25 935 рублей⁵¹⁰. Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867) действительный статский советник А.В. Виноградский получал всего 2687 руб., в том числе: жалования – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных 687 рублей⁵¹¹; Томский гражданский губернатор (1868–1871) действительный статский советник Н.В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше – 8032 рубля (в том числе жалования и столовых по 1716 руб., прибавочного – 2000, арендных 1200 и квартирных 120 рублей) военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н.П. Дитмара (1864–1874). Оно составляло 4000 рублей – по 2000 жалования и столовых соответственно⁵¹².

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков Н.Г. получал жалование в размере 20 158 рублей, в том числе 3000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его восточно-сибирского коллеги барона Фредерикса П.А. составляло 23 856 рублей. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования,

⁵⁰⁹ Список генералам по старшинству. СПб., 1867 г. С. 303.

⁵¹⁰ Там же. С. 388.

⁵¹¹ Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859. С. 336.

⁵¹² Список генералам по старшинству. СПб., 1866. С. 740.

однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 000 рублям. К этому добавлялись 1356 рублей – жалование по чину и 3500 – столовых⁵¹³.

Для сравнения укажем, что именным указом от 4 января 1885 г. А.П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 000 руб. в год⁵¹⁴. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием⁵¹⁵. Таким образом, можно заключить, что разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был ти-

⁵¹³ Список генералам по старшинству. СПб., 1875. С. 316, 459.

⁵¹⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 123. Л. 2 об.

⁵¹⁵ ПСЗ-З. Т. № 4517.

пичным для крупных администраторов империи того времени. В российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

Административное устройство и способы управления конкретными территориями, как известно, зависят от многих факторов: исторических условий, типологии политической системы государства и т. д. Существенное влияние на формирование объективных особенностей деятельности региональной власти оказывает географическая среда. Думается, не следует сводить понятие влияния географической среды только к формированию пространственной конфигурации административных единиц. Она в немалой степени влияет и на функции административных учреждений. На примере Азиатской России можно наблюдать прямую взаимосвязь между размерами территорий и властными полномочиями различных инстанций. В России в эпоху Николая I возобладало мнение, согласно которому Азиатская часть империи в силу удаленности от центра страны, больших размеров территорий, приграничного положения, пестрого этнографического состава населения нуждается в особой системе управления. Прямым порождением этой теории стало генерал-губернаторское правление, по характеристике известного русского правоведа А.Д. Градовского, «власть чрезвычайная», сохранившаяся на азиатских пространствах империи вплоть до 1917 г.⁵¹⁶ Деятельность этой системы власти регламентировалась общеимперским законодательством. В то же время для каждого из четырех генерал-губернаторств Азиатской России –

⁵¹⁶ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 324.

Иркутского, Приамурского, Степного, Туркестанского – были приняты специальные законоположения, определяющие особенности деятельности генерал-губернаторской власти на данной конкретной территории. Метод компаративизма дает возможность определить специфические черты генерал-губернаторского правления в каждом из перечисленных регионов империи.

В Сибири одной из особенностей генерал-губернаторской системы стало создание советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири как совещательных органов при главном территориальном начальнике края. Идея коллегиальных советов, как противовеса «самовластию» генерал-губернатора, принадлежала М.М. Сперанскому. Он был абсолютно убежден в том, что Сибирь сильно отличается от внутренних губерний империи, и применение к ней общероссийского законодательства невозможно. Основную причину вопиющих беспорядков, вскрывшихся во время ревизии 1819 г., Сперанский видел в образе управления, «краю сему несвойственном». Это убеждение заставляло ревизора-реформатора искать противовес самовластию чиновников всех рангов, в том числе и генерал-губернаторов⁵¹⁷. Таким противовесом и призваны были послужить советы, созданные по «Сибирскому учреждению» 1822 г. при главных управлениях обеих частей Сибири. Характерно, что по замыслу Сперанского советы следовало учредить на всех уровнях сибирского управления – от генерал-губернаторского до окружного. Из анализа штатов «Сибирского учреждения» со всей очевидностью вытекает, что их основная задача заключалась в корректировке единоначалия властей. Обосновывая идею необходимости введения советов, Сперанский в отчете по обозрению Сибири писал о том, что «власть личная» легко «перерождается в злоупотребления и всегда может иметь вид самовластия»⁵¹⁸. В условиях Сибири, «где нет еще публичности мнения

⁵¹⁷ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. Ч. 2. С. 23.

⁵¹⁸ Там же. С. 81.

и где по недостатку дворянства и быть оно долго еще не может», подозрения в самовластии многократно возрастают. В итоге советы Главных управлений создавались под председательством генерал-губернатора. В его состав входило три советника «яко производители дел» по назначению генерал-губернатора и три советника от министерств: финансов, внутренних дел и юстиции. Последние назначались в совет по представлению указанных министерств, при этом предполагалось, что они станут проводниками ведомственных интересов на местах. Члены совета получали соответствующее жалование. Как уже отмечалось, штатным расписанием 1826 г. его размер определялся в 3000 руб. в год. Сперанский признавал, что правильнее было бы составить его (совет. — И.Д.) из лиц, «местному управлению посторонних», расширить его состав, включив туда представителей дворянства и купечества «по выборам». Однако, по мнению реформатора, на момент разработки законопроектов «Сибирского учреждения» это было невозможно. В Сибири, констатировал он, «нет дворянства и весьма мало купечества». Составление совета из людей «высшего сословия» казалось Сперанскому делом отдаленного будущего, когда Сибирь «более будет иметь населения, когда богатства ее придут в дальнейшее движение и доходы умножатся»⁵¹⁹.

В «Сибирском учреждении» подробно прописан механизм деятельности совета. Все его решения носили рекомендательный характер и могли быть проигнорированы генерал-губернатором. Однако в случае разногласия членов совета закон предусматривал возможность высказывания «особого мнения», которое записывалось в журнал заседания и докладывалось генерал-губернатору. Закон четко делил все обсуждаемые вопросы на две категории: решение одних зависело «от непосредственного действия генерал-губернатора», а другие следовало предварительно обсудить и «уважить в совете».

⁵¹⁹ Прутченко С. Указ. соч. С. 83.

Анализ сущностного содержания рассматриваемых в этих двух инстанциях вопросов не позволяет усомниться в том, что непосредственно в компетенцию генерал-губернатора входили наиболее важные вопросы⁵²⁰. Таким образом, генерал-губернатор по-прежнему сохранял в своих руках все нити управления краем. Административная зависимость от генерал-губернатора создавала последнему большие возможности для воздействия на «мнение» членов совета. Принципиально важным является то обстоятельство, что право принятия окончательного решения по спорному вопросу принадлежало исключительно генерал-губернатору. Имея в виду отмеченное обстоятельство, критики «Сибирского учреждения» впоследствии не раз «выговаривали» Сперанскому за это. Известный общественный деятель Сибири В.И. Вагин в своих воспоминаниях не без укоризны замечал, что «первым условием программы Сперанского были гласность и публичность деятельности власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение»⁵²¹. На практическую бесполезность деятельности советов не раз обращал внимание один из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцев⁵²². Косвенно подтверждая это, газета «Восточное обозрение» отмечала, что «в управлении генерал-губернаторов в Сибири отражалось немало личного, случайных страстей, симпатий и антипатий, предубеждений, пристрастий, так что целые учреждения, повинувшись капризу администратора, выходили постоянно за круг предписанных им законом действий и приноравливались к обстоятельствам»⁵²³. Думается, однако, что с подобными категорическими высказываниями можно согласиться лишь отчасти. Действительно, изучение практической деятельности советов Главных управлений свидетельствует об их сильной зависимости

⁵²⁰ ПСЗ-И. Т. 38. № 29125. Ст. 31–33.

⁵²¹ Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

⁵²² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 519–520.

⁵²³ Восточное обозрение. 1889. 2 февр.

от генерал-губернаторов. Но в унитарном государстве, каковым была романовская империя, иначе и быть не могло. Не случайно действующее законодательство провозглашало генерал-губернатора высшим представителем и блюстителем интересов империи в регионе.

В то же время нельзя не заметить, что «Сибирское учреждение» выделяло достаточно широкий круг вопросов, которые подлежали обязательному предварительному обсуждению в совете. Это касалось общего надзора за движением дел, вопросов хозяйственного управления, ряда юридических толкований. Кроме того, существовала категория дел, пусть и небольшая, по которым совет мог принять окончательное решение простым большинством голосов: это были судебные дела, которые выносили на рассмотрение советов главных управлений губернаторы в связи с их несогласием с решениями губернских судов.

Таким образом, в «Сибирском учреждении» 1822 г. сохранилось два взаимоисключающих положения: идея о единоличном правлении генерал-губернатора и попытка ограничить это правление деятельностью коллегиальных советов. Сопоставление данной особенности генерал-губернаторского правления в Сибири с деятельностью этой системы власти в других районах империи позволяет охарактеризовать ее как совершенно уникальное проявление имперского регионализма, характерное только для данного региона. Даже в других азиатских генерал-губернаторствах империи, несмотря на все их своеобразие, не было ничего подобного. Высказывания областников о нежизнеспособности идеи советов и тем более об их полной бездеятельности представляются излишне полемичными. Лучшим доказательством этого являются постоянные ходатайства сибирских генерал-губернаторов в различные правительственные инстанции об упразднении советов.

Такого рода обращения особенно усилились в 50-х гг. XIX в. и связаны с именем Н.Н. Муравьева. Замыш-

ленная им масштабная программа административных преобразований в Восточной Сибири требовала, по его убеждению, сосредоточения всей полноты власти в руках генерал-губернатора и, как следствие, упразднения советов⁵²⁴. В 1851 г., отвечая на поставленный перед ним великим князем Константином Николаевичем вопрос об особенностях управления Сибирью по учреждению Сперанского и, что особенно хочется подчеркнуть, «в какой мере они (особенности. – И. Д.) в последнее время приличествуют краю», Муравьев напрямую заявил, что «сибирское учреждение покойного Сперанского пользовалось наибольшей известностью» при жизни автора. В действительности же в законодательном отношении оно оказалось весьма замысловатым, а «в применении к делу в Сибири...небезукоризненным»⁵²⁵. Однако тогда реализовать идею единоначалия в масштабах всего генерал-губернаторства Муравьеву не удалось. Сибирский комитет оценил ее как попытку коренной ломки «Сибирского учреждения» 1822 г., а это вызывало серьезные опасения правительства. По мнению членов комитета, «разные неисправности (в управлении Сибирью. – И. Д.) происходят от неисполнения правил, сибирским учреждением предписанных...», а не от отсутствия оных и решительно высказался против пересмотра законов 1822 г.⁵²⁶ Последовательным противником упразднения советов выступил Главноуправляющий вторым (кодификационным) отделением с.е.и.в. канцелярии статс-секретарь Д.Н. Блудов. Он полагал, что сибирские губернаторы и так находятся «слишком далеко от надзора не только высшего правительства», но «даже и местных генерал-губернаторов». Упразднение советов, предполагаемое Муравьевым, должно было неминуемо повлечь за собой не только концентрацию единоличной власти в руках губернаторов, но полнейший хаос в рассмотрении текущих дел⁵²⁷.

⁵²⁴ РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 3 об.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 12–14.

⁵²⁶ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

⁵²⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. 1851 г. Д. 50. Л. 74–76.

Тем не менее именно тогда были сделаны первые шаги по слову идеи Сперанского о коллегиальных советах. Первого июня по предложению Муравьева была учреждена Забайкальская область⁵²⁸ и одновременно расширены права Якутской областной администрации⁵²⁹. В обеих областях вводился так называемый упрощенный порядок ведения дел, которые теперь поручались областному правлению, а не губернаторскому совету. Положение об управлении Забайкальской области состояло из 39 статей, Якутской из 26, но ни в одной из них должность советника не была упомянута⁵³⁰. В 1860 г. Муравьев попытался добиться согласия правительства на введение такой же системы управления в губерниях Енисейской и Иркутской⁵³¹, однако его предложения встретили резкие возражения министра финансов А. Княжевича⁵³². Следует заметить, что Княжевича беспокоило не предполагаемое упразднение советов, а возможное сокращение налоговых поступлений от сибирских губерний в результате коренного пересмотра учреждения 1822 г., чего в конечном итоге и добивался Муравьев. Несогласие министра финансов с предложениями Муравьева оказалось решающим фактором при обсуждении их в высших правительственных инстанциях, и проект был отклонен.

Следующим шагом по отмене совещательных советов в Восточной Сибири стало учреждение в 1856 и 1858 гг. Приморской и Амурской областей⁵³³. В именных указах были подробно прописаны обязанности глав новых административных образований, определены их штаты. Последние, по признанию самого Муравьева, были утверждены правительством «в самом сокращенном виде»⁵³⁴. По разработанному Муравьевым положению, управление новыми

⁵²⁸ ПСЗ-2. Т. 26. № 25394.

⁵²⁹ Там же. № 25395.

⁵³⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 1032. Л. 2–10.

⁵³¹ РИГА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4.

⁵³² Там же. Л. 59.

⁵³³ ПСЗ-2. Т. 31. № 31080; Т. 33. № 33862; Алексеев А.И. Указ. соч. С. 157; История Дальнего Востока СССР. М., 1991. С. 226–227.

⁵³⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1655. Д. 60. Л. 29 об.

областями подразделялось на главное и местное. Первое являлось прерогативой генерал-губернатора, второе – военного губернатора областей «как по военной, так и по гражданской части». При военном губернаторе состояло военное управление, ведавшее регулярными и казачьими войсками области, канцелярия и другие чиновники. Ни о каких советах в этом положении уже не было и речи⁵³⁵.

Жесткий приговор «Сибирскому учреждению» 1822 г. вынес преемник Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаков. Уже в одном из первых отчетов по управлению краем он в качестве образца организации губернского управления ссылался на опыт Якутского и Забайкальского областных правлений, действовавших без всяких советов, и предлагал распространить «этот опыт» на Иркутскую и Енисейскую губернию. «Сокращенный» вариант губернского правления был, по мнению Корсакова, гораздо более жизнеспособным⁵³⁶.

Постоянная критика со стороны генерал-губернаторов коллективных советов влекла за собой неуклонное падение их престижа как органов управления краем. По распоряжению генерал-губернаторов на рассмотрение советов нередко выносились вопросы, на которые не было ответа у самих главных начальников края. Так, по указанию Корсакова губернским и областным советам Восточной Сибири было поручено высказать свои суждения по такому вопросу, как возможность применения в Сибири положений крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Точно так же поступил генерал-губернатор Западной Сибири А.И. Дюгамель⁵³⁷. Рассмотрение этого вопроса тянулось много лет, пока Н.П. Синельников, вступивший на пост генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871 г., не признал, что идея эта в Сибири еще долго «будет... неосуществима»⁵³⁸.

⁵³⁵ ГАИО. Л. 29–34 об.; Оп. 12. Д. 705. Л. 1–5.

⁵³⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 148. Л. 24–27; РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Л. 14–15.

⁵³⁷ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Л. 14–15.

⁵³⁸ Там же. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 2.

Служба советников Главного управления, весьма престижная поначалу, утратила свою привлекательность и стала рассматриваться как заурыдная, малоходная, и довольно скоро на этих должностях оказались весьма обычные чиновники. Анализ формулярных списков членов ГУВС за середину 80-х гг. свидетельствует, что никто из них не получил не только высшего, но 30 % не имели даже среднего образования⁵³⁹. Большинство советников были людьми преклонного возраста, для которых эта должность стала пиком служебной карьеры. Типичной в этом отношении является фигура члена ГУВС Сукачева, состоявшего в 1867 г. членом совета от министерства внутренних дел. Сын священника, закончивший среднее учебное заведение в г. Харькове, он прибыл на службу в Сибирь в 1819 г. и начал ее в должности канцелярского служителя. Первый классный чин коллежского регистратора Сукачев получил 1822 г. За 48 лет службы он вырос до действительного статского советника – редкая карьера для человека его сословного происхождения – и получил прибавочное жалование в размере 7000 руб. в год⁵⁴⁰. Однако такая карьера для большинства советников была скорее исключением, чем правилом. При негативном отношении генерал-губернаторов к самой должности, и, как следствие, к людям, ее занимающим, на большее рассчитывать было невозможно. Положение советников еще усугублялось и тем обстоятельством, что они не стали представителями «своих» министерств в Сибири – на практике центральные ведомства просто забывали об их существовании, а генерал-губернаторы демонстративно игнорировали заседания советов, попросту не являясь на них, или поручая их ведение гражданскому губернатору⁵⁴¹. Много позже в 1903 г. в министерстве внутренних дел была составлена любопытная справка о причинах упразднения советов. Анонимный автор, стараясь быть

⁵³⁹ Подсчитано по материалам: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1870 Л. 129–135.

⁵⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 381. Л. 90–109.

⁵⁴¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1997. С. 120.

беспристрастным, тем не менее признавал, что самым фактом подчинения генерал-губернатору, как высшему должностному лицу региона, советы изначально были поставлены «в положение, крайне затруднявшее течение дел». Более того, предоставление генерал-губернатору права единоличного принятия решений в случаях несогласия с мнением совета «уже в первую пору деятельности этого учреждения» устраняло «всякое деятельное участие его на направление и разрешение дел», а со временем само существование этих коллегиальных органов стало «признаваться бесполезным»⁵⁴². Естественно, что негативное отношение генерал-губернаторов Сибири к коллегиальным советам не оставалась незамеченным в Петербурге. Не случайно при открытии новых генерал-губернаторств в Азиатской России – Туркестанского в 1868 г., Степного в 1882 г. и Приамурского в 1884 г. – советов в структуре органов управления новых административных образований уже не было. После упразднения в 1882 г. Западносибирского генерал-губернаторства совет продолжал действовать только в Восточной Сибири. В конечном итоге решающий вклад в дело упразднения советов несли два генерал-губернатора – Д.Г. Анучин и А.П. Игнатьев.

Сменивший в 1885 г. Анучина новый генерал-губернатор А.П. Игнатьев оказался еще более последовательным сторонником идеи упразднения советов. По его мнению, за последние десятилетия Сибирь «из малоизвестной страны, населенной инородческими племенами», превратилась в «единое целое со всей великой Россией» и утратила те свои особенности, которые и порождали специфические черты в организации управления краем. Государственная точка зрения, по мысли А.П. Игнатьева, требует рассматривать Сибирь «наравне с коренными областями России» во всех отношениях, в том числе

⁵⁴² Библиотека РГИА. Печатные записки. Историческая справка о порядке управления Сибирскими губерниями и областями. Л. 10–11.

и в формах и способах управления⁵⁴³. А посему Сибири, как и другим административным образованиям империи, нужна сильная, облеченная доверием императора власть, не стесняемая какими-либо коллегиальными советами.

После преобразования генерал-губернаторства Восточной Сибири в Иркутское в 1887 г. совет Главного управления прекратил свое существование, а его функции перешли к канцелярии генерал-губернатора. Таким образом, коллегиальные советы просуществовали в Западной Сибири 50 лет, в Восточной на пять лет больше. В свое время само появление идеи советов отразило стремление Сперанского учесть природный фактор в организации территориально-административных органов. Однако этот же географический фактор влиял и на круг полномочий административных органов в регионах. Особое значение при этом имело приграничное положение крупных территориальных образований, их удаленность от центра.

Царские власти всегда придавали особое значение отношениям России с соседними государствами, так как это служило важным условием обеспечения военной безопасности государства. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию Сибирского царства⁵⁴⁴. Однако ситуация принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского государства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций московского, а в последствии петербургского правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных

⁵⁴³ Библиотека РГИА. Печатные записки. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири... С. 1.

⁵⁴⁴ См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

регионов. Не менее значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиление политического влияния России в соседних странах, установление выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызывали естественное противодействие со стороны ряда азиатских и европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

Процесс формирования Азиатско-Тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эта граница была еще очень аморфной, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм для дальнейшего расширения империи (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье для Приамурья; Приморский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии⁵⁴⁵). Таким образом, особенность геостратегического положения Азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством как бы двуетадную задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ – с одной стороны, и дальнейшее расширение имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутривластная деятельность – вытекало из са-

⁵⁴⁵ Эта мысль была высказана А.В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13–15 ноября 2003 г. См.: Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX вв.). // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Материалы научно-теоретического семинара. Иркутск, 2003. С. 27. Автор диссертации разделяет эту точку зрения. См.: Дамешек И.Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI века. Материалы V Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 39.

мой сути региональной власти, то решение задачи территориального расширения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует однако заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами предоставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности Сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределили важную особенность в деятельности Сибирского приказа, в компетенции которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т. д., находились дипломатические дела⁵⁴⁶. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С.В. Бахрушиным⁵⁴⁷, А.Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия сибирских воевод по сравнению с их «коллегами» из Европейской России⁵⁴⁸. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны нагайских и бу-

⁵⁴⁶ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 125.

⁵⁴⁷ Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 111. Ч. 1. М., 1955. С. 253–262.

⁵⁴⁸ Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук. М., 1965. № 9.

харских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право на сугубо дипломатических сношения с государствами монгольского мира⁵⁴⁹. Так уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому Иркутскому генерал-губернатору И.В. Якоби еще во время службы в Селенгинске, в самом начале своей карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника, он участвовал уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором в 1783 г., он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем⁵⁵⁰.

Особенности геостратегического положения Сибири вызывали необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой специфической стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политике самодержавия в целом. С одной

⁵⁴⁹ Александров В.А. Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 117.

⁵⁵⁰ История правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911). Т. 2. СПб., 1911. С. 6239, 791.

стороны, правительство в лице министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, как казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но, как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с 1898 по 1901 гг., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье»⁵⁵¹. На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т. е. насильственном ограничении влияния ламаизма, министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что при помощи буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других страна. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и позже. В одной из записок, поданных министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г., прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом»⁵⁵². Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. министерство иностранных дел выступило против предложений Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания⁵⁵³. По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульман-

⁵⁵¹ РИА. Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300. Л. 2–5.

⁵⁵² Библиотека РГИА. Печатные записки. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.

⁵⁵³ Институт генерал-губернаторства и наместничества.... Т. 1. С. 224–225.

ском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время значительная активизация деятельности России на Дальневосточных и Среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решения на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоятельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление⁵⁵⁴. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной службы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен Иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н.Н. Муравьева на Дальнем Востоке, с одной стороны⁵⁵⁵, и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям

⁵⁵⁴ ПСЗ-И. Т. 38. № 29125. Ст. 13.

⁵⁵⁵ Их анализу автор посвятил специальный раздел в монографии: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 133–163.

Россия в значительной степени оказалась обязанной Н.Н. Муравьеву. Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по вопросу о границе⁵⁵⁶. Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т. е. фактически себе⁵⁵⁷. Но это обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли Иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического присутствия России в степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяло западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России

⁵⁵⁶ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 174.

⁵⁵⁷ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1. 1891. С. 321–322; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 133.

в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию⁵⁵⁸.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от длины расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на сопредельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался Туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен российским правительством начинать военные действия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н.Н. Муравьев в Айгуне, К.П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-Бухарского и Русско-Хивинского договоров⁵⁵⁹.

Важной предпосылкой формирования особенностей управления Сибирью на всех уровнях был этнический фактор. Он сказывался на методах властного основания новых территорий, их политико-административном устройстве и т. д. Россия всегда была страной многонациональной. Уже со времен Древней Руси в районе Новгорода по соседству со славянами проживали неславянские племена: меря, весь, чудь др. По мере продвижения границ русского государства на восток этническое разнообразие усиливалось. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам,

⁵⁵⁸ Об этом подробнее см.: Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003.

⁵⁵⁹ Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (XIX в). Уфа, 1999. С. 73–74; История внешней политики России... С. 109–111.

находились на разных ступенях развития, отличались религиозным многообразием. В Сибири значение «иностранческого вопроса» определялось той ролью, которую играли аборигены в социально-экономическом развитии края, уплатой натурального ясака, большими массивами земли, пригодными для колонизации, этническими связями с населением сопредельных стран, отсутствием четко обозначенной государственной границы. Хотя на протяжении всей истории русской Сибири можно наблюдать снижение удельного веса коренного населения, но об абсолютном сокращении численности аборигенов не может быть и речи⁵⁶⁰. Хотя поливариантность государственного устройства окраин империи накладывала известный отпечаток на деятельность местных органов власти и управления, в то же время можно выделить общие закономерности в решении этнополитического вопроса на всех окраинах Азиатской России.

Стратегической задачей государственной национальной политики в отношении коренного населения окраин империи была его интеграция в общероссийскую систему политических, экономических, социокультурных и иных связей. Разумеется, в каждом регионе этот процесс имел свои индивидуальные особенности, но стратегическая цель – «превращение окраин империи в Россию» – не вызывает сомнений. Если на ранних этапах колонизации азиатских окраин империи по мере вовлечения регионов с нерусским населением в поле зрения властей правительство было вынуждено в каждом отдельном случае вырабатывать конкретные мероприятия, то мере усиления интеграции Сибири в Россию вырабатывалась концептуальная политика государства в «иностранческом» вопросе. Анализ этой политики позволяет утверждать, что несмотря на определенные зигзаги, она несомненно

⁵⁶⁰ Дамешек И.Л. Политика государственной колонизации и этнографические процессы в Сибири XIX – начала XX вв. // Этнографическое взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.): Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, 19–20 июня 2003 г., Новосибирск, 2003. С. 100–103.

имела свою логику развития. Опираясь на конкретный исторический материал, законодательную базу и практику ее применения, можно выделить два основных этапа в политике правительства по отношению к сибирским «иностранцам» в XVIII начале XX вв. Первый этап – с начала XVIII в. до середины XIX вв., второй этап – примерно середины XIX в. и до 1917 г. Для первого этапа характерны прежде всего смена военно-мобилизационных методов взаимоотношения с аборигенами на политику административно-управленческой интеграции, венцом которой стал «Устав об управлении иностранцев» 1822 г. Важной составляющей политики империи по отношению к сибирским «иностранцам» на этом этапе было понимание невозможности полного подчинения этих народов действию общероссийского законодательства, доказательством чего являются попытки кодификации норм обычного права сибирских иностранцев. Для второго этапа, наоборот, характерно стремление имперского правительства «уравнять» сословие сибирских иностранцев с русским крестьянским населением. Подобная смена ориентиров была вызвана несколькими причинами, среди которых особенную роль играла степень интеграции Сибири в Россию, превращение Сибири из колониальной окраины в периферийную составную часть государства и выработка идеологии государственного единства и неделимости империи. Последнее явление было далеко не случайным. Возникновение идеологии государственного единства, практика его реализации в значительно степени были связаны с распространением в России национальных идей, ставших угрозой династическому имперскому патриотизму, на который традиционно опиралась романовская империя⁵⁶¹.

Идея государственного единства была сформулирована в 1860-х гг. М.Н. Катковым и нашла свое выражение как в законодательстве, так и в стремлении правительства иде-

⁵⁶¹ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

ологически обосновать новые мероприятия по отношению к нерусским подданным национальных окраин империи. Данное утверждение вполне корреспондируется со взглядами известных представителей русского общественного мнения на задачи колониционной политики государства на окраинах. Весьма интересны высказывания на этот счет известного писателя и путешественника 70-х гг. XIX в. М.И. Венюкова. Цивилизаторская роль России по отношению к коренному населению Средней Азии была для него несомненной. Искренним желанием каждого просвещенного человека должно быть увеличение «сношений этих земель с Россией или России с ними», — отмечает он⁵⁶². Однако одного такого желания мало. Решающее значение имеет колонизация, точнее, ее цели. От решения этого вопроса зависит и все остальное. По мнению Венюкова, система колонизации не может быть универсальной, но она должна предусматривать заселение окраин русским элементом. Это приведет к ликвидации их обособленности от центральной России. В этом, по мнению Венюкова, заключается основная задача сильной местной власти⁵⁶³.

Аналогичные мысли зримо присутствуют во взглядах на рассматриваемую проблему у А.Д. Градовского — автора известных работ по истории русской государственности и права. Работая над историей генерал-губернаторств в России, Градовский провел любопытное сравнение колониционной политики европейских государств в отношении своих «иноплеменных областей» и России. Он пришел к неутешительному, с точки зрения российского человека, выводу о том, что в этих странах «выгоднее было быть немцем, французом, римлянином, чем иностранцем». В России же, с горечью констатировал он, все наоборот. Имея в виду окраины империи, Градовский заключает: «Мы желаем обрусить разные местности», но для этого, во-первых, следует призвать на помощь «все общественные силы; и во-

⁵⁶² Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 299.

⁵⁶³ Там же. С. 388–389, 394–395.

вторых, обращаться с окраинами точно так же как с русскими областями, «изгнав все «местные условия» из политической практики»⁵⁶⁴. В Сибири решающая роль в проведении политики «сближения» сословий крестьян и инородцев отводилась генерал-губернаторам. Последние вполне разделяли эту новую государственную идеологию. Характерно также, что в своей политике «сближения» генерал-губернаторы были убеждены в превосходстве русской культуры, в цивилизующей миссии этой высшей культуры по отношению к культуре аборигенов. Конечная цель такой политики виделась во всеобъемлющем «приобщении» аборигенов к русской государственной жизни.

Подобные мысли были весьма созвучны со взглядами представителей высшей сибирской администрации на судьбы инородцев в составе империи. Н.Н. Муравьев еще в 1847 г. заявил, что «едва ли в скором времени не представится необходимость распространить на них («инородцев». – И. Д.) действие законов общих»⁵⁶⁵. Эту же мысль, но в гораздо более категоричной форме, высказал в 1887 г. А.П. Игнатьев⁵⁶⁶, полагавший, что с государственной точки зрения Сибирь следует рассматривать не как специфический регион, а «наравне» с «прочими» губерниями России. Не случайно, что сами сибирские генерал-губернаторы как высшие представители самодержавной власти в регионе и стали проводниками такой политики. Однако именно это стремление к административной, политической и культурной унификации окраинных регионов с великорусским ядром империи составляло своеобразие национальной политики самодержавия. Компаративный анализ политики России в отношении народов Сибири с политикой США в отношении индейцев, европейских государств Англии,

⁵⁶⁴ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 337–338.

⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 389 об.

⁵⁶⁶ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.

Франции и др. в отношении коренного населения «своих» колоний позволяет утверждать, что принципиальным отличием этой политики стало стремление российских властей всех уровней интегрировать сибирские народы в систему общероссийских хозяйственных, административных и социокультурных связей и отношений, подчинить эти народы действию общероссийского политико-административного и социокультурного уклада. Это был весьма противоречивый процесс, но именно данное обстоятельство принципиально отличает политику России по отношению к народам Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не считались подданными государства и не платили налогов⁵⁶⁷. В Сибири же, наоборот, органической составляющей национальной политики стал процесс земледельческой колонизации, распространение православия, русской грамотности, традиций и обычаев русского народа среди аборигенов. Именно эта сторона государственной политики занимала особенное место в функциональных обязанностях сибирских генерал-губернаторов.

К региональным факторам, определявшим особенности деятельности института генерал-губернаторской власти, следует отнести наличие в Сибири крупных земельных собственников, интересы которых зачастую не совпадали. Основными собственниками земель и недр Сибири выступали казна и Кабинет. Несовпадение финансовых интересов казны и Кабинета порождало административную автономию кабинетских земель в виде Алтайского и Нерчинского горных округов, управляемых по особому положению⁵⁶⁸. Все остальные сибирские земли рассматривались самодержавием как находящиеся в совместной собственности казны и Кабинета. Последний, как совладелец, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем сибирских земель, находя-

⁵⁶⁷ Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров... Иркутск, 2002. С. 92–94.

⁵⁶⁸ Подробнее см.: Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1797–1917). Новосибирск, 1973.

щихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Она получала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчною податью. Кроме того, крестьяне и инородцы выступали и как арендаторы Кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. Эти финансовые противоречия земельных собственников находили известное выражение в деятельности высшей местной администрации. Еще М.М. Сперанский в донесении Александру I о Нерчинских заводах отмечал, что в результате использования труда приписных местное «серебро обходится... дороже, чем оно стоит»⁵⁶⁹. Совершенно иной точки зрения на этот счет придерживался В.Я. Руперт, неоднократно настаивавший на увеличении числа крестьян, приписанных к заводам. В отличие от своих предшественников, Н.Н. Муравьев считал более целесообразным «производить разработку силами одних каторжан», а приписных крестьян, наоборот, «обратить к земледелию»⁵⁷⁰. На протяжении XIX в. неоднократно перестраивалось и управление заводами Алтайского горного округа⁵⁷¹, что нашло отражение в целой серии законодательных актов.

Изучение истории разработки нормативной базы и самого процесса управления горными округами Кабинета позволяет утверждать, что активными участниками этих процессов и событий были сибирские генерал-губернаторы. Горные округа, принадлежавшие на правах собственности императорскому Кабинету, порождали совершенно специфический круг забот и обязанностей сибирских генерал-губернаторов, а подчас и некоторую двойственность в их положении как главных начальников края. Лишь падение монархии в феврале 1917 г. повлекло за собой упразднение этой особой формы собственности.

Важной специфической обязанностью сибирских генерал-губернаторов было управление ссылкой. На про-

⁵⁶⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1-2об.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ ПСЗ-2. Т. № 29363; ПСЗ-3. Т. № 2402.

тяжении XIX в. высшая местная бюрократия неоднократно отмечала недостатки и пыталась по-новому организовать управление каторгой и ссылкой. Тем не менее со времени выхода «Устава о ссылке» и «Устава об этапах» в 1822 г.⁵⁷² вплоть до 1913 г. эта система управления ссылкой постоянно давала сбои и являлась своеобразной головной болью для сибирской администрации всех уровней. Ниже в главе четвертой мы подробно рассмотрим тот вопрос.

Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае нельзя.

В выполнении этих неуставных обязанностей немало важную роль играли культура самого генерал-губернатора, членов его семьи, в первую очередь жены, умение общения с людьми, стремление быть всегда на виду или наоборот, отсутствие оного... Изучение жизненного пути сибирских генерал-губернаторов позволяет утверждать, что большая часть из них были людьми незаурядными. Попад в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из них довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились настоящими радетелями интересов этого края, поборниками развития культуры и образования, нравственного совершенствования всего сибирского общества.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В начале XIX в. собственной интеллигенции в Сибири практически не было. Ее отсутствие в определенной степени компенсировалось чиновничеством. Характеризуя по-

⁵⁷² ПСЗ-1. Т. 38. № 29128, 29129.

следнее, лидер сибирского областничества Г.Н. Потанин отмечал, что «...эти чиновники иногда с университетским образованием... поднимали в местном обществе не только вопросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой и вопросами общественной и государственной жизни»⁵⁷³. Генерал-губернаторы как бы олицетворяли этот высший чиновничий мир, которому стремились подражать и в известной мере даже копировать. Разумеется, каждый генерал-губернатор вел себя индивидуально. Однако сама должность диктовала ему определенные каноны общественного поведения, за соблюдением которых незримо, но очень внимательно следило местное общество. В этом проявлялось нравственное влияние личности генерал-губернатора на окружающих его людей.

⁵⁷³ Цит. по.: Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 151.

ГЛАВА III

Региональный компонент управления

1. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания

Проблема поиска оптимального соотношения интересов центра и регионов в России не является принципиально новой. Применительно к Сибири, она получила большую общественную значимость уже во второй половине XIX в.

Одной из множества сибирских специфических особенностей (в отличие от большинства европейских территорий Российской империи) являлось отсутствие дворянского сословия. В Сибири не было дворянства и, соответственно, не было оппозиции. Однако со второй половины XIX в. ситуация начинает меняться. Связано это было с зарождением сибирского областничества – особого направления общественного движения. Областничество – значимое и оригинальное явление в истории Сибири. Оно представляло собой систему взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края как специфической области (территории) в составе Российского государства, а также общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать и реализовывать на практике эти идеи. Его возникновение и развитие было обусловлено сочетанием целого ряда экономических, полититических и культурных факторов сибирской жизни.

Это движение зародилось в стенах Петербургского университета, где обучались будущие идеологи областничества – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Они явились одними из основателей сибирского студенческого землячества. Члены землячества (С.С. Пашков, Н.И. Наумов, И.В. Федоров-Омулевский, С.С. Попов) были охвачены мечтаниями об обновлении Сибири. Приехав в Сибирь, они занялись исследованием края, чтением лекций, сотрудничеством с местными газетами⁵⁷⁴. Главной задачей областников, по мысли Потанина, был «переворот умов (в Сибири) и пополнение пустоты в (сибирских) головах»⁵⁷⁵.

В социальном отношении все областники были разночинцами. Ни один из них не был потомственным дворянином, в равной степени как и не был ни мещанином, ни крестьянином. Г.Н. Потанин был казачьим офицером, Н.М. Ядринцев и С.С. Попов – вышли из купеческой среды.

Как отмечает М.В. Шиловский, зачастую многие областники лично не знали друг друга, но выступали как единомышленники. В частности, нет прямых доказательств о причастности к работе областников в Сибири М.В. Загоскина и А.П. Щапова⁵⁷⁶.

Непосредственно складывание идеологии сибирского областничества происходит в период 1860–70-х гг. Именно на эти годы пришлась активная публицистическая деятельность областников, и одновременно с ней – поиски теоретического обоснования областнического движения. В 1862 г. идеолог областничества Г.Н. Потанин сформулировал цели областнического движения: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же». При этом Потанин уточнял, что «Областничество включает в себя сепаратизм не толь-

⁵⁷⁴ Мирзоев В.Г. История Сибири. (Домарксистский период). М., 1970. С. 302.

⁵⁷⁵ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. I. С. 65.

⁵⁷⁶ Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 14–17.

ко в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства), который на обычном общепринятом языке называется политическим сепаратизмом; последний недопустим с государственной точки зрения; но областнический сепаратизм не угрожает целостности государства, хотя может заходить очень и очень далеко»⁵⁷⁷.

Общественно-политические взгляды областников оформились в годы первой революционной ситуации, под непосредственным воздействием революционно-демократического лагеря. Серьезное влияние на формирование программы и идеологии областничества оказали декабристы, петрашевцы, польские политические ссыльные, а также работы П.А. Словцова⁵⁷⁸.

Заметим, что преобладающее влияние на идеологию и взгляды областников оказывали, наравне с идеями «шестидесятников»-народников, история западноевропейских колоний, политические и экономические теории того времени. Через всю жизнь Н.М. Ядринцев пронес свое увлечение Северо-Американскими Штатами и уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. В 1893 г. он писал Потанину во время своей американской поездки: «Пишу вам 4 июля – праздник независимости: представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такую цветущей»⁵⁷⁹.

До конца своих дней Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев не утратили интерес к западным социальным и экономическим теориям. Список западных авторов, чьи имена

⁵⁷⁷ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 59; Он же. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 210; Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Иркутск, 2003. С. 8.

⁵⁷⁸ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. С. 13.

⁵⁷⁹ Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142.

довольно часто упоминаются ими в своих сочинениях и письмах, обширен. Это П.-Ж. Прудон и Луи Блан, А. Сен-Симон, Г.-Ч. Кэри, К. Маркс, В. Рошер и А. Леруа-Болье. В сочинениях Д. Дрепера о колонизации в Америке они ищут подкрепление своим мыслям о влиянии климата на развитие Сибири, ее населения. Интерес к западным идеям диктовался прежде всего необходимостью дать научное обоснование так называемых «сибирских вопросов».

Именно западные идеи и колониальный опыт подтолкнули областников к осознанию колониального положения Сибири в составе российской империи. В качестве аргумента можно привести слова самого Г.Н. Потанина о том, что мысль об отделении Сибири проистекала из аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний. Позднее он вспоминал о впечатлении, которое на него произвела статья ориенталиста И.Н. Березина о колониях, источником которой послужила книга немецкого экономиста Вильгельма Рошера. Из этой статьи Потанин «узнал, что колонии бывают торговые и земледельческие и что история последних обыкновенно оканчивается отделением от метрополии»⁵⁸⁰. Не случайно колониальный вопрос был для областников одним из важнейших. Подтверждение этому мы находим в письме Г.Н. Потанина к Н.М. Ядринцеву. 21 мая 1872 г. он писал: «Вопрос о колониальной политике для меня самый первый, и в нем я совершенный профан и брожу всегда не при свете европейской науки, а при свете масляной лампы, которая чадит в моем собственном мозгу»⁵⁸¹.

Сравнивая колониальные процессы в США и Сибири, областники признавали, что «Сибирь завоевана и населена народом; она открыта Ермаком и занята казаками. Все главные предприятия в ее колонизации исполнены частными лицами без правительственного участия», —

⁵⁸⁰ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 80; Ремнев А.В. // Там же. С. 143–144.

⁵⁸¹ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. I. С. 92.

утверждал в 1860 г. Г.Н. Потанин⁵⁸². Его полностью поддерживал Н.М. Ядринцев, который считал колонизацию Сибири исключительно заслугой народа: «Покажите мне другой народ в истории мира, – восклицал он, – который бы в полтора столетия прошел бы пространство, больше пространства всей Европы и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажете такого народа»⁵⁸³.

По мнению идеологов движения, именно вольнонародная колонизация, дополняемая природными богатствами Сибири, обеспечила в конечном итоге прочную основу не только быстрого развития производительных сил региона, **но** и всей России. «Русский народ заложил **здесь** новые основания для продолжения своей жизни, – справедливо отмечал Г.Н. Потанин, – если представить в будущем Сибирь так же населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее»⁵⁸⁴. Отчасти эта мысль корреспондируется со знаменитой фразой М.В. Ломоносова о том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью». С другой же стороны, по справедливому мнению М.В. Шиловского, она опровергает вывод о сепаратистской окраске раннего областничества, о якобы утилитарном взгляде областников на Сибирь как независимое государство, полностью порвавшее с Россией⁵⁸⁵.

Между тем эти возможности (вольнонародная колонизация и природно-сырьевые богатства) не привели к развитию производительных сил региона, повышению уровня благосостояния местного населения. Более того, «через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленно-

⁵⁸² Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 196.

⁵⁸³ Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. 5 март.

⁵⁸⁴ Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири... С. 202.

⁵⁸⁵ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 25.

стью, – замечал Ядринцев. – Мы видим бедные городки, разоренные возмутительными насилиями и грабежами наездных воевод и злоупотребляющих властью губернаторов»⁵⁸⁶. Основная причина всех зол и бед, по мнению областников, крылась «в особенных общественных условиях Сибири как штрафной и экономической колонии»⁵⁸⁷.

Таким образом, для областников 1860-х гг. Сибирь являлась колонизируемой окраиной России. Главными действующими лицами этого процесса **выступали** вольнолюбивые и предприимчивые элементы русского народа. Его результаты были крайне выгодны феодальному государству, фактически превратившему регион в свою экономическую колонию и затормозившему развитие ее экономики и культуры.

В 80-е годы XIX в. областники активно пропагандировали достижения западной колониальной науки на страницах своего печатного органа – в газете «Восточное обозрение». В частности, в 1884 г. в «Восточном обозрении» вышла статья Н.М. Ядринцева «Переписка между колонией и метрополией», в которой он четко указал целый ряд специфических черт, указывающих на схожесть Сибири с земледельческими колониями европейских государств. К этим характерным признакам Ядринцев (публиковался под псевдонимом «Колонист») отнес отсутствие аристократии и четко разграниченных сословий. Стремление к наживе, характерное для всех колоний, влечет за собой преобладание материальных интересов – «все ценят копейку и больше ничего». Отсюда проистекают безнравственность и масса злоупотреблений. Однако именно в колониях, по мнению Ядринцева, человек обретает свободу, поскольку всем людям здесь предоставляются равные возможности в поисках счастья. Подобно США, сибирская окраина пробудила в русском человеке дух предприимчивости. Основываясь на учении

⁵⁸⁶ Ядринцев Н. М. Указ. соч.

⁵⁸⁷ Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 97.

А. Смита (в частности, на классическом определении экономической зависимости колонии от метрополии), Ядринцев приходит к выводу о том, что «на этих отношениях зиждится главная суть внутренней колониальной жизни, и при посредстве их устанавливаются чувства, расположение и неразрывность связей, которые отражаются в последующей исторической жизни»⁵⁸⁸. Находясь на позициях жесткой критики колониального характера имперской политики в отношении Сибири, областники тем не менее признавали, что без патронажа метрополий общее развитие колоний шло бы крайне медленно. Они справедливо считали, что проблема заключается не в собственно политике, а в ее правильной организации. Это четко видно из писем Ядринцева к Потанину: «Обличая Англию, мы должны помнить, что ее политика была все-таки прогрессивнее многих государств, как, например, Испании». Не случайно в 1872 г. в журнале «Дело» Н.М. Ядринцев опубликовал работу «Очерки английской колонизации». Вслед за ним Г.Н. Потанин печатает в столичной «Неделе» свою статью «Где наш рынок сырья?», в которой представлен детальный анализ истории правительственной политики в отношении Сибири. Автор заключает, что «несмотря на то, что отношение России к ее колониям переходило фазы, аналогичные с теми, чрез которые прошла история колониальной политики и на Западе, есть, однако же, основания более верить, что эти аналогии явились без определенного плана, которого бы держалось правительство, что они были неизбежным результатом хода самих обстоятельств»⁵⁸⁹. Таким образом, областники критиковали правительство за то, что оно не смогло разработать разумной модели колониальной системы и, соответственно, не смогло умело воспользоваться Сибирью. Именно этим обстоятельством объясняется достаточно сложное отношение областников к планируемому строи-

⁵⁸⁸ Восточное обозрение. 1884. 13 сент., 4 окт.; Ремнев А.В. Западные истоки... С. 144.

⁵⁸⁹ Неделя. 1872. № 39–40.

тельству Сибирской железной дороги. Они справедливо опасались, что дорога окончательно закрепит экономический статус Сибири как сырьевого придатка империи. В то же время областники понимали, что дорога будет иметь, несомненно, и положительное значение. Она не только ускорит общую колонизацию края, но и в целом будет способствовать ввозу новых технологий, знаний и капиталов. Эта мысль очень четко была высказана Н.М. Ядринцевым. Он писал: «Представьте себе невежественную территорию обособленной, она более проиграет, чем выиграет за неимением сношений. Связь колоний с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее. Невежественная страна умрет с голоду, погрузится в застой, она станет Монголией, Китаем. – Но помилуйте, ведь барыши слишком громадны за это обучение, за принесение «части знаний», эти барыши стоят и плоти, и крови. Что делать, плата за ученье велика, как запрос бесцеремонного учителя, но лучше платить дорого, чем остаться совсем без ученья и образования»⁵⁹⁰. Исключительно важное значение для областников представлял экономический аспект колониального вопроса. Только при условии развития собственной промышленности становилось возможным повышение ценности труда и освобождение от «мануфактурного ига» столицы. Г.Н. Потанин справедливо замечал по этому поводу, что правительственное покровительство «мануфактурным провинциям внутренней России, подавало повод последним наложить на Сибирь торговое ярмо»⁵⁹¹. Подобная ситуация была обусловлена низким уровнем развития промышленности в крае: «Сибирь пользуется всем привозным, у нас нет мануфактур, изводы ничтожны, мы не пьем, едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы, простяки-труженни-

⁵⁹⁰ Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину... С. 52; Ремнев А.В. Западные истоки... С. 149.

⁵⁹¹ Известия Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1925. Т. 4. Вып. 1. С. 95.

ки, надуваемые разными спекулянтами, вроде московских мануфактуристов»⁵⁹². Таким образом, будущее Сибири областники связывали с ее промышленным развитием: «страны, развивающие мануфактуры, развиваются и во всех функциях жизни... Помогайте же жизни в ее переходах, способствуйте... Облегчите только переход, направляйте, но не препятствуйте ему, это бесполезно»⁵⁹³. Общую экономическую платформу, на которой стояли областники, можно выразить словами С.С. Шашкова: «для успешного заселения и обработки земли, для рационального устройства и всестороннего развития Сибирской колонии (выделено мной. – И. Д.), необходимо отбросить старые принципы и покориться новому духу жизни, который уже проносится над землей, сметая вековую удушливую пыль невежества, сваливая старых идолов и вливая новую жизнь в одряхлевшие от сна народы»⁵⁹⁴. Одним из основополагающих пунктов областной концепции был «инородческий вопрос». Решение этого вопроса общественная мысль региона определяла в качестве общегосударственного. Приниженное и более того – бедственное положение коренных народов, проживающих в Сибири, областники представляли в качестве одного из важнейших аргументов тезиса «Сибирь – колония». При рассмотрении «инородческого вопроса» Ядринцев выступал страстным защитником прав аборигенов на самостоятельное существование. Он резко критиковал существовавшую систему управления инородцами, порождавшую массовые злоупотребления представителей имперской администрации по отношению к нерусским народам, проживающим в Сибири. По его мнению, в основе мероприятий правительства по вовлечению аборигенов в совместную с русским населением хозяйственную деятельность лежали отнюдь не гуманные, а исключительно фискальные соображения, стрем-

⁵⁹² Ядринцев Н.М. Сибирь в 1-е января 1865 г. Том. губ. ведомости. 1865. 8 янв.

⁵⁹³ Сибирские записки. 1917 г. № 4. С. 63–64.

⁵⁹⁴ Цит. по: Шиловский М.В. Общественно-политическое движение Сибири... С. 28.

ление правительства к бездоимочному сбору ясака. В итоге Ядринцев приходит к выводу, что русские не могли принести в Сибирь ничего положительного. Скорее наоборот – аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией⁵⁹⁵. Таким образом, вопрос о вымирании сибирских племен стал одной из центральных проблем, поставленных в работах Ядринцева. Следует признать, что при рассмотрении этого вопроса Ядринцев призывал не ограничиваться только обличением действий колонизаторов. «Вопрос об ограничении инородческих земель, сужения их пастбищ и мест охоты, – писал в 1872 г. Ядринцев Потанину, – есть неизбежный вопрос колонизации и цивилизации. Что делать, ежели инородцы с этим не могут примириться. А колонизация без этого немыслима»⁵⁹⁶. Очевидно, что вывод напрашивался из изучения обширной литературы о положении тасманийцев, американских индейцев и других народов. Ядринцев признает, что существуют «естественные» причины вымирания коренных народов, к которым он прямо относит негативные последствия цивилизации края. По его мнению, если «инородец стоит в этих вопросах поперек дороги и не сдается, колонист не виноват»⁵⁹⁷. С колонизацией, считал он, неизбежно связаны такие негативные последствия, как болезни, которые смертельны для «инородцев», упадок традиционного хозяйства и даже голод, «психические потрясения и гнетущие аффекты». Такого рода очевидные противоречия в своих воззрениях Ядринцев объяснял тем, что в колониальном вопросе он строит «антитезы по Гегелевско-Пьер-Жаковскому методу»⁵⁹⁸. Выводы Н.М. Ядринцева получили значительное распространение в сибирской прессе, особенно в 80-е гг. XIX века, в период его активной публицистической деятельности. Вместе со све-

⁵⁹⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 150, 159.

⁵⁹⁶ Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. С. 85.

⁵⁹⁷ Там же. С. 86.

⁵⁹⁸ Ремнев А.В. Западные истоки... С. 147.

дениями о жизнеспособности бурят и киргизов⁵⁹⁹ на страницах сибирских изданий в этот период можно встретить и отдельные указания о неизбежности исчезновения остяков, карагасов, тунгусов и других бродячих «инородцев» под влиянием неблагоприятных общественно-экономических условий⁶⁰⁰. Кроме того, местной печатью не ставилось под сомнение вымирание в ближайшем будущем и некоторых кочевых племен, например, части минусинских «инородцев», неспособных вследствие земельного утеснения перейти от экстенсивного скотоводства к земледелию⁶⁰¹.

Тезис Ядринцева о пагубном влиянии русской цивилизации на исторические судьбы «инородцев» охотно развивали представители позднего областничества. В частности, И.И. Серебренников, акцентируя внимание лишь на обрусении аборигенов, видел в этом исключительно отрицательное влияние российской государственности. В качестве возможного пути решения проблемы он предлагал создание сибирской областной думы, которая бы придала бы мероприятиям по улучшению быта аборигенов «наиболее скорое и целенаправленное начало»⁶⁰². Разработать для аборигенов «особые законодательные учреждения» предлагал и Г.Н. Потанин. По его мнению, это было необходимо для «общественного возрождения» местных племен и для их «защиты в борьбе за существование»⁶⁰³. В последующие десятилетия XIX в. (по словам самого Потанина) «вопрос о сибирских инородцах» по-прежнему оставался из важнейших в областнической концепции.

⁵⁹⁹ Дамешек Л.М. Н.М. Ядринцев о взаимном влиянии русского и коренных народов Северной Азии // Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока: Тезисы докл. к регион. конф. 14–15 мая 1981. Иркутск, 1981. С. 21.

⁶⁰⁰ Инородческие бедствия // Восточное обозрение. 1886. № 24. С. 1.

⁶⁰¹ Сибирское обозрение // Сибирская газета. 1881. № 29. С. 822.

⁶⁰² Серебренников И.И. Буряты. Их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1926. С. 27. Он же. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917. С. 7, 14.

⁶⁰³ Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 267.

В реализации своей общественной деятельности областники исходили с просветительских позиций. В основу большинства их теоретических построений был положен тезис о распространении знаний как основе прогресса. Поэтому не случайно, что вопрос об открытии в Сибири университета был для областников одним из принципиальных. Заметим, что мысль об открытии вуза посещала не только областников. В 1860 г., еще до назначения на должность генерал-губернатора Восточной Сибири, в одном из писем М.С. Корсакову проводилась та же мысль: «Нигде так не легка реформа, как в Сибири: там всего возможнее отрешиться от рутины и внести во все сферы свободно-разумные начала. Разумеется, нужна общая система в действиях, строго обдуманная, построенная на самых широких принципах и нужен еще университет» (подчеркнуто мной. – И. Д.), хотя с одним факультетом, – в нем крайняя потребность! Пора же сознать необходимость развитых людей и образования их на месте. Вызов чиновников будет теперь очень затруднителен: Россия страшно нуждается в честных деятелях, а потому весьма не мешает подумать о средствах образования таковых из местных жителей...» Я вам ручаюсь устроить университет... и многие не уедут из Сибири...!»⁶⁰⁴ Вопросу создания в Сибири университета посвятил одну из последних своих статей «Какие факультеты необходимы в Сибирском университете» А.П. Шапов. Автор считал необходимым открытие в планируемом университете как минимум четырех факультетов: медицинского, юридического, естественнонаучного и историко-филологического⁶⁰⁵. Необходимость открытия в Сибири университета рассматривается и в статье М.В. Загоскина «Что нам необходимо в особенности»⁶⁰⁶.

⁶⁰⁴ ГАРФ. Ф. 109. Третье отделение. Оп. 3 а. Секретный архив. Д. 1313. Выписка из письма Рогозина из Нижнего Новгорода к Корсакову М.С. в Москву о необходимости создания университета в Сибири, чем в Европейской части России. 1860. Л. 1-1 об.

⁶⁰⁵ Сибирь. 1875. 13 июля. С. 1-2.

⁶⁰⁶ Иркутские губернские ведомости. 1863. 30 март.

Просвещение представлялось областниками в качестве мощного средства для решения множества местных проблем. В том числе уже упоминавшегося «инородческого» вопроса, который по-прежнему оставался «одним из немаловажных вопросов русской жизни...»⁶⁰⁷

Н.М. Ядринцев откровенно полагал, что «образование, вот единственный путь, которым должно совершиться обновление инородца»⁶⁰⁸. С ним полностью солидаризировался В.И. Вагин, отмечая, что «цивилизация – величайшее благо, каким только может заплатить Россия сибирским аборигенам за потерю их полудикой независимости». При этом он подчеркивал, что «нужно заботиться не о подавлении элемента инородческого, а о возможно полном развитии...»⁶⁰⁹ Местная пресса, в частности, «Восточное обозрение» ратовала за распространение среди коренного населения образования. Однако для этого необходимо было, прежде всего, «в инородце видеть человека, полюбить его, а не видеть в нем одного варвара»⁶¹⁰.

Таким образом, «инородческий» вопрос общественная мысль региона определяла в качестве общегосударственного. Наряду с ним областники определяли две первоочередных задачи, в разрешении которых была заинтересована вся Сибирь. Таковыми выступали разработка «интересов о сибирском университете и об отмене ссылки». Например, в обширной библиографии Н.М. Ядринцева присутствуют статьи, специально посвященные этим вопросам – образованию (университету) и ссылке⁶¹¹.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в рассматриваемый период представители областнического

⁶⁰⁷ См.: Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 28–29.

⁶⁰⁸ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 154.

⁶⁰⁹ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 116. Л. 154об.–155, 162–162 об.

⁶¹⁰ Восточное обозрение. 1884. 28 июня. С. 10.

⁶¹¹ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 301; Всеволод Иванович Вагин. Библиография / Сост. К.А. Яковлевой // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1889. Т. XIX. № 5. С. 88, 90–91, 92–93.

движения (прежде всего Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, С.С. Шашков и М.В. Загоскин) смогли оформить программу дальнейшего развития Сибири. Одним из основополагающих ее элементов выступало воспитание местной интеллигенции, которое было невозможно без открытия университета.

В целом же именно на интеллигенцию делала ставку мыслящая часть сибирского общества, далеко не в последнюю очередь нужда в ней и выдвинула университетский вопрос, дабы преуменьшить отлив молодежи из Сибири. «Сила образования, – писал Ядринцев Потанину, – особенно университеты, будет способствовать развитию интеллигенции не в буржуазном, а демократическом духе... Эта демократическая интеллигенция с народом в союзе никогда не допустит олигархии»⁶¹². И Н.М. Ядринцев, и Г.Н. Потанин много сделали для открытия первого в Сибири Томского университета, основанного в 1880 г.⁶¹³

Как уже отмечалось, одна из актуальных проблем местной жизни – уголовная ссылка (штрафная колонизация) – также не осталась без внимания областников. В частности, Н.М. Ядринцев полностью отрицал исправительное и воспитательное значение ссылки. Он писал, что ссылка являлась исключительно «тяжким средством наказания, при нынешних условиях не могла осуществлять своего исправительного значения». Действительно, весьма «трудно согласиться, чтобы понятия преступника о труде изменились от одной перемены места». Поэтому в качестве меры исправления Ядринцев предлагал создание земледельческих и ремесленных ассоциаций «исключительно с целью исправления преступников в местах незаселенных и опасных для общества»⁶¹⁴. М.В. Загоскин, в неопубликов-

⁶¹² Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину... С. 130.

⁶¹³ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 53.

⁶¹⁴ Ядринцев. Н.М. Исторические очерки развития русской ссылки в связи с развитием преступности // Дело. 1870. № 10. С. 235; Он же. Исправительное значение русской ссылки // Дело. 1871. № 1. С. 212; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 55.

ванной рукописи своей статьи «Что делать с неисправимыми ссыльными и пролетариями» (1889), полагал, что «хорошо устроенные рабочие дома, сразу убавили бы число жуликов и не дорого стоили бы обществу и правительству»⁶¹⁵.

Таким образом, решение этого вопроса представлялось возможным только в сотрудничестве общества и правительства, без консолидированных усилий которых трудно было ожидать удовлетворительного разрешения вопроса о ссылке. На это указывало и «Восточное обозрение», заявляя, что «...прекращение ссылки для Сибири есть вопрос и общегосударственный»⁶¹⁶. Не случайно Н.М. Ядринцев отмечал, что отмену ссылки для Сибири приравнивали к отмене крепостного права⁶¹⁷.

Общий подход областников к этой проблеме можно выразить следующими словами: не только для экономического, но и «для нравственного поднятия Сибири, прежде всего, необходимо снять с нее клеймо «ссылочной страны»⁶¹⁸.

Характерной чертой областнического движения являлась его яркая патриотическая направленность: Г.Н. Потанин, обращаясь к единомышленникам, призывал их: «рядом с изучением материализма изучайте социальные доктрины и занимайтесь чтением исторических и публицистических сочинений, изучайте законы революции и реакции и политических переворотов, клонящихся как к объединению народностей, так и к сепаратизму, и главное при этом чтении – приравнение ко всему прочитанному судеб нашей родины – Сибири. Тогда чтение Ваше будет плодотворно и создаст из вас красного сепаратиста»⁶¹⁹. В реализации этой направленности (патриотизма) в качестве одной из приоритетных выдвигалась задача изучения истории сибирского края.

⁶¹⁵ ГАИО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об.

⁶¹⁶ Восточное обозрение. 1884. 23 авг. С. 3.

⁶¹⁷ Литературный сборник. СПб., 1885. С. 398.

⁶¹⁸ Сибирь. 1875. 31 авг. С. 1.

⁶¹⁹ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. I. С. 66.

Идея эта была не нова. Впервые она возникла еще в начале века – в 1813 г., когда планировался выпуск краеведческого издания под названием «Собрание известий, служащих к истории и географии Сибири». Именно к этому же периоду относятся этюды «чисто краеведческого характера» И.Т. Калашникова (1817 г.)⁶²⁰. Постепенно подобные краеведческие проекты начинают приобретать популярность⁶²¹.

Заметим, что подобные идеи в рассматриваемый период были весьма симптоматичны. Тем не менее мы соглашаемся с мнением Н.М. Ядринцева о том, что в первой половине XIX в. общественная жизнь в Сибири была слабо развита: «...сибирское общество характеризовалось как общество, погруженное в грубые материальные интересы, как общество, помешанное на наживе и спекуляции... Ссылка деморализовала Сибирь... не было признаков высших духовных интересов...» В то же время, он признает, что ко второй половине столетия ситуация изменилась в лучшую сторону: «...в самом сибирском обществе появлялись образованные люди, влияние декабристов, петрашевцев, образованных ссыльных из поляков, рассеявшихся в разных городах, также не осталось без следа...»⁶²² В полной мере эта характеристика относится к Иркутску, где, по сравнению с Западной Сибирью, «ранее сформировалось образованное общество, зародилась местная интеллигенция, которая обладала и лучшими силами, и большей подготовкою. Уже в 20-х и 30-х годах, как видно из воспоминаний об Иркутске, здесь были образованные люди В качестве подтверждения этого можно привести «Записки» иркутских жителей. Их авторы, имевшие активную гражданскую позицию (Е. Авдеева-Полевая, Н. Щукин, И. Калашников, М. Александров,

⁶²⁰ Очерки русской литературы Сибири: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 197; Сергеев М.Д. Первый сибирский романист // Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова. Иркутск, 1985. С. 622–623.

⁶²¹ Утков В.Г. Предвестники: Связь времен. М., 1982. С. 74; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 172.

⁶²² Начало печати в Сибири // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 376.

В. Вагин), дают нам бесценный материал, позволяя более ярко и полно представить картину сибирской жизни 150-летней давности⁶²³.

С течением времени ситуация постепенно изменялась: тот же Н.М. Ядринцев дал блестящую характеристику концу 50-х годов, назвав их «весенним сезонном общественной жизни»⁶²⁴. В то же время в фельетоне «Очерки общественной жизни на окраинах» (за подписью Добродушный Сибиряк) он весьма иронично пишет о первом пореформенном десятилетии: «Когда в 60-х годах пробудилась жизнь, в России зашумела литература, издавалась масса новых книг, в Сибирь они выписывались отдельными личностями, запроса на библиотеки не было»⁶²⁵. Эта же мысль прослеживается в статье «Вопросы по поводу трехсотлетия Сибири». Ее автор писал, что всеобщее оживление, охватившее европейскую Россию, не касалось Сибири. Все это «оживление» было ничем иным, как дуновением весеннего ветерка, занесенным из Урала...⁶²⁶ Характерной чертой этих двух статей является прямое противопоставление Сибири и европейской России.

Между тем уже в первой половине 60-х годов общественная активность областников значительно возрастает. Ярким проявлением этого стали публичные лекции С.С. Шашкова, прочитанные им «с величайшим одушевлением»⁶²⁷. По воспоминаниям Г.Н. Потанина, лекции С.С. Шашкова, по проблемам истории Сибири, прочитанные им в 1864 г. в Красноярске, «переполошили» городское общество. Когда Шашков выступал со своими лекциями в Томске (1865 г.), то местная публика «каждый выход его встречала аплодисментами». «Лекции Шашкова, — констатировал Потанин, — были

⁶²³ Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 183.

⁶²⁴ Восточное обозрение. 1884. 28 июня. С. 14.

36 Там же. 28 июня. С. 14.

⁶²⁵ Восточное обозрение. 1883. 8 дек. С. 11.

⁶²⁶ Сибирь. 1877. 9 окт. С. 1.

⁶²⁷ Восточное обозрение. 1885. 3 янв. С. 2.

первое событие, которое так сильно встряхнуло томское общество» и томских чиновников⁶²⁸.

Начало 70-х гг. XIX в. отмечено столетней годовщиной со дня рождения известного государственного деятеля М.М. Сперанского, которая праздновалась 1 января 1872 г. К этой дате вышел в свет двухтомный труд «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.», собранные В.И. Вагиным. Сибирские общественные деятели решили воспользоваться этим юбилеем, чтобы обратить внимание имперских властей на проблемы региона.

Ситуацию тонко прочувствовал Г.Н. Потанин, подчеркнув, в связи с трудом Вагина, принципиально значимый момент для реалий той поры: «Теперь, после того как русская жизнь получила совершенно новые формы жизни, не может и Сибирь остаться без преобразований. Опять является потребность открыть ее, извлечь из забвения. Но третьим Ермаком должно быть само сибирское общество»⁶²⁹.

Таким образом, областники, несмотря на определенную «местную ограниченность» своей концепции, демонстрировали понимание насущных потребностей края. В конечном итоге именно они актуализировали «сибирские вопросы», высветили новые пути осознания «нужд» региона. Пути, посредством которых, по выражению Потанина, можно было заново «открыть» Сибирь, извлечь ее из забвения.

Справедливо возникает вопрос, насколько адекватно отразило областническое понимание «нужд» региона, «сибирские вопросы», включая их приоритетность.

Главные местные сибирские вопросы, которые легли в основу областнического мировоззрения, были намечены еще на собраниях землячества в Петербурге. Областничество создало стройную и самобытную систему взглядов, имеющих чисто сибирский колорит. Именно

⁶²⁸ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 193.

⁶²⁹ Камско-Волжская газета. 1873. 11 июля. С. 2.

землячество выработало «главные местные сибирские вопросы», которые в конечном итоге определили всю последующую деятельность областников. Основными из этих проблем явились: 1) отмена уголовной ссылки в Сибирь; 2) отмена экономических ограничений и создание благоприятных условий для развития местной промышленности – ликвидация «экономического ига Москвы над Сибирью»; 3) создание и закрепление в Сибири своей, местной интеллигенции; 4) реализация ряда мер, способствующих улучшению положения «инородцев», их спасению о вымирания⁶³⁰.

В целом же к середине 70-х годов, когда для Сибири закончилось десятилетие «значительного перерыва» в ее духовной жизни, местное общество подошло с должным уровнем понимания приоритетных вопросов, еще требующих своего разрешения.

Заметим, что именно к этому времени был запущен механизм практической реализации основных реформ 60–70-х гг. XIX в. Вместе с тем на Сибирь не распространялись ключевые преобразования, связанные с судебной и земской реформами.

Чем очевиднее становился факт затягивания вопроса о распространении указанных реформ на Сибирь, тем громче звучал голос местной общественности в их пользу. Между тем официальный Петербург оставался к нему полностью равнодушным. Ответной реакцией на это стало зримое раздражение правительственным курсом. Именно оно сквозит в статье «На 1887 г.», напечатанной в «Сибири» Иркутска: «Пускай, например, закроют хоть университеты, упразднят земство и новые суды... нам сибирякам от этого будет ни тепло, ни холодно»²³. Разумеется, что это было именно раздражение, а местная периодика и далее обсуждала на своих страницах проблематику реформ, которые и в царствование Александра III миновали Сибирь.

⁶³⁰ Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 298.

В реалиях общественного движения Сибири пореформенных десятилетий зримо проявлялась тенденция не замыкаться на локальные пути разрешения назревших вопросов местного бытия. Все в большей мере эти пути соотносились с общероссийской действительностью и теми изменениями, которые происходили в стране в целом, под влиянием многообразных факторов новой эпохи в истории тысячелетнего государства.

Во второй половине 70-х – начале 80-х годов «демократическая интеллигенция» Ядринцева и в Сибири не могла не испытывать на себе известное общественное оживление, связанное с Русско-турецкой войной, земским и конституционалистским движением, некоторым послаблением в отношении печати на пике государственной деятельности М.Т. Лорис-Меликова.

Однако именно в эти годы сибирское областничество сделало впечатляющий шаг на пути осознания «нужд» региона, в полной мере воспользовавшись при этом приближающимся трехсотлетием его присоединения к России и самим юбилеем, связанным с этой датой.

Празднование 300-летнего юбилея областники постарались максимально использовать для пропаганды своих взглядов. Юбилей вызвал живейший отклик, который еще за несколько лет до указанной даты отразился в многочисленных публикациях отечественных и, разумеется, сибирских газет и журналов. Публикации в изданиях «Дело», «Неделя», «Отечественные записки» были посвящены итогам и перспективам колониационного процесса Сибири. Их анализ показывает, что не один исторический контекст юбилейной даты интересовал авторов многочисленных материалов, ей посвященных. Само прошлое Сибири актуализировалось, вписывалось в тогдашние реалии, заставляло задуматься о ее будущем. При этом авторы публикаций стремились привлечь внимание имперского правительства и самих сибиряков к нуждам региона.

Главным итогом празднования юбилея стало учреждение ежегодно отмечаемого 26 октября «сибирского дня». Этот день стал своеобразным региональным праздником и отмечался вплоть до 1917 г.⁶³¹

Одной из первых и показательных публикаций этого рода стали «Вопросы по поводу трехсотлетия Сибири», поднятые на страницах иркутской газеты. Поводом к тому явилось заседание Императорского Географического общества 4 апреля 1877 г., на котором известный ученый М.И. Венюков «напомнил отделениям» о том, что «в 1879 году исполнится ровно три столетия со времени перехода Ермака за Урал...» К этой дате он предложил издать обзор всех географических трудов, относящихся к Азиатской России.

Автора статьи не удовлетворило столь скромное ознаменование юбилея и он, в свою очередь, задается вопросом, чем же «сибирское общество ознаменует это событие, кроме обедов и иллюминаций». Желательно, чтобы оно «не вышло сухим археологическим праздником, без всякого отношения к современной жизни. ...мы можем с своей стороны пожелать одного, чтобы к этому времени Сибирь была признана вполне совершеннолетней для тех современных учреждений и реформ, которых она ожидает...»⁶³²

Вместе с тем та же «Сибирь» напоминала, что эти ожидания могут оказаться беспочвенными, когда сам «юбиляр» молчит: «Если мы не заговорим, то и об нас забудут. Проснитесь, сибиряки!»⁶³³ Заметим, что и после юбилея газета развивала тему «о причине нашего равнодушия вообще к сибирским вопросам...»⁶³⁴

По поводу предстоящего юбилея Н.М. Ядринцев высказал на страницах «Сибири» справедливое замечание о том, что «обращение к сибирскому обществу будет совершенно тщетно, ибо это общество не имеет ника-

⁶³¹ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 56–57.

⁶³² Сибирь. 1877. 9 окт. С. 1.

⁶³³ Сибирь. 1879. 4 нояб. С. 3.

⁶³⁴ Там же. 1881. 15 февр. С. 1.

ких органов и учреждений для проявления суждений, а также для заявления торжеств. Воззвания к нему останутся, по всей вероятности, бесплодны». При этом более уместным он признавал обращение именно к сибирской интеллигенции, поскольку она, сознавая возможность юбилея, могла бы, наряду с органом местной печати, «высказать свою программу и соображение», чего следует ждать к этому дню⁶³⁵.

Опасения за будущность сибирских реформ обозначило и «Восточное обозрение». Но при этом и оно оговаривалось: «Нельзя же предполагать, что сибирское общество вечно будет в положении деморализованном и невежественном...» «Нам кажется, — заключает свою мысль автор, — что едва-ли можно отчаиваться⁶³⁶ за будущность какого-либо общества, и в том числе и сибирского».

Подобные упования были отнюдь не иллюзорны, и это же издание предельно четко констатировало, что «момент нынешнего юбилея отражает более зрелое отношение сибирского общества и его граждан к собственной жизни, чем при праздновании 200-летия. Страна, как видно, сознательно вступает в новый фазис исторической жизни»⁶³⁷. Изрядная доля оптимизма на будущность Сибири просматривается и в статье С. Максимова, написанной им в юбилейный год⁶³⁸.

Истоки этого оптимизма виделись и в том очевидном для современников факте, что местное общество наконец «начинает сознавать себя, заявлять свои недостатки и нужды»⁶³⁹. К этим «нуждам» последним в юбилейные дни областники по-прежнему относили всю гамму «сибирских вопросов», которые так и не получили разрешения в первые пореформенные десятилетия. Однако именно эти дни породили «воскрешающие надежды»

⁶³⁵ Сибирь. 1880. 2 февр. С. 1.

⁶³⁶ Восточное обозрение. 1882. 23 дек. С. 2.

⁶³⁷ Там же. 15 апр. С. 16.

⁶³⁸ Там же. 8 апр. С. 7.

⁶³⁹ Сибирь. 1882. 5 дек. С. 2.

в регионе, которому был подан «новый знак внимания Верховной Власти к судьбе страны...»⁶⁴⁰

От имперских властей областники и вся общественность Сибири ожидали увеличения числа школ; основания политехнической высшей школы; устройства общественных, городских и сельских читален, а также технических и ремесленных музеев. В этом списке фигурировали и развитие кустарных промыслов, выгодных производств; прекращение ссылки; введение реформ, плодами которых, как писало Восточное обозрение, «уже много лет пользуется наша метрополия...»⁶⁴¹

В одной из статей, опубликованных в юбилейный год в «Томских губернских ведомостях», подчеркивалось, что «...на очередь поставлены три главных вопроса сибирской жизни – переселенческий, судебный и вопрос о ссылке». При этом не была забыта и земская реформа⁶⁴². В связи с последней укажем, что к юбилею ожидали вестей о даровании сибирскому населению тех реформ, которыми уже пользовалась Европейская Россия⁶⁴³. Затрагивая сюжет реформ, «Сибирская газета» дает пространный перечень иных преобразований и мер, которые оправдали бы чаяния полного возрождения региона. В частности, там обозначалось «ожидание «призыва местного общества к самоуправлению»⁶⁴⁴.

Заметим, что оно «обнаруживало» дружное воодушевление в 1881 г., когда 26 октября праздновалась трехсотлетняя годовщина завоевания Сибири Ермаком, а к дню 6 декабря 1882 г., в который высочайше было разрешено отпраздновать юбилей, констатировалось, что в это время сибирское общество переживало «момент своего сознания»⁶⁴⁵.

В целом же именно юбилейные дни, как никакое другое из предшествующих событий местной жизни,

⁶⁴⁰ Восточное обозрение. 1882. 16 дек. С. 3.

⁶⁴¹ Там же. 8 июля. С. 15.

⁶⁴² Томские губернские ведомости. 1882. 2 дек. С. 983–984.

⁶⁴³ Там же. 13 мая. С. 118.

⁶⁴⁴ Сибирская газета. 1881. 25 окт. С. 972.

⁶⁴⁵ Восточное обозрение. 1882. 9 дек. С. 1.

консолидировали общество региона вокруг требований разрешения насущных «сибирских вопросов» и зримо продемонстрировали, что оно прошло заметный путь в осознании «нужд» обширной окраины России.

В более широком контексте пореформенной эпохи сибирская общественность, возглавляемая областниками, «сопротивлялась превращению региона в сырьевой придаток центра, призывала освободиться от «московского мануфактурного ига». ...Высказывались обвинения, что метрополия высасывает не только материальные, но и духовные силы Сибири, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования»⁶⁴⁶.

Нельзя отрицать, что последние десятилетия XIX в. существенно трансформировали сибирскую действительность. Вместе с тем без малого все перемены не касались политической истории региона, а коренились в сфере его социально-экономического бытия. Не в последнюю очередь это было связано с известными процессами в сибирской деревне, ростом переселенческого движения, строительством и началом эксплуатации Транссиба.

В «реализации главных сибирских вопросов», поставленных областниками, можно отметить только открытие университета в Томске и введение, на исходе века, в Сибири судебных реформ. Отсюда и, например, соответствующая оценка закончившегося царствования Александра III, которая была дана в статье «Восточного обозрения», а подробности ее появления в этом издании изложены в воспоминаниях И.И. Попова⁶⁴⁷.

Попытки областников начать в Сибири практическую деятельность, донести свое видение «нужд» региона до местного общества закончились «Делом сибирского сепаратизма» 1865–1868 гг., которое, наряду с другими

⁶⁴⁶ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. С. 248.

⁶⁴⁷ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 249–250, 252.

факторами, на целое десятилетие смяло общественное движение в крае⁶⁴⁸.

В этих условиях его деятели не смогли в полной мере воспользоваться, для озвучивания своих воззрений, юбилейными датами 1872 г., связанными с именем М.М. Сперанского. Сделать это было затруднительно и из-за отсутствия в Сибири данного времени авторитетного органа частной периодической печати.

Новые веяния местное общество стало ощущать только во второй половине 70-х годов, когда и общероссийское общественное движение оказывается на подъеме. А Иркутская «Сибирь» этих лет становится тем рупором, через который уже можно было публично заявлять «нужды» региона.

Кроме традиционно поднимаемых «сибирских вопросов», все больше голосов раздается в пользу распространения на восточную окраину империи всех тех преобразований, которые уже вошли в обиход европейской части России. В первую очередь речь шла о земской и судебной реформах.

Вся означенная здесь проблематика, а также и будущность Сибири, оказались в поле зрения ее общества в дни юбилея 300-летия присоединения края к России. Именно в начале 80-х годов оно и консолидировалось вокруг «сибирских вопросов» и «нужд» региона.

Рассматривая практическую деятельность областников в 70–90-е гг., следует особо отметить их вклад в научное изучение Сибири. Многие из них сотрудничали с местным отделом Русского географического общества. В частности, А.П. Щаповым были проведены этнографические исследования. Вероятно, эти исследования в определенной степени оказали влияние на его федерально-областную концепцию, базировавшуюся не на национальных, а на природно-климатических особенностях каждого конкретного региона⁶⁴⁹. Именно А.П. Ща-

⁶⁴⁸ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 299–301.

⁶⁴⁹ Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 267–268.

пов первым высказал мысль о формировании нового этнографического типа сибирской народности⁶⁵⁰. Помимо Щапова, во ВСОРГО работали В.И. Вагин, Н.М. Ядринцев, М.В. Загоскин.

В середине 90-х гг. областникам пришлось пережить глубокий кризис, связанный с самоубийством Н.М. Ядринцева. Потерпели крах планы областников на социально-экономическое развитие Сибири и России⁶⁵¹. И хотя местное общество этого времени продемонстрировало свою возросшую зрелость, но проводимая имперским правительством политика привела к тому, что «нужды» региона оказались неудовлетворенными, а «сибирские вопросы», сформулированные областниками, ждали своего разрешения и в начале XX века.

Неразрешенность «сибирских вопросов» привела к тому, что и в начале XX в. местное общество, интеллигенция края, не исчезнувшие из общественного движения областники по-прежнему вели речь о насущных «нуждах» региона. В равной степени это относится и к статье Г.Н. Потанина «Нужды Сибири», опубликованной в начале XX в. на страницах сборника с соответствующим названием – «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды»⁶⁵².

Областничество проделало длительную эволюцию, развивая концепцию территориальной самостоятельности Сибири во главе с областным (региональным) органом управления – Сибирской областной думой, наделенной комплексом полномочий, аналогичных компетенции штата в федеральной системе США. Однако неоднократные попытки областнического актива перейти к практическим действиям и создать соответствующую общесибирскую организацию успеха не имели. Вместе с тем это движение более полувека оказывало свое благотворное

⁶⁵⁰ Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1873. Т. 3. № 5. С. 250–253, 261.

⁶⁵¹ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 57–58.

⁶⁵² Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294.

влияние на самые разные стороны жизни Сибири. Многие положительные перемены в экономической, политической, научной и культурной жизни края, произошедшие во второй половине XIX – начале XX вв., связаны с идеями и трудами Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, М.В. Загоскина, С.С. Пашкова и других представителей областничества.

2. Губернская администрация. Компетенция, механизм и особенности функционирования

Центральным звеном в системе местных органов власти не только Сибири, но и России в целом выступал губернатор. Этимология слова происходит от французского «gouverneurs». Именно этим термином обозначались во Франции представители королевской власти в провинциях.

В России термины «губернатор» и «губерния» впервые входят в официальное употребление в начале XVIII в. В частности, в петровском манифесте от 16 апреля 1702 г. упоминается о «пограничном губернаторе», о «наместниках, губернаторах и командующих»⁶⁵³. В том же 1702 г. появилась первая губерния как совершенно новая административно-территориальная единица. Ей стала Ингерманландская (впоследствии Санкт-Петербургская) губерния, образованная из присоединенных от Швеции провинций и отданная в управление князя А.Д. Меншикова. Таким образом, светлейший князь стал первым российским губернатором⁶⁵⁴.

Введение нового губернского административного деления в период царствования Петра Великого во многом было обусловлено кардинальной военной реформой, целью которой являлось создание мощной современной армии, ориентированной, в основном, на опыт военного

⁶⁵³ ПСЗ-1. № 1910.

⁶⁵⁴ Там же. № 1943.

строительства западных стран. Петр I, покоря шведские провинции, знакомился с местными административными институтами, и видя их более совершенную, по сравнению с российской, систему, использовал их в качестве образца для реформирования. Таким образом, в основе разделения России на губернии, лежала шведская административная модель⁶⁵⁵. Анализ российского законодательства первой четверти XVIII в. свидетельствует об отсутствии какой-либо нормативной базы, определяющей статус губернаторов и их полномочия. В исключительных случаях речь шла только о военных функциях. В результате первые российские губернии больше напоминали военные округа, а их губернаторы – военачальников и чрезвычайных представителей Петра в новых территориях⁶⁵⁶.

В пользу версии о приоритете военно-политических соображений в проведении Петром I административно-территориальной реформы свидетельствуют нормативные акты того периода относительно предметов ведения новых администраторов. В частности, указом от 9 февраля 1710 г. набор рекрутов в армию был возложен на губернаторов. В указе 1711 г. «О наказании губернаторов, как изменников и предателей Отечества, за невысылки рекрут к назначенному сроку» говорилось о репрессиях против высших административных чиновников на местах за неисполнение предписаний о рекрутском наборе⁶⁵⁷. Доминанта военно-политических факторов привела к тому, что губернаторами в большинстве случаев назначались представители военного сословия. Эта ситуация была характерной, прежде всего, для приграничных территорий. В их подчинении находились как размещенные в данной местности войска, так и гражданские институты власти.

⁶⁵⁵ Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. СПб., 1901. Ноябрь. № 9. С. 131.

⁶⁵⁶ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М., 2001. С. 32.

⁶⁵⁷ ПСЗ-1. № 2312.

С учреждением в 1711 г. Сената губернаторы перешли в его подчинение. Таким образом, губернаторы оставались исполнителями распоряжений центральной администрации. Дальнейшее развитие государства, зарождение и последующее усиление его имперских военно-стратегических интересов неизбежно влекли за собой общую централизацию власти на всех уровнях. На практике это выглядело следующим образом. Губернаторская власть на местах (по отношению к местному населению) являлась проекцией абсолютной власти монарха. Император как бы делегировал часть полномочий своим представителям на местах. В результате губернаторы из простых исполнителей распоряжений Сената постепенно превращались в полновластных хозяев вверенной им территории. В историческом отношении петровские губернаторы являлись преемниками воевод XVI–XVII вв. Не случайно в исполнении своих обязанностей они руководствовались общей инструкцией – «воеводам, земским комиссарам, губернаторам...»⁶⁵⁸

Коменданты, равно как и другие государственные служащие того времени, находящиеся на административных должностях и посылаемые в провинции с правительственными поручениями, отличались мздоимством. Привлекаемые к ответственности взяточники оправдывались тем, что в законе никак не обозначалась неправомочность их действий. Петр I в 1713 г. издал Указ, которым запретил лицам всех званий «брать посулы» и пользоваться собранными с народа деньгами под предлогом торга, исывались следующие санкции: «...жестоко на теле наказан, шельмован, всего имения лишен и из числа добрых людей извержен и смертью казнен будет». Местное же население, а также должностные лица были обязаны доносить на взяточников и вымогателей, «не выкручиваясь тем, что страха ради сильных лиц или что его слугитель»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 4. № 3294, 3295.

⁶⁵⁹ Там же. № 2710.

К числу самых громких дел по злоупотреблению служебным положением принадлежат дело Сибирского губернатора князя Гагарина и Архангельского вице-губернатора Курбатова. Гагарин, в течение десяти лет занимая должность Сибирского губернатора, пользовался популярностью практически во всех сословиях. Гагарин был первым сибирским правителем, сумевшим наладить добычу высококачественного золотого песка, за что был отмечен верховным правительством. Со временем, находясь вдали от центра и управляя огромнейшей территорией, Гагарин стал проявлять сепаратные устремления, принимал многие решения, фактически игнорируя мнение самодержца. Кроме того, губернатор Гагарин не отличался скромностью в быту (чего никогда не принимал Петр I, насаждавший аскезу среди придворных), окружил себя роскошью. Местный обер-фискал А. Нестеров донес царю, что Гагарин расхищает казну, берет взятки с купца Карамышева, торговавшего с Китаем, и позволяет купцам Евреиновым вести в Сибири незаконную продажу табака. Купец Евреинов показал на допросе, что Гагарин по своему выбору посылал купцов в Китай и делился с ними барышами в ущерб казне. Гагарин признал свою вину перед государем и умолял отпустить его в монастырь на вечное покаяние, но Петр приказал повесить его в Петербурге.

Губернатор Курбатов, прежде заведовавший московской ратушей, в качестве царского прибыльщика в 1711 г. был отправлен в Архангельск вице-губернатором, где поссорился с архангельским обер-комиссаром Соловьевым, вместе с которым должен был контролировать сбор таможенных пошлин. Весной 1713 г. Сенат, чтобы развести враждующих, устранил Курбатова от надзора за продажей казенных товаров и поручил это дело одному Соловьеву. Тогда Курбатов стал доносить на Соловьева, что он противозаконно отпускает за границу собственное хлебное зерно вместо продажи казенного. Однако Соловьев находился под покровительством Меншикова, и

Курбатов нажил себе нового высокопоставленного врага. Соловьев, в свою очередь, также доносил на Курбатова, равно как иностранные купцы и голландский резидент, возглавлявший голландскую общину в России⁶⁶⁰.

Попытка определения властных полномочий губернатора была предпринята в «Наказе губернаторам» от 12 сентября 1728 г. В частности, в документе подчеркивалось, что глава губернии должен быть императору «верным, справедливым и добрым слугою, пользы их и благополучия всякими образы и по крайней возможности искать и спешествовать, а шкоды и убытки и опасности отвращать»⁶⁶¹. В Наказе четко обозначено стремление имперского правительства оградить население от излишней «заботы» местного начальства: губернаторам «накрепко подтверждается, чтобы они как градским, так и уездным людям никаких обид и налогов не чинили», в противном случае рекомендовалось «на таковых губернаторов бить челом в Сенат, за что ... оные будут оштрафованы без всякого послабления»⁶⁶². Весьма симптоматично, что эта мысль проводится в «Наказе» дважды: «чтоб не чинили обид и взятков не имали»⁶⁶³. Осуществляя свои властные полномочия, губернатор должен был строго следовать букве закона: особенно «во всех судных и розыскных делах», основываясь исключительно «по Уложению и по указам непременно, ...дела... рассматривать». В случае возникновения ситуации, когда «справедливый и добрый слуга императора» не мог решить дело самостоятельно, оно подлежало отправлению в юстиц-коллегию. Губернатор обязывался доносить «в Сенат и в коллегии» о всех важных делах, представлять правительству ежегодные бухгалтерские отчеты⁶⁶⁴.

Появление подобной инструкции было весьма показательным. Оно свидетельствовало о понимании преемни-

⁶⁶⁰ Институт губернаторства в России. Традиции и современные реальности. М., 1997. С. 22–23.

⁶⁶¹ ПСЗ-1. Т. 8. № 5333. §. 1.

⁶⁶² Там же. §. 8.

⁶⁶³ Там же. §. 49.

⁶⁶⁴ Там же. §. 9, 21–30.

ками Петра необходимости создания юридической базы действующего института губернаторов. Инструкция 1728 г. стала первым документом, регламентировавшим деятельность губернаторов. Однако даже с ее появлением положение губернаторов по-прежнему не было четко позиционировано. Законодательная база функционирования нового для страны института находилась в стадии разработки.

Таким образом, к середине XVIII в. в руках губернатора сосредоточилась вся финансовая, административная и судебная власть. С формальной точки зрения, губернатор находился в полном подчинении центру, однако это обстоятельство нисколько не помешало ему превращаться в полновластного хозяина территории. Отчасти это было обусловлено ослаблением роли Сената, в подчинении которого находились губернаторы. Немаловажную роль сыграли и некоторые объективные обстоятельства. В частности, общая милитаризация государства, появление у него ярко выраженного имперского характера неизбежно влекли за собой жесткую централизацию власти. Как справедливо отмечает в своем исследовании Л.М. Лысенко, «абсолютная власть царя предполагала такую же почти власть в отношении местного населения на местах – со стороны губернаторов»⁶⁶⁵.

Дальнейшее развитие института губернаторов связано с активной административной деятельностью императрицы Екатерины Великой. На областное управление она обратила самое пристальное внимание. Стремясь привести институт губернаторов в соответствие с изменившимися внутривластными условиями, Екатерина II разработала особое «Наставление губернаторам»⁶⁶⁶.

В этом документе Екатерина попыталась с максимальной возможной для нее точностью определить круг полномочий и ответственности высших администраторов на местах. При этом губернаторы как региональные предста-

⁶⁶⁵ Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 41.

⁶⁶⁶ ПСЗ-1. Т. 16. № 12137.

вители имперской власти получили по статусу широкие и более определенные полномочия⁶⁶⁷. Примечательно, что именно Екатерина впервые официально позиционировала губернатора как хозяина губернии, подчиненного при этом только Императору и Сенату. В инструкции четко указывалось, что губернатор, «как поверенная от Нас особа и как глава и хозяин всей врученной в смотрение его Губернии, состоять имеет под собственным Нашим и Сената Нашего видением; почему и указы только от Нас и Сената Нашего приемлет»⁶⁶⁸. Губернатору следовало «недремлющим оком в Губернии своей» следить за тем, «чтобы все и каждый по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, содержа в ненарушимом сохранении указы и узаконения Наши, чтоб правосудие и истина во всех судебных подчиненных ему местах обитали и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатых, совести и правды помрачить, а бедность вдов и сирот, тщетно проливая слезы, в делах справедливых утеснена не была: и буде таковых нерадивых о должности своей, или порочных людей приметит, то может он понуждать и исправлять их разными в законах изображенными образы; а в случае безнадежного исправления, имеет власть отрешить от места и, представляя в Сенат понудившие его к такому действию пороки отрешенного, требует на то место достойнейшего человека, и Сенат, разсмотря, определяет другого; но если отрешенный несправедно к тому от него осудится, и может доказать, что по нападкам или по какому-нибудь пристрастию Губернатор так поступил с ним: то имеет право приносить справедливые свои жалобы Сенату, который о том представляет с мнением своим Нам»⁶⁶⁹.

Ряд положений документа был дублирован из Наказа 1728 г. К таковым относятся меры по охранению законов, «людей от обид и от разорения» и пр. Сюда же можно от-

⁶⁶⁷ Гаркуша П.И. Правовой статус губернаторов в России. Р-на-Дону, 2003. С. 24.

⁶⁶⁸ ПСЗ-1. Т. 16. № 12137. § 1.

⁶⁶⁹ Там же. № 12137. Ст. 4–9 и пр.

нести обязанность губернаторов предоставлять имперскому правительству оперативную информацию о реальном положении дел в губернии. Для этих целей губернатору надлежало «всю вверенную его попечению Губернию объезжать каждые три года, примечая и выведывая, все ли начальники в Провинциальных, Воеводских и приписных Канцеляриях, таже и при прочих правлениях, в исполнении своих должностей исправны и о благе общем радетельны, все ли наблюдают закон и правосудие, и не утесняют ли невинных разными дел проволочками, привязками и нападками, ибо, чему подвержены подчиненные, не избавлен оттого и начальник». В этом смысле на губернаторов возлагалась строгая ответственность: «ибо он во всем... пред Нами, яко хозяин своей Губернии, отчет и ответ дать долженствует, и незнанием или непроницательством отговариваться не может»⁶⁷⁰.

Следует заметить, что «Наставление» не внесло каких-либо принципиальных изменений в правовой статус губернатора. Основные принципы функционирования этого института остались прежними, только с некоторыми дополнениями и уточнениями. Помимо этого «Наставление», при всей его важности, не могло заменить собой нормативного акта, определяющего в целом всю систему губернаторской власти.

Это отчетливо понимала и сама императрица. Свидетельство тому – появление в 1775 г. знаменитого «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», которое явило собой принципиально новые подходы к системе местной власти, преобразовав в корне все областное управление. В «Учреждении» были сформулированы новые принципы губернского управления, была дана подробная регламентация всей системы местных органов управления и суда.

Императрица стремилась обеспечить легитимность управления, отделить судебные учреждения от администрации, и также, как ее «великий предок», видела

⁶⁷⁰ ПСЗ-1. Т. 16. № 12137. Ст. 10–20 и пр.

необходимость в отделении от управления функции надзора⁶⁷¹. В российской административной практике подобная норма была введена впервые. Помимо этого внутри административных структур выделялись полицейские и хозяйственные органы, а в судебных – гражданское и уголовное судопроизводство. Основной идеей Учреждения о губерниях Екатерины II было сделать губернское правление полномерным отражением верховной власти⁶⁷². Забегая вперед заметим, что эту цель императрица успешно достигла.

Созданное Екатериной II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» определило новый порядок администрации, в соответствии с которым в каждой губернии полагалось два начальника: главный – государев наместник или генерал-губернатор (подчинялся непосредственно императору) и его помощник – губернатор⁶⁷³. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории.

Примечательно, что в достаточно пространным «Учреждении» не было специальной главы, посвященной функциям губернатора. О нем упоминается в главе «О должности губернского или наместнического правления»: «Во время отлучки из Наместничества Государева Наместника, Правитель, или Губернатор отправляет свою должность по данным Губернаторам наказам, отправляет переписку с прилежащими к его Губернии соседними внутренними и внешними провинциями. О пограничных же переписках Губернатор, так и Генерал-Губернатор уведомляет Коллегию Иностранных дел»⁶⁷⁴.

⁶⁷¹ Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. СПб., 1901. Ноябрь. Кн. 9. С. 138.

⁶⁷² Институт губернаторства в России: традиции и современные реальности. М., 1997. С. 25–26.

⁶⁷³ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. § 1, 2; Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. «Учреждения для управления губерний всероссийской империи». § 1, 2; Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1874. С. 51.

⁶⁷⁴ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. «Учреждения для управления губерний всероссийской империи». § 102.

Тем не менее губернатор не был простым заместителем наместника. Именно в руках губернатора сосредотачивалось все активное управление⁶⁷⁵.

В результате реализации «Учреждения» 1775 г. произошла значительная административная децентрализация, при которой в губернии образовалась сложная система учреждений. В губернии перешла вся власть, которая прежде была сосредоточена в столице. У Сената остался лишь общий надзор. Все, что называется администрацией в полном смысле слова (полиция, финансы, просвещение и пр.), принадлежало теперь губернским властям, под слабым контролем Сената. Таким образом, власть наместника или генерал-губернатора явилась властью, объединяющей все части губернского правления общим руководством и надзором⁶⁷⁶. При этом, в результате реформ местного управления, общее количество губерний увеличилось к концу XVIII в. до 50.

В начале XIX в. положение губернатора не было четко позиционировано, поскольку оно определялось законодательством различных эпох. По этой причине правоустанавливающие документы не только не согласовывались между собой, но зачастую даже противоречили друг другу⁶⁷⁷. Этими нормативными актами являлись Наказ 1728 г., Постановление 1764 г. и «Учреждение о губерниях» 1775 г.

Объективные потребности в модернизации всей вертикали власти побудили Александра (так же, как в свое время его «в бозе почивающую августейшую бабу») самое пристальное внимание обратить на систему местного управления. Стремлением обеспечить легитимную основу реализации губернаторами своих полномочий, с одной стороны, и поставить деятельность губернатора в строго определенные законом рамки, с другой сторо-

⁶⁷⁵ «Учреждения для управления губерний... § 103, 104.

⁶⁷⁶ Соколов К.К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. СПб., 1903. Сент. Кн. 7. С. 124–125, 141; Лохвицкий А. Губерния и ея земские... Ч. 1. СПб., 1864. С. 222.

⁶⁷⁷ Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 38.

ны, было продиктовано издание, в числе первых, указа от 16 августа 1802 г. «О непреступлении Губернаторами пределов власти, назначенных им законом»⁶⁷⁸. Однако вскоре был опубликован другой закон, который существенно расширял пределы власти местного начальника. В данном случае Александр отошел от провозглашенного Екатериной принципа разделения властей и существенно расширил сферу влияния губернатора. Отныне «хозяину губернии» было разрешено вмешиваться во все этапы судопроизводства, уголовные палаты обязаны были отсылать ему на утверждение все приговоры и «все без изъятия судебные и уголовные дела..., дабы каждый начальник губернии, яко хозяин оной, мог ясно видеть, правильно ли палата учинила по всякому делу свое определение»⁶⁷⁹. С проведением министерской реформы губернатор перешел из исключительного подчинения императору и Сенату в подчинение министру внутренних дел. При этом подведомственные министерству отрасли управления остались в непосредственном ведении губернатора.

Таким образом, МВД заняло нишу посредника между губернаторами и императором. Следствием сложившейся ситуации стало существенное понижение статуса губернатора в иерархии имперской власти⁶⁸⁰. Сам же губернатор превратился в чиновника МВД. Не смотря на это нововведение, в целом при Александре была сохранена губернская система управления. Между тем в ней произошли некоторые изменения. Связаны они были с зарождением имперского регионализма. Проявлением его во внутренней политике России явилась «Конституция» Финляндии 1809 г., Польская конституционная хартия 1815 г. и «Сибирское учреждение» М.М. Сперанского. Именно сибирская реформа 1822 г. обусловила определенную специфику функций и полномочий сибирской губернской администрации. При этом основным, принци-

⁶⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 27. № 20372.

⁶⁷⁹ Там же. № 20745. 4 мая 1803 г.

⁶⁸⁰ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы... С. 67.

пиальным отличием власти сибирских губернаторов от их европейских коллег стало отграничение прав губернатора властью генерал-губернатора.

В соответствии с реформой, Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. По оценке современников, разделение Сибири на два генерал-губернаторства явилось «блистательным примером сознательного принятия рациональных оснований в разделении территории»⁶⁸¹. Управление обеих административных частей Сибири подразделялось на четыре степени: Главное, губернское, окружное и волостное⁶⁸².

Губернское управление разделялось на общее и частное. Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и Совет под его председательством. В состав Совета входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор.

Главной функцией общего губернского управления являлся надзор за местной администрацией (губернской, областной и окружной). Эту функцию губернатор осуществлял посредством обзоров всех местных управлений и ревизий их дел. От непосредственной власти губернатора зависело назначение и увольнение чиновников, утверждение членов дум, городского суда, ратуш, волостных голов, а также представление к наградам. Гражданскому губернатору был позволен пересмотр уголовных дел, и тем самым разрешено вмешательство администрации в судопроизводство.

В компетенцию губернского совета (имел статус лишь законосовещательного органа) входили: надзор и ревизия дел в подчиненных местных управлениях, рассмотрение дел, связанных с жалобами на нарушение судебной процедуры, дела, касающиеся хозяйственной жизни губернии. Частное губернское управление состоя-

⁶⁸¹ Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения... С. 89.

⁶⁸² ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. § 4, 5.

ло из губернского правления (по полицейским делам), казенной палаты (по хозяйственным делам) и губернского суда (по гражданским и уголовным делам).

Губернское правление составляли председатель и четыре советника, каждый из которых имел «свою определенную часть дел». В ведении губернского правления находились административно-полицейские и хозяйственные вопросы, в соответствии с которыми все дела губернского правления разделялись на четыре отделения, одно из них составляло экспедицию о ссыльных. При губернском правлении состояли также приказ общественного призрения, архитектурская часть, типография, медицинская управа и канцелярия, где сосредоточивалось делопроизводство и архив. Отдельные статьи документа содержали собственно Наказ губернскому правлению (губернатору), в соответствии с которым власть местной администрации разделялась на две категории – власть надзора и власть разрешения. При этом в обоих случаях, если «разрешить затруднение... силой закона» не представлялось возможным, губернатор апеллировал к генерал-губернатору⁶⁸³.

За превышение власти или за халатность, повлекшую «важное злоупотребление или государственный ущерб», губернатор подвергался ответственности посредством замечания, выговора, перемещения или удаления с должности⁶⁸⁴.

Таким образом, в отличие от европейской части России, сибирский губернатор в реализации своих властных полномочий был ограничен существованием генерал-губернатора, с разрешения которого он действовал.

Об этом свидетельствует как его юридическое, так и реальное положение в местной административной иерархии. По данным А.В. Ремнева, тобольский губернатор В.А. Нагибин жаловался в 1830 г. в Сенат, что генерал-губернатор ограничивает его права в назначении и

⁶⁸³ ПСЗ-1. № 29125. § 315–397, 559–562.

⁶⁸⁴ Там же. § 315–397, 559–562.

увольнении чиновников, а также их аттестации. В итоге за критику генерал-губернатора Николай I приказал В.А. Нагибина «за дерзость и фальшивый донос отрешить от должности и предать суду»⁶⁸⁵.

Помимо этого политическое значение губернаторов было несравненно ниже, чем генерал-губернаторов. Если назначение генерал-губернатора традиционно являлось «личным выбором монарха», то кандидатов на губернаторский пост обычно представлял министр внутренних дел. Назначение же производилось высочайшим повелением.

Наличие особого сибирского учреждения обусловило ситуацию, в результате которой ряд последующих нормативных актов, определяющих (корректирующих) юрисдикцию губернаторов, не распространялся на их сибирских коллег, о чем в документах особо указывалось. В качестве примера можно привести знаменитый николаевский «Наказ губернаторам» от 3 июня 1837 г. В пункте 2 этого документа содержится специальное указание, дабы действие указа «не распространять на Сибирский и Остзейский край.... как имеющие свои особые учреждения».

Падение престижа власти губернаторов стало предметом заботы особого комитета 6 декабря 1826 г. Это было четко выражено в журнале Комитета от 19 января 1827 г., где, в частности, отмечалось, что «необходимо возвысить в общем мнении места начальников губерний... Прежде сих мест... искали отличнейшие и заслуженные чиновники, ныне многие пренебрегают ими». В результате было принято решение: «чтобы должность столь важная могла быть исправляема людьми истинно благоразумными и надежными, надобно положить конец тому, что довело ее до уничижения, т. е. распространить власть губернаторов, облечь их всеми знаками доверенности Верховного правительства и не лишать их

⁶⁸⁵ Сперанский М.М. Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 181.

оной пока они не заслужили сего, а в таком случае немедленно отрешать их от оной пока они не заслужили сего, а в таком случае немедленно отрешать их; подчинить... надзору их и влиянию все части управления в порученной им области»⁶⁸⁶. Свое юридическое выражение это решение Комитета нашло в Наказе губернаторам 1837 г.

Значение «Наказа» для определения компетенции губернаторов было весьма велико. Фактически этот достаточно подробный нормативный акт (346 пунктов) представлял собой синтез соответствующих прежних правоустанавливающих документов. «Наказ» законодательно подтвердил сложившийся до него порядок, а также расширил права и обязанности главы губернии. В «Наказе» губернаторы позиционировались как «непосредственные начальники вверенных им Высочайшего государя императора губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего сената и предписаний начальства»⁶⁸⁷.

В компетенцию губернатора входили общие дела по управлению губернией, надзор за «скорым отправлением правосудия», «охранение законом дарованных прав и общественного благоустройства и благополучия», обеспечение призыва рекрутов, своевременного и полного взноса государственных податей. При этом два «важнейших предмета обязанностей начальников губерний» составляли обеспечение народного продовольствия, урегулирование рыночных цен на продукты первой необходимости (хлеб, мясо) и «благоустройство внутреннего управления в городах и селениях и меры для умножения общественного в оных богатства». Губернаторы обязывались регулярно предоставлять в МВД статистические сведения о губернии.

⁶⁸⁶ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 79. Л. 101 об.

⁶⁸⁷ ПСЗ-2. Т. 12. № 10303. § 1.

Также на губернатора была возложена забота об интересах церкви: содействие «православному духовному начальству в охранении прав церкви и незыблемости самой веры, ...чтобы ереси ...не были распространяемы между жителями вверенной ему губернии», содействие постройкам церквей.

При этом составители «Наказа» подчеркивали, что губернаторы являются «только исполнителями и... оберегателями законов, они не в праве ни делать новых постановлений, ни отступать от существующих, ни учреждать налогов или сборов, ни изменять приговоров судебных...»⁶⁸⁸

Достаточно пространная компетенция «хозяев губернии», определенная «Наказом» 1837 г., была еще более расширена законом от 27 августа 1842 г., когда губернаторам поручили курировать местные учреждения всех ведомств⁶⁸⁹.

Заметим, что в сибирских губерниях аналогичные функции являлись прерогативой не губернаторов, а генерал-губернаторов как глав местной администрации⁶⁹⁰. Наличие особого сибирского учреждения обусловило ситуацию, в результате которой ряд последующих нормативных актов, определяющих (корректирующих) юрисдикцию губернаторов, не распространялся на их сибирских коллег, о чем в документах особо указывалось. В частности, рассмотренный выше «Наказ», в котором в пункте 2 содержится специальное указание, дабы действие указа «не распространять на Сибирский и Остзейский край... как имеющие свои особые учреждения».

Прямым последствием столь обширных функций губернатора стало значительное увеличение делопроизводства. В начале 40-х годов губернатор подписывал в среднем по 270 бумаг ежедневно, тратя на их

⁶⁸⁸ ПСЗ-2. Там же. § 1-2, 31-47 б, 51-72, 87-90, 103-195 и др.

⁶⁸⁹ ПСЗ-3. Т. 17. № 15812.

⁶⁹⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. § 511-543.

просмотр минимум 4,5 часа⁶⁹¹. Закономерно возникает вопрос: мог ли один человек (губернатор) качественно выполнять все обязанности, которые были наложены на него множеством различных указов и циркуляров? Конечно, нет. Поэтому было два возможных пути «выхода из этого ненормального положения: путь полного пассивного отношения к исполнению возложенных... обязанностей, или же путь личных усмотрений»⁶⁹².

В конце 50-х – начале 60-х годов губернатор оставался центральным звеном в системе местного управления. В этот период властные полномочия губернаторов определялись по-прежнему «Наказом» 1837 г. Это положение было юридически зафиксировано в статье 288 «Общего губернского учреждения» 1857 г.: функции главных начальников губерний «определяются общим наказом губернаторам (...повторен здесь в ст. 357–706.)»⁶⁹³.

Губернаторы, «как непосредственные начальники вверенных им губерний», по-прежнему обязывались, «имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого ими края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния». Им было поручено принятие всяческих мер для сохранения «здоровья, обеспечением продовольствия.... И высший надзор за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»⁶⁹⁴.

Исключительно широкие права и обязанности губернаторов, сформулированные в «Наказе» и продублированные в «Общем губернском учреждении», не дают реального представления об их правовом положении.

⁶⁹¹ Блинов И. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 87.

⁶⁹² Морякова О.В. Система местного управления... С. 40.

⁶⁹³ СЗРИ. 1857 г. Т. 2. Ч. 1. Общее губернское учреждение. Кн. 1. Общее образование управления в губерниях.

⁶⁹⁴ СЗРИ. Там же. Общее губернское учреждение. Ст. 357.

Во многом губернатор был лишь номинальным «хозяином губернии». В качестве примера можно привести установленный законом перечень дел, направлявшийся ими на разрешение в МВД. Этот перечень включал 33 рубрики – различные вопросы управления – от слова старых зданий до представления о пенсиях – которые губернатор не имел права разрешать собственной властью⁶⁹⁵. В результате столь развитых «в министерствах бюрократических начал, губернаторы перестали на деле быть начальниками областей, а сделались главами многочисленных, но большею частью расстроенных канцелярий, – все время их поглощается в отписке и наблюдении за бесплодным трудом наших знатоков формалистики. При таковом порядке естественно и малое внимание, и малое уважение к начальникам губерний, они в столице кажутся не более как чиновниками, непосредственно подчиненными директорам департаментов...»⁶⁹⁶

Общая модернизация государства, проводимая в контексте буржуазных реформ Александра II, коснулась и института губернаторов. До 1864 г. губернаторы разделялись на военных и гражданских, без существенных различий между их должностями. С 1864 г. все начальники губерний стали именоваться губернаторами⁶⁹⁷. Однако в центре внимания императора была проблема достижения большей гибкости и эффективности функционирования государственного аппарата власти. По словам министра внутренних дел П.А. Валуева, с образованием института мировых посредников, земств, контрольных палат управленческие функции губернаторов существенно сократились: «при нынешних условиях губернатор не может считаться хозяином губернии... пост его становится более наблюдательным, чем распорядительным». Прямым последствием этого

⁶⁹⁵ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть России в 50 – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 23, 26.

⁶⁹⁶ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

⁶⁹⁷ Манько А.В. Блюстители верховной власти... С. 219.

могло стать обособление разных органов власти и к безначалию⁶⁹⁸. В этих условиях требовалась более четкая юридическая трактовка властных полномочий «хозяев губернии». В условиях реформ значительно возрастала роль начальника губернии, от деятельности которого прежде всего зависел успех задуманных преобразований, их реализация на местах.

Задача осложнялась неким противоречием. По данным исполнявшего должность директора департамента общих дел П.А. Шувалова, существовали многочисленные сетования губернаторов на недостаток предоставленной им власти и не менее многочисленные жалобы местных жителей на произвол и беззакония со стороны губернаторов⁶⁹⁹. Вышедший 22 июля 1866 г. закон предоставил губернаторам исключительные права. В частности, «как представителю высшей правительственной в губернии власти, в лице которого сосредоточивается местный надзор за всеми находящимися в губернии... административными учреждениями», губернатору было предоставлено право производить «во всякое время общую и внезапную ревизию». Кроме этого, «с целью того же надзора», а также для общего усиления «значения и характера наблюдения за благонадежностью служащих в губернии лиц», исключительному праву губернатора было предоставлено право окончательного утверждения «всех распоряжений и постановлений административных губернских мест и учреждений». Отныне прием на службу, перевод на другую должность мог быть осуществлен только с одобрения губернатора, в случае, если он «признает сих последних неблагонадежными, может изъявить свое несогласие, и тогда назначение... не может состояться»⁷⁰⁰.

Таким образом, губернаторы были поставлены в исключительно привилегированное положение. Между тем вне действия закона были оставлены мировые суды,

⁶⁹⁸ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть... С. 65–66.

⁶⁹⁹ Шумилов М.М. Указ. соч. С. 42.

⁷⁰⁰ ПСЗ-2. Т. 41. № 43501.

земские и городские органы самоуправления. Таким образом, закон не превратил губернаторов в подлинных хозяев губерний, и, соответственно, не удовлетворил их. Тем не менее пост главы губернской администрации стал очень престижным, ключевым в местном управлении.

Одна из главных особенностей модернизации системы местного управления заключалась в том, что в новых исторических условиях губернатор административно подчинялся МВД. В документах подчеркивалось, что «главное назначение начальника губернии охранять не только общее благосостояние вверенного ему края, но и личную безопасность и благоденствие каждого из жителей... одним словом, губернатор есть преимущественно начальник полиции»⁷⁰¹.

Своеобразие служебного положения губернатора со второй половины XIX в. состояло в том, что его функции были двойственными. Он, с одной стороны, являлся личным представителем императора на местах (где не было генерал-губернаторов. – И. Д.), а с другой – был чиновником министерства МВД, т. е. подотчетным ему. Как представитель верховной власти, губернатор следил за исполнением законов и постановлений, за порядком и безопасностью, наблюдал за всеми административными должностными лицами гражданского ведомства... А в качестве представителя МВД губернатор был начальником всей местной полиции и вел все дела этого ведомства⁷⁰².

Значительное усиление власти губернатора последовало в результате издания закона «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Этот закон распространялся на генерал-губернаторов (в случае их отсутствия – губернаторов). В соответствии с документом губернаторам было предоставлено право объявления губернии или нескольких губерний «на положении усиленной охраны».

⁷⁰¹ ПСЗ-2. Т. 12. № 10303; СЗРИ. 1857 г. Т. 2. Ч. 1. Общее губернское учреждение.

⁷⁰² Манько А.В. Блюстители верховной власти... С. 222.

В территориях, в которых вводилось особое положение, все права и обязанности по охране государственного порядка и общественной безопасности возлагались на генерал-губернаторов и губернаторов. Они также получили «право воспрепятствовать все народные, общественные и даже частные собрания, закрывать все промышленные и торговые заведения и воспрепятствовать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны».

При этом (вероятно, для предотвращения массовой высылки лично несимпатичных губернатору людей. – И. Д.) «высылка в определенную местность, хотя бы на родину, но с обязательством безотлучного там пребывания, допускается исключительно по предварительному сношению с МВД»⁷⁰³. В то же время в местностях на положении усиленной охраны, по требованию губернатора или градоначальника, были немедленно удаляемы от должностей все те лица, которые признаны будут неблагонадежными⁷⁰⁴. На рубеже XIX–XX в. проблема модернизации местного управления в общем процессе коренного обновления государственного аппарата империи вновь встала перед царской Россией. На этот раз ее предстояло осуществлять в обстановке начавшегося кризиса всей системы власти, в условиях социального напряжения в обществе. Крепнущая российская буржуазия все более активно претендовала на политическую роль в обществе, встречая противодействие со стоны дворянства и государственной бюрократии. Дворянство, главная опора самодержавия, теряло монополию на власть. В таких условиях система высших органов власти и управления была призвана укрепить власть монарха.

Царский манифест 17 октября 1905 г. положил начало буржуазному конституционализму в России: неограниченная императорская власть превратилась в конститу-

⁷⁰³ ПСЗ-3. Т. 1. № 350.

⁷⁰⁴ Там же. Это же положение зафиксировано в ПСЗ-2. Т. 54. № 59947 от 19 августа 1879 г. «О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям».

ционную монархию. Управление губернией становилось все более сложным: теперь оно зависело прежде всего от деловых качеств губернатора, от его личности. Реальная власть губернатора в провинции стала ослабевать. Политические события 1905–1907 гг. продемонстрировали неспособность верховной власти оказать помощь губернаторам, подорвали их былой авторитет. И в начале XX в. губернаторы оставались простыми исполнителями указаний столичных чиновников⁷⁰⁵.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода губернатор являлся ключевой фигурой системы местного управления. Традиционно претендент на должность губернатора был в чине четвертого класса по Табели о рангах, т. е. имел чин действительного статского советника или генерал-майора. В частности, в период с 1822 по 1905 г. на посту сибирских губернаторов (в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях) побывало 84 человека (в том числе 12 забайкальских военных губернаторов, двое из которых имели чин генерал-лейтенанта, остальные были генерал-майорами). 34 губернатора являлись действительными статскими советниками. 3 имели чин статского (5 класс), 1 – надворного советника (6 класс). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Сибири соотношение военных и гражданских чинов на губернаторских должностях было примерно равным. Всего за период 1822–1917 гг. (т. е. за 95 лет) в Сибири было 124 губернатора. Их распределение по губерниям выглядело следующим образом. В Тобольской губернии – 28 человек (средний срок службы 3,39 года), Томской – 26 человек (средний срок службы 3,65 года), Енисейской губернии – 20 человек (средний срок службы 4,75). Наиболее стабильная ситуация наблюдалась в Иркутской губернии – 19 человек (средний срок службы – 5 лет). В Якутской и Забайкальской областях за 65 лет

⁷⁰⁵ Манько А.В. Блюстители верховной власти... С. 228.

(1852–1917)⁷⁰⁶ было соответственно 15 и 16 губернаторов, со средним сроком службы 4,3 и 4 года.

Наиболее часто губернаторы сменялись в Тобольске. По словам начальника 8 округа корпуса жандармов Фалькенберга, на конец 1830-х годов Тобольская губерния была «единственной в империи», которая в течение последних «15 лет не имела начальника у себя более трех лет и то только раз было в начале 15-летия, в последующие за тем годы гражданские губернаторы этой губернии переменялись беспрестанно»⁷⁰⁷.

Губернаторские должности были не столь престижны (по сравнению с генерал-губернаторскими), поэтому в большинстве случаев кандидатами на эти посты выступали немолодые провинциальные чиновники (председатели палат, вице-губернаторы, губернские прокуроры или армейские генералы из числа тех, кто не надеялся на удачную военную карьеру). Например, иркутский губернатор Цейдлер И.Б. (1821–1835) до назначения служил иркутским комендантом, Евсеев А.Н. (1835–1837) – «из архангельских вице-губернаторов», Левшин А.И. (1838–1839) был председателем иркутской казенной палаты, Венцель К.Б. (1851–1860) – генерал-лейтенант, Извольский П.А. (1860–1862) – служил председателем иркутского губернского правления, генерал-майор Щербатский Н.Ф. (1862–1864) – Санкт-Петербургским полицмейстером. Один из популярнейших иркутских губернаторов – Шелашников К.Н. (1864–1880) – из бригадных командиров⁷⁰⁸.

Материальное содержание губернаторов также было значительно ниже, чем генерал-губернаторов. Совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в определялся более 22 000 тыс. руб. в год. (см. параграф 3.4). При этом доходы губернаторов

⁷⁰⁶ Должность якутского гражданского начальника.

⁷⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. III отделение. Оп. 15. Д. 198. 1840 г. Л. 17.

⁷⁰⁸ Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897–98 год. Иркутск, 1897. С. 8–12; Адрес-календарь города Иркутска на 1901 г. С. 9–10.

составляли в среднем от 3 до 8 тысяч рублей. Пожар, самым низкооплачиваемым из сибирских коллег был Тобольский гражданский губернатор, действительный статский советник Виноградский А.В. (1859–1862). Он получал 2687 рублей. В том числе жалования – 1400, столовых – 600, квартирных – 687 рублей. Тем не менее столь незначительное содержание позволило ему приобрести в г. Томске деревянный дом⁷⁰⁹. Заметим, что лишь некоторые сибирские губернаторы имели недвижимое имущество – только губернаторы отдаленных территорий (с учетом «добавочного жалования») получали до 14 тысяч рублей. В их числе были Якутский губернатор (1892–1903) Скрипицын В.Н. (по 5 тысяч столовых и жалования полус 3750 добавочных и 858 квартирных), Тобольский губернатор (1901–1906) Лаппа-Старженецкий А.П. (11 200 руб., в том числе 10 000 содержания и 1200 арендных)⁷¹⁰. Все губернаторы получали жалование и столовые от 1716 до 2000 рублей, при этом были возможны и другие выплаты, например, на квартиру, на разъезды. Ряд чиновников имел персональные доплаты – за службу в Сибири – от 2 до 4 тысяч рублей⁷¹¹. По справедливому замечанию О.В. Моряковой, чаще всего во главе губернии оказывались далеко не лучшие представители дворянства⁷¹². Доказательством тому служит то обстоятельство, что из названных выше Иркутских губернаторов лишь некоторые смогли продолжить свою карьеру на аналогичной должности за пределами Сибири. Так, губернатор Зарин В.Н. (1848–1851) был переведен губернатором в г. Владимир, Венцель К.К. был назначен в сенаторы, генерал-майор Носович С.И. (1882–1886) – переведен комендантом в Динабург, Коленко В.З. (1886–1889) – был Якутским, а затем Курским губернатором⁷¹³.

⁷⁰⁹ Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859. С. 336.

⁷¹⁰ Список гражданским чинам IV класса СПб., 1902. С. 437, 439.

⁷¹¹ См.: списки генералам по старшинству. СПб., 1801–1905, Списки гражданским чинам первых четырех классов. СПб., 1840–1895 гг.

⁷¹² Морякова О.В. Система местного управления... С. 41.

⁷¹³ Адрес-календарь... Там же.

Характер деятельности губернаторов во многом определялся их личными качествами. Именно они, по справедливому замечанию Н.П. Матхановой, являлись важнейшим фактором, обуславливавшим действия губернатора⁷¹⁴. Роль губернатора в местном управлении была очень значительна. Не случайно именно губернатор является часто встречающимся представителем бюрократии в художественных произведениях⁷¹⁵.

Между тем далеко не все сибирские губернаторы могли похвастать своими административными успехами. Высокую оценку жандармского полковника Маслова получил Иркутский губернатор И.Б. Цейдлер, который управлял губернией «на правилах самых кротких и благоразумных». При этом «попечительность его распространяется на все сословия жителей, чем он заслужил общую к себе любовь и доверие»⁷¹⁶.

На противоположном полюсе находились чиновники типа Тобольского губернатора генерал-майора Чебыкина, на которого местные жители рисовали карикатуры и отправляли их в газеты. По донесениям начальника тобольского жандармского управления, «смысл этих карикатур весьма грязного свойства и напечатание их может служить подрывом губернаторской власти в губернии». Однако жандарм вынужден был признать, что «Чебыкин сам дает повод к произведению этих карикатур. Долги его здесь с каждым месяцем увеличиваются. Носятся слухи о новом довольно значительном займе, который сделал губернатор через Тобольского окружного исправника, человека очень дурной репутации. Долги эти лишают его возможности быть беспристрастным начальником и отсюда начало всеобщего против него недовольствия и тех частью возможных и невозможных вымыслов, которые дают повод к карикатурам».

⁷¹⁴ Матханова Н.П. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири... С. 40.

⁷¹⁵ Секирский С.С. Штрихи к портрету высшей бюрократии: губернаторы и беллетристы // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания. С. 76.

⁷¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. 1828 г. Д. 29. Л. 46.

Как уже отмечалось, «Сибирское учреждение» 1822 г. внесло определенную специфику в положение сибирских губернаторов. В этом документе не были четко прописаны отношения соподчинения генерал-губернатора и губернатора. Назначаемые верховной властью губернаторы имели обособленное положение в ведомственной административной иерархии и принадлежали к территориальной сфере управления. Закон не предоставлял генерал-губернаторам права рекомендовать кандидатов на губернаторские посты, что порой порождало конфликтные ситуации. Но это не означало, что генерал-губернаторы не пытались этого делать, используя свои связи и высокое официальное положение⁷¹⁷. В частности, целый ряд сибирских губернаторов (Завойко, Запольский, Зарин) был назначен на губернаторские посты по инициативе генерал-губернатора Н.Н. Муравьева.

Наличие столь сильной личности, которая фактически поставила под свой контроль все происходящее в крае, породило ситуацию, при которой «в Иркутске роль губернатора сделалась совершенно ничтожною, так что человеку, желающему принести пользу своей службой, нет никакой возможности что-либо предпринять. К губернатору посылают разных чиновников из Иркутска, все пользующихся особой протекцией, и если кто из них окажется неблагонадежным⁷¹⁸, то местному начальству нет веры, потому что будто бы оно на них клеветает. Прошу после этого думать сделать пользу управляемому краю»⁷¹⁹.

Аналогичная ситуация наблюдалась в середине 30-х гг. в Тобольской губернии при генерал-губернаторстве Н.С. Сулимы. Как сообщалось в рапорте жандармского полковника Черкасова шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, Тобольский

⁷¹⁷ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 110.

⁷¹⁸ По законам 1866 и 1879 гг. именно губернатор определял благонадежность чиновников: ПСЗ-2. Т. 41. № 43501. Т. 54. № 59947. – И. Д.

⁷¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. с/а. Оп. 3. Д. 1307. 1858–1869 гг. Л. 38.

губернатор «при всей благонамеренности своей и стремлении к пользе края, будучи ограничен самовольством приближенных к главному начальнику лиц... есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определенной Сибирским учреждением. Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противоположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой, по примерной холодности подчиненных мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а посему этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего 20-летия здесь было 9 гражданских губернаторов, из коих большая часть сделалась или жертвой интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями. Настоящий гражданский губернатор д.с.с. Ковалев, ...внушающий к себе полное уважение, совершенно связан в своих действиях; власть его подавленная до крайности, ослаблена, унижена...»⁷²⁰

Д.с.с. И.Д. Талызин, ставший «хозяином губернии» во времена генерал-губернаторства князя П.Д. Горчакова, смог ненадолго изменить ситуацию: было «всему дано быстрое движение, дела, лежавшие много лет без движения, окончены, раскрыты самые преступления, которые от прошедшего слабого управления таились и распространялись». Тем не менее ситуация повторилась: генерал-губернатор, не имея юридической силы для смещения губернатора, используя личные отношения, сумел добиться перевода И.Д. Талызина в Оренбургскую губернию⁷²¹.

Восточносибирский генерал-губернатор В.Я. Руперт в одном из рапортов А.Х. Бенкендорфу просил назначить в Иркутск «губернатором генерального штаба полковника Ладыженского», поскольку «исполняющий должность

⁷²⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 10. 1835 г. Д. 186. Л. 43 об.-44.

⁷²¹ Там же. III отд. Оп. 15. Д. 168. 1840 г. Л. 17 об.-18.

иркутского гражданского губернатора д.с.с. Евсеев «не отвечает... своему назначению». Однако просьба Руперта не была выполнена, и Ладыженский был назначен в Тобольск. Заметим, это был не лучший выбор. «Он не имеет необходимых познаний и сведений для гражданского губернатора... губерния, к несчастью, вновь попала под слабое управление», – докладывал в Третье отделение Фалькенберг⁷²².

Восточносибирский генерал-губернатор Н.П. Синельников «просил о назначении губернаторов; кроме удовлетворения просьбы генерала Шелашникова, меня озабочивает положение генерала Дитмара, дела которого в Забайкалье весьма запутаны, а полагаю распутать оные во время службы его в Иркутске, но не имея ответа на мое предложение должен опять отправить его в Забайкалье. Убедительно прошу о перемене губернаторов», – писал он в МВД в октябре 1872 г.⁷²³

Определенную специфику функций местной администрации (в том числе, губернаторов) определял состав населения в подведомственной губернии. Поэтому в Сибири, которая с XVII в. являлась местом массовой ссылки (подробнее об этом – см. следующий параграф), надзор за ссыльными для губернаторов, как отмечает Н.П. Матханова, «был одним из важнейших дел»⁷²⁴.

Губернатор должен был следить не только за состоянием тюрем и острогов, но и в целом за всеми ссыльными, находящимися на вверенной ему территории (в том числе политическими). В частности, иркутский гражданский губернатор обеспечивал «содержание пищи и продовольствием» преступников, отбывающих наказание в пределах Иркутской губернии⁷²⁵. Он же сообщал Нерчинскому коменданту (в ведении которого находились политические преступники) указания и

⁷²² ГАРФ. Л. 18 об.

⁷²³ Там же. Ф. 109. с/а. Оп. 3. Д. 1316. 1872 г. Л. 6–6 об.

⁷²⁴ Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 37.

⁷²⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 1826 г. Д. 61. Ч. 5. 1826 г. Л. 7 об.

постановления «как вообще на счет ссылаемых на каторжную работу государственных преступников, так и в особенности на счет содержания их, дабы сообразно установленным правилам мог требовать оное откуда следует»⁷²⁶. Для обеспечения «государственных преступников и польских мятежников» из дворян и шляхтичей, кто не получает «от родственников вне Сибири никакого вспомоществования или получающим не менее 200 руб. в год», губернатор делал представление, чтобы им в соответствии с инструкцией Нерчинскому коменданту производилось «от казны денежное пособие, солдатский паек и одежда»⁷²⁷.

Именно губернаторы определяли, кому из ссыльно-поселенцев возможно было предоставление свободы перемещения, они же делали представления на имя генерал-губернатора об отводе земель ссыльнопоселенцам⁷²⁸. Иными словами, губернаторы (через генерал-губернаторов) заботились о государственных преступниках, проживающих на поселении на их территории. Вопросы передвижения – выход в город за покупками, к месту огорода и т. д. Только все это решалось через третье отделение и комитет министров⁷²⁹. Одной из важных функций сибирского губернатора (с точки зрения политической благонадежности) была перлюстрация писем всех без исключения преступников, находящихся в губернии. В частности, ссыльные на поселение не ограничивались в отправке писем, «но все их письма из почтовых контор должны доставляться «к местным гражданским губернаторам, а сии должны отправлять в III отделение собственной Его Величества канцелярии».

Письма и посылки, поступавшие декабристам из России, почтдиректорами передавались к гражданским губернаторам, «где кто из адресованных находится». Губернаторам было дано право «раскрывать сии письма,

⁷²⁶ Там же. Л. 8, 12 об.

⁷²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 1820. Д. 61. Ч. 7. 1826 г. Л. 74.

⁷²⁸ Там же. Л. 8–8 об., 70–71.

⁷²⁹ Фонд 109. 1 эксп. Оп. 1820. Д. 61. Ч. 7. 1826 г. Л. 75–79.

и те из них, в коих не найдут ничего противного, доставлять по адресам; к преступникам в каторжной работе находящимся и их женам открытые через Коменданта при Нерчинских рудниках, отсылая к нему также письма с деньгами и посылки, а сосланным на поселение простые письма от своего имени чрез почту, или как за удобное признают; с деньгами к ним присланными поступать как упомянуто (выше. – И. Д.).» При этом письма, которые содержат «какие-либо неприличные и непозволительные выражения, или содержание их будет заслуживать внимание правительства, губернаторы, не отсылая никуда по адресам, должны доставлять в III отделение собственной Его Величества канцелярии»⁷³⁰.

Сосланные в Сибирь на поселение могли получать до 2000 руб. – на обзаведение хозяйством, а потом на содержание не более 1000 руб. ежегодно – «но и сию сумму доставлять не иначе, как через гражданских губернаторов, кои должны выдавать им оную помесечно, или как за удобное признают». При этом губернатор вел строгий учет выданным деньгам: сколько, когда и кому выслано и выдано. Таким образом, генерал-губернатор через губернаторов занимался материальным обеспечением ссыльнопоселенцев⁷³¹. Фактически губернаторы (особенно столичных губерний – Иркутской Тобольской и др. – являлись прямыми заместителями генерал-губернаторов и исполнителями их указаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт губернаторства – один из основных институтов имперской системы власти. Возникнув в период активных военных реформ эпохи Петра I, этот институт в течение двухсот лет постепенно превращался из западной (шведской) модели, в восточную, предполагающую неограниченную власть⁷³². Подобная ситуация имела легитимную основу – губернаторы официально объявлялись «царскими наместниками», «непосредственными началь-

⁷³⁰ РГВИА. Ф. 35. Оп. 9. Д. 102. Л. 58 об.–59.

⁷³¹ Ф. 109. 1 эксп. Оп. 1826. Д. 61. Ч. 5. 1826 г. Л. 13–14, 29–31 об., 93.

⁷³² Лысенко Л.М. Указ. соч. С. 131.

никами вверенных им Высочайшего государя императора губерний», их «хозяевами»⁷³³. Губернатор являлся ключевой фигурой в системе местного управления. Он был лично ответственен за все, что происходило в губернии – от политических волнений до постройки церквей. Министерская реформа и последовавшая за ней централизация только усилила личную власть губернаторов. В то же время этот институт, единообразный в своих началах, имел свои региональные особенности. Создание специальных «Учреждений» для управления отдельными окраинами (в том числе Сибирью) обусловило некоторую специфику (ограничение) в реализации «хозяевами губерний» своих властных полномочий. Такими «ограничителями» в Сибири выступали генерал-губернаторы, прямые наместники и ставленники императора.

3. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей, численностью около 200 000 человек. На пространстве большем, чем вся Европа, обитало редкое население, весьма неоднородное в языковом отношении. Наибо-

⁷³³ ПСЗ-2. Т. 12. № 10303. § 1.

лее многочисленными были народы, говорящие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены и рекам Алдану и Вилюю, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса – якуты.

Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофаларов, которые в ранних китайских источниках известны под именем «лесных народов».

Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные под названием енисейских кыргызов. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность – сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы.

К тюркам по языку принадлежало и население, заселявшее лесостепные и таежные районы Западной Сибири – предки омских и томских татар.

Монголоязычным было население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузину. Это были племена, составившие этническую основу бурят – эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности народов Сибири.

К остяцкой языковой группе принадлежали тунгусы, проживающие в таежных лесах Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря.

На склонах Уральских гор, в нижнем и среднем Приобье, жили ханты и манси, представляющие угро-финскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми или остяками.

В дорусский период с экономической точки зрения аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были та-

тары, в Восточной Сибири – буряты, якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собирания» земель и закономерного укрепления границ национального государства⁷³⁴.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили

⁷³⁴ Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002. С. 90–95.

налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», хотя и подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную

систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена⁷³⁵.

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран: Канадой, Австралией, Алжиром и др. наметилась еще в XIX в. В связи со строительством транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и др., в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады⁷³⁶. Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции, или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы крайнего Севера, где и вымирали⁷³⁷. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество, как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX — на-

⁷³⁵ Дамешек Л.М. Интеграция Сибири в России как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. 19–20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 8.

⁷³⁶ Jefferson R. *Roughing it in Siberia with the same account of the Transiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia*. London 1897. P. 25; Оланьон К. *Сибирь и ее экономическая будущность*. СПб., 1903; Глейнер А. *Сибирь, Америка будущего*. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906. С. 9, 10.

⁷³⁷ Оланьон К. Указ. соч. С. 5, 76, 77, 250.

чала XX вв., характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например, на Дону. Однако именно за Уралом, в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи, областничество получило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов, как следствие присоединения их к России. Наиболее остро он был поставлен Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, И.И. Серебренниковым, П.М. Головачевым и др.⁷³⁸ По мнению Ядринцева, в правительственном подходе к «иностранческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношении с «иностранцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией.

И.И. Серебренников, вслед за Ядринцевым, также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности.

Примерно такой же подход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах М.П. Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перечеркивается отрицательными послед-

⁷³⁸ Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Красноярск, 1973. С. 242 и др.

ствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н.Н. Козьмина, который считал принципиально неверным в любом факте сокращения численности аборигенов видеть процессы вымирания. По его мнению, материалы ревизий и переписей «иностранцев» на протяжении всего XIX и начала XX вв. наоборот свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков факты метисации и обрусения аборигенов, проходившие при прямом участии государства⁷³⁹. Рассмотрим вопрос об изменении численности аборигенов более подробно.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. душ м. п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом, русского населения, численность которого за этот же период с 412 тыс. душ м. п. возросла до 2,3 млн, т. е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось со 127 тыс. душ м. п. до 309 тыс., т. е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской – в 1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали

⁷³⁹ Подробнее см.: Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70-90-х годов на «иностранческий вопрос» в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 25–35; Его же. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск, 1990. С. 14–18.

быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %; Енисейской – 95 %; Иркутской – 94,6 %; Забайкальской области – 90,3 %. Более высокие темпы прироста коренного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать высокую степень эксплуатации аборигенов самодержавием, эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывающие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа одноименной губернии из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхоленском – 30. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73 %) проживала в северных Березовском, Сургутском и частично в Тобольском округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживающие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе – 13 %. В остальных округах он колебался от 1 (Барнаульский) до 5–6 % (Кузнецкий) от общей численности народонаселения.

В Енисейской губернии по количеству проживающих аборигенов: ненцев, эвенков – выделялся Туруханский край – 71 % жителей. Следует также отметить Ми-

нусинский и Ачинские округа, где аборигенное население составляло соответственно 16 и 8 % общей численности народонаселения округа.

В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения – 20 % – выделялся одиоименный округ.

В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов – бурят – селилась в Селенгинском (61 %), Баргузинском (51 %) и Читинском (44 %) округах. Кроме бурят значительную часть населения области составляли эвенки. В 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола.

В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей – от 76 до 98 % во всех округах, кроме Олекминского.

Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество «иностранцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %; Томская – 22 %; Енисейская – 10,6 %; Иркутская – 12,2 %; Забайкальская – 13,3 %; Якутская – 0,1 %⁷⁴⁰. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

Сибирский вариант инкорпорации аборигенов: соотношение методов

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи форми-

⁷⁴⁰ Цифровые показатели рассчитаны по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 256; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав, язык и роды иностранцев. СПб., 1912. С. 3; Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 86.

ровались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На Востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на Восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне ... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно «приняли сторону» иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано⁷⁴¹. Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е.П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех

⁷⁴¹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д.И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов⁷⁴².

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболев был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясак, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую,

⁷⁴² Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII – 1867 г. Владивосток, 2001. С. 287.

но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «иностранца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашенных яиц с сакральным смыслом – оплодотворения земли, чтобы хорошо вырос хлеб. Уборку урожая начинали в конце августа – первой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у

русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клочок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клена: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия⁷⁴³.

Наибольших успехов в земледелии добивались «иностранцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями, занимаемыми русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Не случайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «иностранческих» хозяйств различных губерний продажа хлеба доходила до 70 % всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокурные заводы, в различные казенные места.

⁷⁴³ Подробнее см.: Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX века. Улан-Удэ, 2001. С. 90 и др.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «иностранцев» приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки, строила водяные мельницы. Среди «иностранцев» появились представители крупных европейских фирм, производящих сельскохозяйственное оборудование: «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокосения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное значение у «иностранцев», как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для содержания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение его было неодинаковым, и колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7-9 % у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «иностранцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести

систематическую раздачу «иностранцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора И. Трескина, в котором жестко определялись размеры «иностранческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников)⁷⁴⁴. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось, и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благотворительной мере, искренне полагая, что именно Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него особенное внимание⁷⁴⁵. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении иностранцев» М.М. Сперанского, которым народы Сибири были разделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с уставом оседлые аборигены сравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при перечислении кочевников в разряд оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, образованию земельных излишков, но возведению их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

⁷⁴⁴ ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

⁷⁴⁵ Дамешек Л.М. Материалы правительственных комиссий как источник изучения аграрной политики самодержавия в Сибири // Молодые ученые вузов города Иркутска в 11 пятилетке. Иркутск, 1983. С. 69–71.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги в аграрной политике империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий» вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у «инородцев» с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграцией с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их 15 дес. наделом. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX вв. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896–1901 гг., в 1905–1917 гг. в форме указов сената было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и перевода их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов⁷⁴⁶.

⁷⁴⁶ Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1984. С. 34–48.

Поначалу к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этому являлись широкие протесты коренного населения и наличие свободного фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «иностранческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «иностранческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на «иностранческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А.В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по «обращению земельных излишков иностранцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55 % земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень

велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 дес., или 47 % дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области 2 061 000 дес., или 30 %; у хакасов Енисейской губернии – 670 000 – 33 %; у аборигенов Томской губернии – 59 000 дес. – 34 %; в Горном Алтае – 121 622 дес. – 25 %; в Тобольской губернии – 27 407 дес. – 2 %, а всего по Сибири 3 884 188 дес. – 29 %⁷⁴⁷. Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизируемых районах страны – Башкирия, Казахстан, Туркестан и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна условная неполноправность «иностранцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенов, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали «иностранческие» поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представ-

⁷⁴⁷ Данные об итогах землеустройства народов Сибири рассчитаны по материалам: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233 об.; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120 об.–121; Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской. За 1908 г. СПб., 1909. С. 45; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 3.

ляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани, вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевое платье, покрой которого заимствовали у русских.

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

За всеми этими переменами последовали и принципиальные изменения в ясачной политике. Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-

бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVIII и почти всего XIX вв., ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, а проживание их на «породных землях» рассматривалось властями как важнейшее условие уплаты ясака. Правительственные указы жестко требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, не нарушать традиционных форм землепользования коренных народов.

Ясак – это натуральный налог, который до середины XIX в. народы Сибири платили преимущественно пушниной. Поначалу сбор подати с «ясачных иноземцев» никак не регламентировался, и ясачные сборщики на практике «брали, что принесут». Это приводило к массовым злоупотреблениям, хищническому истреблению пушных богатств края, накоплению недоимок. В 1763 г. Екатерина II направила в Сибирь первую ясачную комиссию, которая впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Наряду с этим комиссия внесла и принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушниной или эквивалентно деньгами. Тогда Екатерина указала на различие финансовых интересов казны и императорского Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пушнины пересылалась в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему». Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

В 30-х гг. XIX в. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири. Оно включало в себя более 60 пунктов и определяло цели, задачи, состав и порядок действия. Главной задачей комиссий являлось обложение новой ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. В 1835 г. Николай именным указом утвердил новый размер ясачной подати, которая в совокупном денежном и натуральном выражении составляла около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной Сибири колебался от 10 до 20 %, в Восточной Сибири – от 11 до 52 %, составляя соответственно в среднем 15 и 38 %. При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным, накапливались недоимки, приобретшие вскоре хронический характер. Особенно беспокоило Кабинет сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины. Это неоднократно порождало рецидивы попыток полностью запретить свободную торговлю с аборигенами, окончившиеся тем не менее полным провалом. Одно из основных противоречий ясачной политики – стремление к максимальному сбору ясака пушниной и дальнейшая коммутация ясака – заставили сановный Петербург предпринять новые усилия для «приведения ясачного сбора в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета».

Формирование ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями казны и Кабинета, выступавших как совладельцы сибирских земель. Эта особенность ярко проявилась в ясачной политике, свидетельствующей о существовании у коронного ведомства своих финансовых интересов, не всегда совпадающих с общегосударственными. На основе закона 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» по мере про-

ведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых «инородцев» ясак «выкупался» государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выкупов» составлял свыше 125 тыс. руб. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие в таком случае излишки становились доходами государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок, составляющих четвертую часть оклада. О существовании собственных финансовых интересов казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, проводимая между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 гг. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие «инородцы», а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства, продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2 %. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачной ленты конца XIX в. характерным является процесс ее дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. перевести ясак на денежную основу.

В Сибири совместным собственником земли выступали казна и Кабинет. Последний, как совладелец земли, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем земель, находившихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Казна взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали госу-

дарственные повинности. В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «иностранцы» Сибири, кочевые «иностранцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи, например, кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе архаичные способы эксплуатации⁷⁴⁸.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «иностранцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «иностранцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочнение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ро-

⁷⁴⁸ Цифровые показатели заимствованы из монографии: Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983.

стом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравняванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещенных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещенных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом по распространению православия среди окраинных «инородцев» стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православно-го миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1 300 000 руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее 50 % денежных ресурсов общества шло на содержание сибир-

ских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовало 8 православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Такие же миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «иностранческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н.И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «иностранческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов – опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станов освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и ие-

рархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечением аборигенов к отбыванию воинской повинности, введением у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил политический характер. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещенных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалась в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской области было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же буддизм. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи Сибири с многонаци-

ональными районами Поволжья, Приуралья и другими мы приходим к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлению найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов⁷⁴⁹.

Одним из ярких проявлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX вв. стал вопрос о привлечении сибирских «инородцев» к отбыванию воинской повинности. В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. правильность этого положения оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что эта льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у «инородцев» складывалось неверное представление о мощи великой России. Следовало положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении их «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках».

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует учитывать, что провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в данном вопросе проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривластного порядка. Об этом прямо заявил

⁷⁴⁹ О конфессиональной политике подробнее см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1986. С. 138–163.

начальник генерального штаба русской армии А.Е. Генгрос. По его мнению, исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание. Не случайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения забайкальских бурят во внутренние губернии империи, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники желтой расы.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинности 11 января 1874. Однако тогда военный министр Д.А. Милютин выступил против проектируемых мер, признав их преждевременными. Тем не менее Милютин признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению министра, имела и политический аспект как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы.

В 1896 г. для рассмотрения этого вопроса была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева. В ее состав вошли высокопоставленные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов. Совпадение начала работы этой комиссии с принятием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является не случайным.

Итогом работы комиссии Обручева стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «иностранцев» Тобольской и Томской губерний. Аборигенов Восточной Сибири предлагалось привлекать к военной службе лишь на осно-

вании специально разработанных узаконений. В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Обручева Николаю II, присовокупив к этому и личное мнение. Он заявил императору, что сам принцип дифференциации «иностранцев» при отбывании воинской повинности считает глубоко ошибочным. По мнению министра, к отбыванию ее следовало привлечь всех оседлых и кочевых аборигенов Сибири и Забайкалья, а конкретную разработку этого вопроса поручить министерству внутренних дел как ведомству, наиболее близко знакомому с положением дел в Сибири. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П.А. Столыпин потребовал предоставить ему «все средства и возможности» для выполнения важного поручения. Наряду с этим при изучении данного вопроса премьер советовал действовать осторожно и вообще соблюдать строгую тайну. Он опасался, что новые проекты могут вызвать массовые выступления народов Сибири, и без того недовольных проводимыми преобразованиями.

Обоснованность опасений министра подтверждается и «вопросами для беседы», составленными Куколь-Яснопольским. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение «иностранцев» к перспективе привлечения их к отбыванию воинской службе, а заодно и политическую лояльность империи. Не случайно из 20 вопросов 7 было посвящено чисто военным сюжетам, остальные носили общеполитический характер. Автора программы обследования особенно беспокоили возможное проявление протеста

аборигенов проектируемым мерам, формы, способы и сроки его проявления. К числу важнейших был отнесен вопрос о потенциальном поведении «иностранческого» войска в период внутренних кризисов и потрясений.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по строго расписанному сценарию. В каждой губернии или области были проведены конфиденциальные совещания. Круг участников этих совещаний был стереотипным – губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В целом сибирская администрация высказалась за привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности. В качестве основного обоснования необходимости этой меры послужило требование полного «приравнивания» сибирских «иностранцев» к русским крестьянам, ликвидации их сословной обособленности.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «иностранцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

1 августа грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета Министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц от 19 до 31 года.

В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопилось около 10 тыс. людей. Однако эти места были совершенно не подготовлены, к приему такого количества призывников. Там не было ни оборудованных казарм, ни кухонь и даже элементарных продуктов, не хватало обуви и одежды. Многие аборигены на сборных пунктах владели полуголодное существование.

Однако на фронт аборигены так и не попали. Правительство признало невозможным перевести эту массу

людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, а сами «иностранцы» были распушены по домам.

Мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом 1916 г. В Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена — их труд требовался самим золотодобытчикам. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу они направлялись на работу в районы Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги. К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «иностранцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Условия работы мобилизованных аборигенов были крайне тяжелыми. Антисанитарные условия проживания, плохое, непривычное для этих людей питание приводили к массовым заболеваниям. Поэтому сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо идеи сближения и даже унификации сословий мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них убеждение неприятия политических устоев империи⁷⁵⁰.

Имперский механизм законодательства в России стал складываться со времени реформ Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная, в первую очередь, способствовать усилению местной власти. Узаконения 30-х гг. XVIII в. дали территориям России, в том числе и Сибири, единообразное устройство,

⁷⁵⁰ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С. 112–121.

что вполне вписывалось в концепцию тотального государства, созданного Петром. Господство полицейского государства приобрело всеобщий характер, и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы жесткой регламентации. Не являлась исключением и Сибирь.

Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Однако интересы Российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на Востоке. Периферийная и практически никем не обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, – аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизация не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в дру-

га. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще одно обстоятельство. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах

не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С.Л. Владисловича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием», лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. Обе инструкции ограничивали вмешательство русской администрации во внутривидовые дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям. В то же время в этих документах прослеживается стремление правительства в своих действиях опереться на родоплеменную знать, а деятельность традиционных институтов самоуправления «иноверцев» подчинить интересам государства⁷⁵¹. Впоследствии, по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей, эти тенденции в административной политике империи в Сибири сохраняются. Подобная практика свидетельствует о понимании русскими властями в тот период невозможности полного подчинения народов Сибири действию общероссийского административного законодательства, стремлении учесть некоторые региональные особенности.

Эта тенденция нашла свое яркое выражение в ряде частных административных распоряжений, изданных сибирской губернской администрацией в начале XIX в. В этой связи наибольший интерес представляет «Положе-

⁷⁵¹ Эти документы опубликованы в книгах: Сычевский. Историческая записка о Китайской границе. М., 1875. С. 32–36.; Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева. Ч. 1. СПб., 1856.

ние о выборах иноверческих начальников и правах их» иркутского гражданского губернатора И. Трескина (1812 г.). По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать старшинские должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности избранного кандидата оставалось за губернской администрацией. В новом положении Трескин стремился при проведении выборов создать режим «наибольшего благоприятствования» наследственным кандидатам. Эти люди, по мнению губернатора, больше уважаемы «иноверцами», а их слово имеет «лучший вес», нежели простолюдина. Избрание в родоначальники рядового улусника допускалось лишь в крайнем случае. Однако в любом варианте губернская администрация оставляла за собой право отстранения от должности избранного лица за нерадение и «худое», с точки зрения власти, «управление родом»⁷⁵².

В истории России первые десятилетия XIX в. характеризуются попыткой перестроить организацию государственной власти, систему высшего и центрального управления империей. Реформаторская деятельность Александра I коснулась и Сибири.

Во времена Пестеля и Трескина самовластие и злоупотребления царских чиновников в Сибири достигли чудовищных размеров. По словам биографа Пестеля П. Майкова, его управление Сибирью напоминало «управление проконсулов в римских провинциях и надолго оставило печать вредного влияния на страну». Любые поиски законности предавались анафеме и объявлялись «ябедой». «Трескин и закон были синонимы, более: был только Трескин, а законы были далеко, далеко!» – вспоминает современник. От «главных начальников края» в лихоимстве и грабеже подведомственного населения не отставали и другие представители бюрократической системы рангом пониже: нижеудинский исправник Лоску-

⁷⁵² ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45.

тов, заседатель Третьяков – «главный сотрудник жены Трескина по части взяток», правитель дел губернской канцелярии Белявский. Хищнические нравы царского чиновничества нашли меткое отражение в эпитетах, которыми награждало их население бурятских улусов. Так, губернатора Трескина называли «бобром», земских заседателей – «волками» («чоно»), заседателя Третьякова именовали «медведем» («хара-гурсон»). Приношение для уболаговорения начальства примерно в тысячу рублей ассигнациями выражали фразой «ныггэ букули тога» («одно целое число»), а в сто рублей – «еха сарса» («большая бумага») и т. п.; саму взятку называли «иделгэ» («кормление»). Поборы натурой и деньгами как с отдельных юрт, так и с целых обществ стали обыденным явлением.

Во время правлений И.Б. Пестеля и И. Трескина злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли огромных размеров, что и явилось одной из весомых причин ревизии Сперанского в 1819 г. Следствие выяснило причастность почти всех родоначальников «иноверческих» ведомств ко всевозможным злоупотреблениям. Всего же к следствию в той или иной форме было привлечено 256 родоначальников.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского, применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом прави-

тельства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

«Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил.

Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов, как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления ко-

чевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмар-

ках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархально-феодальной основы «иностранческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «иностранцев», Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках иностранцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих иностранцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «иностранцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие иностранцы участвуют в общих по губернии повинностях», — гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содер-

жание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и суглажах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещенные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в

подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой⁷⁵³.

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различного ранга. Тем не менее этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий ведения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири».

До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из

⁷⁵³ Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского опубликован в Полном Собрании Законов Российской империи (ПСЗ), собрание 1. Т. 38. № 29126. Подробный анализ устава см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири... С. 35–45.

поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «иностранцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе Устава Сперанского на «иностранческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «иностранцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на иностранческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов

в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорский Кабинет, императорская канцелярия, Государственный совет – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедшую со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быте народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Закон о крестьянских и инородческих начальниках 1898 г. Волостная реформа

В первые пореформенные десятилетия управление коренным населением Сибири основывалось на прин-

ципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Дальнейшее развитие программы правительства по вопросам организации управления народами Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и стремлением к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в частности. Предполагалось, что ревизия «инородческого» Устава должна преследовать интеграционные цели. Начиная с 40-х и особенно с 50-х годов прошлого столетия, в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения «инородцев» имперскому законодательству. После поражения царизма в Крымской войне, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации в правительственных кругах вновь возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и возведении их в более высокий податной оклад государственных крестьян.

Иркутский губернатор К.Н. Калашников в 1873 г. обратил внимание правительства на необходимость подчинения бурят действию «общих законов». По его мнению, существование специальных положений для управления бурятами стало «не только бесполезным, но даже вредным». В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнивая права и обязанности их с крестьянами». Преемник Фредерикса А.П. Анучин в отчете по управлению краем в 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены».

Эти предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления бурятами Иркутской губернии, осуществленная в

80-х годах XIX в. Согласно реформе, степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию чиновников, более гибкие административные единицы – «инопородные» управы, бывшие по «Уставу» 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещавшиеся преимущественно по наследству. Эта реформа была вызвана развитием капиталистических отношений в улусах, выдвиганием на первый план нарождавшейся «инопородческой» буржуазии.

Анализ сведений о должностных лицах самоуправления аборигенов показывает, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Имущественное положение выборных должностных лиц органов самоуправления аборигенов не может быть проиллюстрировано за отсутствием точных массовых данных. Однако бесспорно, что многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствовала неутихавшая борьба между бедняцким и зажиточным полюсами в улусах, «рекомендация» царских законов отдавать предпочтение при выборах лицам «крепкого достатка» и принявшим православие. В Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц бурятского самоуправления лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурятского самоуправления исповедовали православие. В то же время в Верхотуринском округе 58,74 % должностных лиц исповедовали шаманизм, 8,4 % – ламаизм, остальные – православие.

Основные направления будущих административных преобразований в крае были сформулированы Иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в 1887 г. Конечную цель своего проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение инородцев». Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучав-

шее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора». Именно предложения А.П. Игнатьева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников».

Закон о крестьянских и инородческих начальниках явился началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Согласно новому закону, органы управления «инородцев», основанные на принципах «Устава» 1822 г., заменялись управлениями, устроенными по русскому типу. В основе «Временного положения» лежали идеи закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г. Однако по сравнению с земскими начальниками права крестьянских начальников в отношении подведомственного населения были значительно расширены.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» самоуправления. Важной обязанностью новых чиновников стал контроль за «нравственным состоянием» сельских жителей. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения. Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато опасными последствиями. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. На практике новые чиновники становились полными хозяевами в «инородческой» волости.

Содержание нового закона и практика его проведения в жизнь отчетливо отразили резкое усиление имперских тенденций в административной политике пра-

вительства в Сибири. С этим было вполне солидарно и местное сибирское чиновничество, настаивавшее на введении возможно большего числа крестьянских начальников. Лишь возражения министра финансов С.Ю. Витте положили конец подобным требованиям. В итоге по закону 8 июня 1898 г. в Тобольской губернии вводилось 36 должностей новых чиновников, Томской – 29, Енисейской и Иркутской – 21. В апреле 1901 г. этот закон был распространен на Забайкальскую область. На Якутскую область и северные районы проживания «бродячих» инородцев действие закона не распространялось. Управление коренными жителями этих территорий вплоть до 1917 г. основывалось на принципах Устава 1822 г.

Одной из наиболее важных сторон деятельности губернской администрации Сибири по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатур на должности крестьянских и «инородческих» начальников. Поиск кандидатов на должность был связан с известными трудностями. В Сибири прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или специальное среднее образование. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против требования обязательного образовательного ценза, считала предусмотренное законом среднее образование «лишним требованием». Не случайно даже спустя 10 лет после начала реформы в Иркутской губернии оставались вакантными 5 % мест крестьянских начальников, в Забайкальской области – 11 %.

Стремление правительства при подборе вновь вводимых должностей чиновников следовать сословному признаку и назначать крестьянских и «инородческих» начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35 % чиновников были выходцами из разночинцев. В то же время в 10 губерниях Европейской России: Витеб-

ской, Владимирской, Вологодской и др. в 1903 г. 93 % земских начальников были выходцами из дворян. В Сибири, в отличие от Европейской России, на должности крестьянских (земских) начальников попадали подчас случайные люди с весьма пестрыми биографиями, отнюдь не дворянского происхождения. Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В Иркутской губернии в начале XX в. 65 % крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, только четвертая часть чиновников имела высшее образование, зато православными были почти все – 97 %. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14-го по 8-й класс. Для большинства из них доходы от личного труда были единственным источником существования. В Енисейской губернии выходцами из сословия разночинцев было 68 % крестьянских начальников, в Забайкальской области – 96 %.

С целью улучшения качественного состава новых чиновников по образцу земских начальников Европейской России в 1912 г. был введен специальный экзамен на право занятия должности крестьянского начальника. Программа экзамена была разработана собственно сибирскими чиновниками. Особое внимание в ней уделялось вопросам усиления административного контроля чиновников за деятельностью органов самоуправления «инородцев», расширению круга их полицейских обязанностей.

Тяжелой повинностью для сельского коренного населения явилось содержание нового аппарата управления. Жалованье одного чиновника без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм составляло 1700 руб. в год. Но настоящим бичом для сельского населения стали многочисленные злоупотребления властью и хищения крестьянских начальников, которые по этим «показателям» далеко превзошли своих предшественников.

Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов. Анализ позиций этих чи-

новников в ходе рассмотрения конфликтных ситуаций при землеустройстве позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов, а интересами переселенческой политики империи, отстаивали в большинстве случаев требования продолжения землеустройства и земельных отрезков у «иностранцев»

Многие крестьянские начальники являлись истинными ревнителями православия. Не только на словах, но и на деле они активно способствовали насаждению среди аборигенов христианства, не гнушаясь при этом никакими методами — от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия⁷⁵⁴.

В целом закон 1898 г. по-своему отразил изменения в характеристике социально-экономического развития, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. Реформа 1898 г. способствовала замене старых единиц управления, основанных на родовом принципе, территориальными административными единицами. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над аборигенами, их скорейшее «слияние» с русским населением. Реформа, проводившаяся бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла ясно видимые имперские черты.

Тенденция к усилению полицейской опеки над органами управления аборигенов усиливается по мере роста общественного движения в стране и в Сибири. Данной цели, наряду с иными мероприятиями, служило введение паспортной системы у коренного населения, имевшее несомненное значение как средство контроля за передвижением коренных жителей.

Решение по этому вопросу было принято в июне 1897 г. Оно предусматривало создание специальной комис-

⁷⁵⁴ Об административной политике см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма С. 54–121.

сии из представителей министерства внутренних дел, министерства земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. В работе комиссии наиболее активную роль играл будущий министр внутренних дел В.К. Плеве, настоявший на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Необходимость введения паспортов у коренного населения обосновывалась требованием упразднения поразрядной системы, усилением опеки и надзора за органами самоуправления коренных народов. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорта. У оседлых «местом постоянного проживания» считалось общество или волость, к которой они приписаны, у кочевников – район перекочевков. Все «иностранцы» обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми или иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или «иностранческого» начальника, ответственного за поступление податных сборов. Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.

Введение паспортной системы находилось в полном соответствии с общим правительственным курсом в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого явилась ликвидация сословной обособленности «иностранцев», приравнивание их к русским крестьянам. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма, сопровождавшимся значительным ростом наемного труда. Этот процесс охватывал значительную часть коренного населения сибир-

ских губерний, для которого работа по найму становилась основным источником существования.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости не только реорганизации системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными. Осуществление поставленных задач полного слияния народов Сибири с русским крестьянским населением постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения поразрядной системы и причисления аборигенов к разряду оседлых. Согласно «Уставу» 1822 г. такое причисление могло осуществляться только во время переписи и с согласия самих аборигенов. Поэтому власти постоянно сталкивались с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьянских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенами этим чиновникам, но не упраздняло деления аборигенов на разряды. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства, требующее немедленного упразднения. Практическим результатом этого решения стала разработка проектов волостной административной реформы, осуществленная в министерстве внутренних дел накануне первой русской революции. Реализация принятых решений началась после 1907 г. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905–1907 гг., правительство стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, не допускать революционного рецидива в «иностранческой среде». Его надежды на ликвидацию поразрядной системы и введение волостного и сельского правления у коренного населения связывались прежде всего с административными мерами.

С осени 1908 г. министерские чиновники разного уровня стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. Особую активность в этом деле проявил П.А. Столыпин. Циркуляры за его подписью требовали незамедлительно переводить кочевых «инородцев» в разряд оседлых.

Получив прямое указание Столыпина, губернская администрация перешла к решительным действиям по его осуществлению. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, или примерно 33 % коренного населения.

Одновременно с причислением в оседлые царское правительство вводило у аборигенов волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т. д., основанное на родовых принципах «Устава» 1822 г., в условиях развивающихся буржуазных отношений стало тормозом хозяйственной деятельности населения. Замена родового принципа территориальным отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни народов Сибири и в объективно-историческом смысле была явлением прогрессивным. Она подрывала остатки патриархально-родового строя. Формально необходимость этой реформы администрация обосновывала лозунгами борьбы с пережитками феодальных институтов в «инородческой» среде, стремлением к уравниванию податного обложения различных имущественных слоев коренного населения.

Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшей против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались зажиточные «инородцы».

Теперь низшей территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединявшее «инородцев»-односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе этих административных единиц находились соответственно сельский староста и волостной старшина, выбиравшиеся на сходах по рекомендации крестьянских начальников. Последним предоставлялось право утверждения в должности избранного лица. По сути дела крестьянские начальники являлись полными, а зачастую бесконтрольными хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой связи с землеустройством.

Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М.М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очер-

тания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

4. Управление каторгой и ссылкой как специфическая функция местных политических институтов власти

Одной из специфических особенностей деятельности системы сибирской администрации выступало управление каторгой и ссылкой. На протяжении нескольких веков Сибирь была краем массовой ссылки и каторжных работ. Не случайно у большинства жителей Российской империи Сибирь ассоциировалась исключительно с местом ссылки⁷⁵⁵. Между тем определить точную начальную дату высылки в Сибирь «лихих и опальных» людей не представляется возможным. Известно, что начало подобной практике, было положено еще в XVII в., однако первые ссыльные в крае были скорее исключением, чем правилом. Объясняется подобная ситуация следующими обстоятельствами. В соответствии с судебниками Российского государства конца XV – начала XVI вв., за серьезные преступления в качестве наказания полагалась смертная казнь, а за менее важные – ссылка в «украинные и низовые» города. Прообразом ссылки на поселение является «выбитие вон из земли», вошедшее со времен Ивана IV в понятие опалы, представлявшее собой расселение жителей какого-либо города или местности целыми семьями по другим городам. В качестве примера можно сослаться на практику «вывода» сосланных бояр после присоединения Новгорода и Пскова к Москве.

Во второй половине XVI столетия в практику входит уже ссылка в определенное место. Например, по указу 1582 г., «в украинные города – Севск, Курск и другие»,

⁷⁵⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 243; Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII веке // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 10.

выступавшая уже преимущественно как политическая мера⁷⁵⁶. В Уложении царя Алексея Михайловича (1649 г.) о ссылке в Сибирь упомянуто лишь однажды, в качестве наказания для московских посадских людей за самовольную приписку себя к различным лицам и учреждениям: «...А будет они впредь учнут за ково закладываться и называться чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказанье, бити их кнутом по торгом и сыслати их в Сибирь на житье на Лену»⁷⁵⁷.

Между тем присоединение Сибири открыло новый край для ссылки и дало правительству возможность воздерживаться от смертной казни и «членовредительных» наказаний, способствуя в то же время «...заселению этого обширного и обильного естественными богатствами края, нуждающегося в рабочих силах...»⁷⁵⁸. Особенное развитие получает это наказание в XVII веке. С этого времени ссылка в Сибирь на каторгу и поселение приобрела общезаконодательный характер⁷⁵⁹. Посредством удаления в Сибирь преступников (политических и уголовных, в равной степени) правительство решало сразу две задачи: карательную и колонизационную. В конечном итоге ссылке принадлежит немалое экономическое значение в освоении окраин империи. Не случайно еще в указах Алексея Михайловича четко предписывалось за воровство «казни не чинить, а ссылать в Сибирь на вечное житье (выделено мной. – И. Д.)»⁷⁶⁰. В последующие несколько десятилетий происходит законодательное закрепление подобной практики. При этом ссылка выступала в качестве самостоятельного наказания⁷⁶¹.

⁷⁵⁶ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Спб., 1900. С. 1.

⁷⁵⁷ ПСЗ-1. Т. 1. Соборное Уложение. Гл. XIX. § 13.

⁷⁵⁸ Высочайшее повеление о создании Комиссии для разработки мероприятий по отмене ссылки // Тюремный вестник. 1899. № 5. С. 188.

⁷⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 1. № 105, № 343; № 441, §§ 8, 24, 47, 84, 104; Анучин А.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб., 1873. С. 5.

⁷⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 1. № 343.

⁷⁶¹ Там же. Т. 2. № 772, 970.

Нередко ссылка практиковалась как политическая мера: например, к участникам псковского бунта 1650 г., бунта 1662 г., к сообщникам Стеньки Разина и т. д. Она же встречается и в виде меры против раскола, как, например, ссылка в 1660 г. знаменитого Аввакума, оставившего описание своего бедственного путешествия по странам даурским⁷⁶².

Нередко ссылка выступала в качестве меры помилования. Например, в указе 1691 г. четко предписывалось: «Которые люди... по их государскому указу и по соборному уложению и по особым статьям, по градским законам и в сыском приказе довелись смертные казни, а той казни им не учинено, и тех воров указали они, Великие Государи, вместо смертных казни, пятнать и ссылать» (выделено мной. – И. Д.)⁷⁶³.

Ссылные направлялись в разные окраинные и понизовые места, позднее в Сибирь; но по большей части в законе не определялось место ссылки, что давало возможность направлять ссылных туда, где существовала потребность в рабочих руках. В Московском государстве почти не было непроизводительной ссылки: ссылаемые «в службу», «в посад» и «на пашню» по прибытии на место одинаково тотчас шли в дело – кто на пашню, кто для делания засек и просек, а кто и прямо на то же государево дело, на котором он прежде проворовался. Ссылным пашенным людям отдавалась земля и давалась ссуда на пашню, на заведение домашнего хозяйства. Только в редких случаях опалы ссылные заключались на месте ссылки в тюрьмы⁷⁶⁴.

Окончательное юридическое оформление система ссылки воров и разбойников вместе с семьей прямо на сибирские пашни получила во времена Петра Первого⁷⁶⁵. В XVIII в. происходит дальнейшее развитие нормативной

⁷⁶² Житие протопопа Аввакума.

⁷⁶³ ПСЗ-1. Т. 3. № 1404.

⁷⁶⁴ Таганцев Н.С. Уголовное право. [Электронный ресурс] URL: www.allpravo.ru (дата обращения: 18.02.2005).

⁷⁶⁵ ПСЗ-1. Т. 2. № 1002, 1004.

базы сибирской ссылки. Связано это было, прежде всего, с возросшим экономическим значением региона для империи в целом. Открытие и начавшаяся разработка даурских серебряных рудников, развитие горнорудной промышленности в Нерчинске, и, как следствие, — дефицит рабочих рук повлекли за собой появление целого ряда указов об отправке осужденных на каторгу на сибирские казенные заводы⁷⁶⁶. Параллельно с этим идет постепенное расширение перечня преступлений, наказанием за которые следует ссылка в Сибирь. К таковым стали относиться нищенство, побегі солдат, членовредительство и бродяжничество⁷⁶⁷.

В 1753 г. в России была отменена смертная казнь и заменена вечной ссылкой в Сибирь⁷⁶⁸. Вслед за этим последовал указ 1762 г., в соответствии с которым помещикам было разрешено ссылать своих крестьян (вместе с женой и детьми) в Сибирь, засчитывая их вместо рекрутов⁷⁶⁹.

В последней четверти XVIII в., с открытием горных заводов в Екатеринбурге и суконной фабрики в Иркутске, вновь встала проблема обеспечения производства рабочими, что повлекло за собой очередной цикл указов о ссылке. В частности, для обеспечения стабильной работы на суконную фабрику следовало отсылать всех женщин, направляемых в ссылку⁷⁷⁰.

⁷⁶⁶ ПСЗ-1. Т. 6. № 3955. О ссылке преступников на даурские серебряные заводы; № 4111. Правила об употреблении преступников на казенных заводах; Т. 7. № 5383. Об отсылке на сибирские казенные заводы каторжных, находящихся в Москве; Т. 8. № 6205. Распределение преступников на работы в разных казенных заводах; Т. 9. № 6830, 6867. Об отправке в Сибирь всех преступников, подлежащих вечной ссылке и о распределении их на казенных заводах; Т. 9. № 6835. О распределении на заводские работы раскольников.

⁷⁶⁷ ПСЗ-1. Т. 8. № 5441, 5611, 5632. Т. 9. № 6406.

⁷⁶⁸ Там же № 10086.

⁷⁶⁹ Там же. № 9643. О ссылке в Камчатку фабричных по просьбе господ; Т. 15. № 11116. О приеме в Сибирь на поселение людей от помещиков, а также дворянских, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян.

⁷⁷⁰ ПСЗ-1. Т. 20. № 14286. Об отсылке преступников по-прежнему в Сибирь и Оренбург; Т. 25. № 18437. Об отправлении преступников в Екатеринбург; Т. 26. № 19409, 19529, 19564, 19593, 19641; Т. 24. № 17844. О ссылке на Иркутскую суконную фабрику.

В начале XIX столетия идет постепенное (при этом стабильное) увеличение числа преступлений, наказанием за которые полагалась ссылка в Сибирь⁷⁷¹.

Самым тесным образом с ссылкой была связана каторга. Термин каторга происходит от греческого «галера» – гребное судно, на которое преступники ссылались в гребцы. Работа на галерах являлась одной из самых распространённых форм подневольного труда преступников в средние века почти во всех странах Европы. Постепенно во всем мире каторжные работы становятся особым видом наказания, при котором заключенные привлекались к тяжелому физическому труду. В России каторга появилась на рубеже XVII–XVIII вв. Изначально под ней подразумевалась отдача на тяжелые принудительные работы по строительству портов и крепостей. Затем труд каторжан стали использовать на постройке кораблей и гаваней. Каторжный труд играл большую роль во всех постройках и сооружениях первой половины XVIII столетия. Позднее появляются работы рудниковые и заводские. В Сибири каторжные работы начинаются с начала XVIII века, с открытием даурских рудников и горных работ в Нерчинске.

Каторжные работы назначались, во-первых, вечно, так что прекращались только в случае смерти, дряхлости или увечья осужденного. По Указу 19 декабря 1707 г.⁷⁷² дряхлых и увечных надлежало отсылать в монастыри, где, заковав их в кандалы, держать в вечных работах; но позднее такие лица по освобождении из тюрем отсылались в Сибирь на пропитание. Во-вторых, каторга назначалась срочная, от 1 года до 20 лет, причем по Указу 1721 года каторжные по отбытии наказания возвращались на прежние места жительства, а по другим,

⁷⁷¹ ПСЗ-1. Т. 26. № 19409. О ссылке в Сибирь евреев, не платящих подати по три года и бродяг из иностранцев; № 19593. О ссылке нижних воинских чинов за неоднократные временные преступления; Т. 32. № 25170. О ссылке в Сибирь за дурное поведение, мещан и государственных крестьян, в случае негодности их в военную службу; № 25581. О ссылке помещичьих крестьян, за порубку лесов, в случае негодности в военную службу.

⁷⁷² Там же. № 2179.

позднейшим, указам подлежали ссылке на поселение⁷⁷³. Первая попытка распределения работ по важности преступлений была сделана лишь при императоре Павле I. Указом 1797 г. преступники были разделены на три разряда: первый следовало отсылать в Нерчинск и в Екатеринбург на работу в рудники на добычу золотых и серебряных руд и драгоценных камней; второй разряд – в Иркутск на местную суконную фабрику, а за отсутствием на фабрике рабочих мест – на поселение, третий разряд – осужденных в смиренные и рабочие дома и другие казенные работы – отсылать к крепостным строениям; но это различие не представляло чего-либо точно определенного; так, в следующем же году было разъяснено, что в крепостные работы можно направлять только мужчин, осужденных в рабочие дома на большие сроки⁷⁷⁴.

Неопределенным оставалось отношение каторжных работ к ссылке на поселение; так, например, в соответствии с законом 14 января 1704 г. надлежало: а) виновных в убийстве, измене и бунте «казнить смертью»; б) всех прочих «преступников, подлежащих смертной казни, вместо оной бить кнутом и по заклеимении ссылать вечно на каторгу»; и в) тех, «которые по закону подлежат телесному наказанию и дальней ссылке, ссылать на каторгу на 10 лет без наказания»⁷⁷⁵. С этого времени и до Екатерины II распространяется практика объединения ссылки на поселение с каторжными работами. При этом отдельно ссылка назначается только в виде исключения, например, указом 30 января 1725 года преступников, «кои за их вины ноздри выняты и уши и носы резаны и руки сечены», велено ссылать в Сибирь на вечное житье⁷⁷⁶.

⁷⁷³ В качестве примера можно привести указ 1788 г. (ПСЗ-1. № 16621), в соответствии с которым для обработки казенных пашен при Нерчинских заводах надлежало селить при самих заводах и таких преступников, которые еще способны к каторжным работам, если они пробыли в работе не менее 5 лет и «пришли в раскаяние о своем преступлении и подали явные тому опыты добропорядочной жизнью и устройством своего хозяйства».

⁷⁷⁴ ПСЗ-1. № 18140; Таганцев Н.С. Уголовное право. Там же.

⁷⁷⁵ Там же. № 1957.

⁷⁷⁶ там же. № 4645.

Однако во времена Екатерины II поселение снова является как самостоятельное наказание, с ярко выраженным стремлением к колонизации Азиатской России, а отчасти и Оренбургского края. Правительство предписывало отводить ссыльным земли, давать семена и инструменты, освобождать на первое время от податей. Ссылные сажались на казенную пашню, а неспособные причислялись к селениям старожилов. Однако эта система не была четко организована. Поэтому на протяжении XVII–XVIII вв. шли вечные пререкания московского правительства с сибирскими воеводами о том, что они «по ссыльному делу плутуют, своевольничают и корыстуются». Не помогла и жестокая расправа Петра в 1721 г. с первым сибирским губернатором князем Гагариным; за ним следовали такие не менее памятные в истории Сибири деятели, как Пестель, Трескин и их помощники – Лоскутов, Белявский⁷⁷⁷. Кроме того, ссылка страдала отсутствием «правильной организации», что приводило к страшным беспорядкам на месте и делало призрачными все предположения правительства о колонизации азиатской окраины.

Ситуация изменилась лишь с прибытием в Сибирь нового генерал-губернатора М.М. Сперанского. Будучи в течении двух лет в крае, на основе материалов, полученных во время ревизии, он разработал проект «Учреждения для управления Сибирских губерний» – своего рода первый в истории империи свод комплексного регионального законодательства. Составной частью «Учреждения» стали Уставы о ссыльных и об этапах⁷⁷⁸. Плачевное состояние сибирской ссылки, фактически отсутствие надзора за ссылаемыми в край преступниками – все это побудило Сперанского разработать ряд нормативных актов, регламентирующих положение ссылки и самих ссыльных. Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не

⁷⁷⁷ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 88–101.

⁷⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125, 29128, 29129.

только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу⁷⁷⁹.

Устав о ссыльных, явившийся первым опытом кодификации российской ссылки, имел громоздкую систему. Он состоял из 33 глав, 435 параграфов. Несмотря на это, Устав учреждал достаточно стройную систему управления ссыльными. Не случайно он был положен в основу всех последующих законов о ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Ссылка четко определялась в двух видах: 1. «На каторгу» и 2. «На поселение». И то, и другое определялось исключительно «приговором суда». В Тобольске учреждался приказ о ссыльных, состоящий из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных «во всех местах находящихся» до их окончательного водворения. Таким образом, прием ссыльных начинался в Тобольском приказе, а заканчивался в Иркутской экспедиции⁷⁸⁰.

Устав определил соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев авторы Устава обратили особое внимание.

Ссылаемые на поселение разделялись на шесть категорий: 1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные⁷⁸¹.

⁷⁷⁹ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 159.

⁷⁸⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 1, 2, 33, 156–158, 219.

⁷⁸¹ Там же. § 193.

С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных⁷⁸². По прибытии в губернию ссыльные поступали в ведение местной экспедиции о ссыльных, которая распределяла их «по разным хозяйственным заведениям». Для осуществления над ними надзора по усмотрению Главного управления (фактически, генерал-губернатора) «назначается потребное число городских казаков». При этом подчеркивалось, что надзор за ссыльными (в том числе ссыльнокаторжными) «зависит от местного управления каждым заведением»⁷⁸³. Впервые были введены нормы имущественного и семейного характера для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой. В частности, Устав предполагал либо выдачу кормовых денег (из казначейства), либо продуктов — «по усмотрению генерал-губернатора»⁷⁸⁴. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Летняя форма одежды состояла из двух рубаш, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год)⁷⁸⁵.

Таким образом, Устав четко закреплял двойственную природу наказания: каторга и ссылка. Здесь следует иметь в виду, что понятие ссылки в России представлялось сложным; что под общим именем ссыльных, идущих ежегодно в Сибирь по этапу, подразумевалось несколько совершенно различных категорий. В этом отно-

⁷⁸² ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 21, 233–237.

⁷⁸³ Там же. № 29128. § 21, 233–237.

⁷⁸⁴ Там же. § 201, 214, 416.

⁷⁸⁵ Там же. § 144–147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к уставу о ссыльных.

шении прежде всего нужно различать ссылку судебную и административную. Ссылка судебная подразделялась на ссылку в каторгу, на поселение, на жительство (до Закона 1900 г.) и на водворение. Принудительное административное переселение в Сибирь (административная ссылка) также делилось на высылку в Сибирь переданных в распоряжение правительства мещанскими и крестьянскими обществами, высылку не принятых обществами по выходе из арестантских отделений и ссылку административно-политическую, в интересах общественной безопасности.

Двойственность природы наказания обусловило появление и развитие двух систем управления осужденными: управление поселением и управление каторгой. Управление поселением строилось на основе общей системы управления Азиатской Россией, разработанной М.М. Сперанским и утвержденной в 1822 г. Она представляла собой вертикаль власти, которая подразделялась на несколько уровней управления: главное, губернское, окружное, волостное и инородное⁷⁸⁶. Функции управления ссылкой распространялись на все уровни управления, в зависимости от их властной компетенции.

Высшую ступень – главное управление – составлял сам генерал-губернатор⁷⁸⁷. Наделенный исключительно широкими полномочиями, он осуществлял контроль над деятельностью всех подчиненных учреждений в пределах вверенного им генерал-губернаторства, в том числе органов управления каторгой и ссылкой, которые находились в рамках его компетенции. Генерал-губернатор через подчиненных чиновников обеспечивал прием, распределение, сопровождение и в конечном итоге надзор за расположенными на подведомственной территории учреждениями пенитенциарной системы. По вопросам политической ссылки генерал-губернаторы подчинялись начальнику Третьего отделения, а через него – импе-

⁷⁸⁶ ПСЗ-1. Т. 38. § 4, 5.

⁷⁸⁷ Подробнее см. гл. 2. § 4.

ратору. На основе анализа «Сибирского учреждения» и Устава о ссыльных можно сделать вывод о том, что компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов. Генерал-губернаторская власть выступала прежде всего в качестве органа надзора⁷⁸⁸.

Губернский уровень управления возглавляли губернаторы (гражданские либо военные)⁷⁸⁹. Военным губернаторам была подчинена, наряду с гражданской, военная администрация подведомственной территории и расположенные в ней внутренние войска. В частности, военный губернатор Забайкальской области являлся одновременно и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска⁷⁹⁰.

Компетенция губернатора была проекцией властных полномочий генерал-губернатора, ограниченной рамками губернии (области). В юрисдикцию губернатора в части управления ссылкой и каторгой входили подготовка необходимых документов прибывающим партиям ссыльных, а также административно-полицейские и хозяйственные вопросы, такие как снабжение ссыльных одеждой и продовольствием, распределение ссыльных по заводам и «разным хозяйственным заведениям». Все дела в части управления ссылкой на губернском уровне аккумулировались в экспедиции о ссыльных, которая являлась одним из отделений губернского правления⁷⁹¹.

Таким образом, на губернаторов было возложено не только управление подчиненными полицейскими учреждениями, но и проверка исходящей и поступающей корреспонденции, регулирование контактов с родственниками и прочее.

Губернаторы через генерал-губернатора подчинялись министерству внутренних дел, однако на практике они

⁷⁸⁸ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 110–111.

⁷⁸⁹ ПСЗ-И. Т. 26. № 25494, 25395.

⁷⁹⁰ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 147.

⁷⁹¹ ПСЗ-И. № 29125. § 33, 43, 44; № 29128. § 205, 214, 233–237.

находились в ведении Третьего отделения и начальника Сибирского жандармского округа, осуществлявшего контроль за функционированием местной администрации и соблюдением режима каторги и ссылки⁷⁹².

Третье отделение получало сведения о состоянии ссылки и ссыльных не только через генерал-губернаторов, но и через своих жандармов. В частности, в 1828 г. с ревизией в Сибирь был направлен начальник второго отделения пятого округа корпуса жандармов, полковник Маслов. А.Х. Бенкендорф приказывал ему «разведать с точностью, подробностью и осторожностью все обстоятельства до образа жизни ссыльных относящихся, круг деятельности их, обыкновенные разговоры и суждения, а более всего тот оборот мыслей, который они произвели в местах нового их пребывания»⁷⁹³.

В соответствии с реформой М.М. Сперанского, сибирские губернии подразделялись на более мелкие административно-территориальные единицы – округа. По количеству проживающих в них людей «Учреждение» Сперанского 1822 г. выделяет 3 вида округов: многолюдные с полным комплексом административных учреждений, средние (сокращенное управление) и малолюдные, все управление в которых сосредоточивалось в руках земского исправника⁷⁹⁴. Земские суды (в составе земского начальника и нескольких заседателей – от двух до четырех, в зависимости от населенности и площади округа) осуществляли гласный полицейский надзор за ссыльными: «распределение ссыльных по их назначению, надзор в их провождении и водворении». При этом в округах, где имелись поселения ссыльных, смотритель поселения присутствовал в земском суде «на праве заседателя»⁷⁹⁵.

⁷⁹² Положением 28 апреля 1827 г. вся территория империи была разделена на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX. Омск, 1995. С. 121.

⁷⁹³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 29. Л. 8.

⁷⁹⁴ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. § 58–60.

⁷⁹⁵ Там же. § 68, 70–79.

В городах надзор за поселенцами осуществляли управы благочиния и порядка во главе с полицмейстерами и городские управы с городничим⁷⁹⁶.

Одновременно с этим Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении ссыльных в Сибирь – Устав об этапах, коренным образом изменивший порядок отправления осужденных в Сибирь. Устав об этапах (13 глав, разбитых на 199 параграфов) определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд⁷⁹⁷. Заметим, что реализация уставов о ссыльных и об этапах в части управления поселением была затруднена рядом объективных обстоятельств. В частности, попытка Сперанского обеспечить ссыльных работой сразу же оказалась несостоятельной. Фабрики и заводы, переполненные каторжными, уклонялись от приема ссыльных, и во всей Западной Сибири только на одной омской суконной фабрике работали ссыльные, но и там их число было незначительно (в 1837 г. не более двухсот); разряд дорожных работников фактически не существовал и вскоре (в 1828 г.) был упразднен. Ремесленные дома были упразднены в Томске в 1830 г.; а в 1836 г. функционировал только иркутский дом, но и он приходил в упадок, и в 1852 г. в нем было всего 56 мужчин и 42 женщины, а доход с него составил всего лишь 86 копеек (прежде этот показатель составлял порядка 3000 рублей). Цех же слуг, по заявлению генерал-губернатора Горчакова, падал сам собою от основательной недоверчивости жителей к людям развратным⁷⁹⁸.

Начальник иркутского губернского жандармского управления полковник Янковский весьма жестко отзывался в своем донесении по поводу сложившейся ситуации. Часть сибирского населения, «которую правильнее называть *ржавчиной* или *паразитом общества* (выде-

⁷⁹⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 311; № 29125. § 107–110, 112. § 9, 12; § 126, 127, 130–132.

⁷⁹⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29129.

⁷⁹⁸ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Там же.

лено мной. – И. Д.) – это сосланные на поселение. Эти отверженные... представляя собой самое жалкое сословие, не приносящее себе никакой пользы и поставленное в исключительное положение – вредит вместе с тем и остальным, как бесполезное бремя общества и как главный источник всевозможных преступлений... сосланные в чуждый, неприветливый край, они мыкаются из угла в угол, не находя себе нигде радушия и пристанища...» Поэтому он предлагал «избрать единственным местом для каторжных и поселенцев Сахалин» – работать на угольных коях и заниматься огородничеством⁷⁹⁹.

Рядом с праздностью каторжных нельзя не отметить и отсутствия надзора за ними, выражавшееся в невероятном количестве побегов. В Енисейской губернии, например, с 1828 по 1833 гг. было в бегах: с канского завода 259 человек из 285, а с Троицкого солеваренного – 290 из 680. Побегі стали настолько привычным явлением, что бывали случаи, когда сам начальник завода при приеме партии выкрикивал: «Кто хочет оставаться, получай одежду, а кто в бега, тому незначем!»⁸⁰⁰ Устойчиво высокий процент беглых был отличительной чертой сибирской ссылки.

Данные об общем количестве ссыльных в Сибири в XVII и XVIII столетиях неизвестны. Примерные цифры имеются только с 1807 г., а более точные – с 1882 г. Всего же сослано с 1807 по 1823 г. – 46 474, с 1824 по 1886 г. – 672 856, с 1887 по 1898 г. – 157 191, а всего – 876 521⁸⁰¹. При этом к 1 января 1898 г. в бегах («безвестной отлучке») числилось: в Енисейской губернии – 22,65 % ссыльных, в Иркутской – 40,95 %, в Забайкальской области – 23,44 %, в Якутской – 24,66 %, Амурской – 71, 27 %, в Приморской области – 85, 82 %⁸⁰².

⁷⁹⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 50. Д. 80. Л. 13 об.–15.

⁸⁰⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 270.

⁸⁰¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 525. Л. 1 об.–2, 13–18; Анучин А.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь... С. 17–23.

⁸⁰² Марголис А.Д. Тюрма в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995. С. 37.

Массовые побеги заключенных вызывали серьезные опасения со стороны местных властей, и прежде всего генерал-губернаторов, в ведении которых находилось управление каторгой и ссылкой. В частности, первый преемник М.М. Сперанского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинский выразил свою озабоченность этим вопросом в записке от 2 сентября 1833 г., в адрес «Верховного правительства»⁸⁰³.

К этому времени ее автор имел 11-летний опыт управления огромным сибирским краем. Именно на период нахождения Лавинского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири пришлось начало ссылки декабристов и поляков, увеличение уголовной и административной ссылки⁸⁰⁴. Прежде всего, Лавинский отмечал отсутствие должного надзора за ссылаемыми в Сибирь преступниками. Заводы и фабрики, на которые по Уставу 22 июля 1822 г. отсылались осужденные на каторжные работы, в связи с резким увеличением числа последних, вскоре исчерпали свою потребность в рабочей силе. Поэтому значительная часть заключенных (до 50 %) оставалась «без дела на казенном содержании». У Лавинского вызывало беспокойство, что ссыльные оставались не только «без дела, но и главным образом, без надзора, который воинская охрана при заводах, в силу своей малочисленности и обязанности охранять магазины, кладовые и пр., не могла осуществлять должным образом»⁸⁰⁵.

Ссылаемые на поселение, будучи распределенными «по волостям для переселения к деревням старожилов», подчинялись, «наравне с оседлыми крестьянами», только земскому и сельскому начальствам. Поскольку местная администрация состояла из небольшого числа служащих, постольку было очевидно, «что три или четыре человека в целом округе за многими тысячами, равно

⁸⁰³ ГАРФ. Ф. 109. (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. 1833. Д. 253.

⁸⁰⁴ В 1822–1831 гг. количество ссыльных в Сибири составляло 91 709 человек, из них 1032 – по политическим мотивам // Кодан С.В. Сибирская политическая ссылка в карательном механизме самодержавия в 1825–1861 гг. Дисс. канд. юрид. наук. М., 1986. С. 38.

⁸⁰⁵ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 8–8 об.

как несколько человек в волости за сотнями ссыльных, иметь надзора вовсе не могут».

Следствием отсутствия должного надзора стали постоянные побегі ссыльных с заводов и поселений и рост числа преступлений с их участием (грабежи, воровство, убийства). Лавинский отмечал отсутствие у ссыльных страха перед наказанием, которое было «ограничено законом до известной степени» и не могло «служить верным средством к их обузданию».

Поэтому в своей записке генерал-губернатор предлагал наказывать по полемому уголовному уложению ссыльных, совершающих новые преступления, полагая это единственным способом к сокращению числа таковых⁸⁰⁶. Однако правительство проигнорировало предложения генерал-губернатора. Лишь спустя несколько лет они были реализованы на практике. Для предотвращения различного рода «тяжких преступлений и... и злодеяний», а также «сохранения спокойствия и безопасности в Сибири» именным рескриптом Николая I генерал-губернатору В.Я. Руперту (а затем и Н.Н. Муравьеву как его преемнику) было предоставлено право ссыльных-рецидивистов «предавать военному суду». При этом prerogative окончательного утверждения приговоров по подобного рода преступлениям принадлежала именно генерал-губернатору⁸⁰⁷. Заметим, что эта мера не особо внушала страх ссыльным, которые, по словам генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, «проникают повсюду, наталкивая на порок и взрослых, и детей». Среди наиболее часто совершаемых ссыльными преступлений были кражи – 56 %, бродяжничество – 14 %, убийства – 8 %, нанесение ран – 4 %, грабежи – 3 % и поджоги – 2 %⁸⁰⁸. Тобольский губернатор В.А. Арцимович писал, что «местные власти, при настоящем положении полицейского управления, лишены возможности достигнуть... исправления ссыльных и устройства их, а

⁸⁰⁶ ГАРФ. Ф. 109. Там же. Л. 9–9об.

⁸⁰⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 1723. Л. 1–4 об.

⁸⁰⁸ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 525. Л. 7, 10–12.

также не могут и оградить коренного населения от вредного влияния порочных пришельцев». Арцимович искренне сожалел, что «...нельзя еще ныне уничтожить... ссылку в Сибирь...»⁸⁰⁹ К вопросу ограничения ссылки имперское правительство обратилось только в конце 90-х гг. XIX столетия, когда пришло к пониманию, что сибирская ссылка есть не что иное, как наследие средневекового прошлого, некогда эффективная, но уже отжившая форма карательной политики, противоречащая новым социально-экономическим условиям⁸¹⁰. В отличие от управления поселением, жительством и административной ссылкой, управление каторгой представляло более сложную систему администрирования. Это было обусловлено наличием не только общих, но и специальных (особых) органов управления. Основным местом содержания ссыльнокаторжных в Сибири была Нерчинская каторга, учрежденная в начале XVIII в. при управлении Нерчинского горного округа Кабинета Его Императорского Величества (Кабинета е.и.в.) Изначально она была уголовной, но со времен ссылки декабристов стала политической⁸¹¹. С начала XVIII в. и до начала XIX в. не существовало особого (специального) управления Нерчинской каторгой. Она находилась в компетенции органов управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья, и таким образом, соответственно, в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири. Ситуация изменилась в 1826 г., когда император Николай I издает, в связи с открытием следствия по делу декабристов, распоряжение об учреждении при Нерчинских рудниках особого комендантского управления⁸¹². С этого момента в управлении Нерчинской каторгой создается новый уровень управления, обусловленный параллель-

⁸⁰⁹ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 13–14.

⁸¹⁰ Марголис А.Д. Тюрма в императорской России... С. 14.

⁸¹¹ Мошкина З.В. Управление Нерчинской политической каторгой (вторая половина в.) // Российское общество и власть в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина. М., 2004. С. 140.

⁸¹² ГАРФ. Ф. 109. Д. 61. Ч. 5. Л. 12.

ным существованием каторги уголовной и политической. Наличие «специальных элементов» управления коренным образом отличало политическую ссылку от уголовной⁸¹³. Таким образом, именно необходимость надзора за «государственными преступниками» обусловила учреждение специальных органов управления на каторге, которые, в основе своей, были фактически независимы от местных властей. Создавалась особая система управления политической ссылкой, подчиненная через III Отделение лично императору⁸¹⁴.

Между тем первые партии декабристов были отправлены в Нерчинск уже летом того же года. Поэтому общий надзор над ними был временно поручен общей администрации: генерал-губернатору А.С. Лавинскому и иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейдлеру. Непосредственный надзор осуществляли начальники заводов, заводской конторы и полиция⁸¹⁵.

Однако прибытие первых «государственных преступников» оказалось для местной администрации полной неожиданностью. Более того, генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский не был даже поставлен об этом в известность. Прибыв летом 1826 г. в Москву на коронацию Николая I, он вынужден был обращаться в Главный штаб за разъяснениями, а затем был приглашен принять участие в деятельности Особого комитета 31 августа 1826 г., который определил правовое положение ссылных декабристов⁸¹⁶.

Процесс формирования Нерчинского комендантского управления занял несколько месяцев — до конца 1826 — начала 1827 гг. В окончательном виде оно представляло собой военно-полицейское тюремное учреждение для

⁸¹³ Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылочные революционеры в Сибири. Иркутск, 1991. Вып. 12. С. 89.

⁸¹⁴ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 187.

⁸¹⁵ Кубалов Б.Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. Иркутск, 1925. С. 6–28; Сибирский архив. 1912. Т. 1. № 3. С. 200–203.

⁸¹⁶ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 69–73.

надзора в Сибири за так называемыми «государственными преступниками». Возглавлял управление комендант, который стоял вне восточносибирской административной иерархии и подчинялся непосредственно начальнику Главного штаба и начальнику III Отделения. Первым Нерчинским комендантом стал генерал-майор С.Р. Лепарский⁸¹⁷.

Нерчинское комендантское управление было создано для непосредственного руководства политической каторгой, соответственно, Сибирский комитет и министерства фактически отстранялись от управления политической ссылкой.

Основным нормативным актом, регулирующим деятельность нового управления, являлась «Инструкция коменданту, при Нерчинских рудниках учреждаемому». В соответствии с этим документом, коменданту предоставлялись исключительно широкие права в части надзора за каторжными: сосланные в каторжную работу «государственные преступники... состоят в полном ведении коменданта». Более того, инструкция особо подчеркивала полную независимость коменданта от генерал-губернатора Восточной Сибири: «комендант сей подчинен только начальнику главного штаба, коему во всех делах рапортует и получает от него разрешения», и отправляет подробные отчеты и «ведомости о прибыли и убыли... преступников»⁸¹⁸.

Местным сибирским властям предписывалось оказывать полное содействие Нерчинскому коменданту. Более того, представители местной власти (в равной степени гражданской, военной либо горной) были обязаны, в случае возникновения чрезвычайной ситуации (заговора, бунта и т. д.), незамедлительно оказывать коменданту помощь⁸¹⁹.

⁸¹⁷ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 188.

⁸¹⁸ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4\832. Д. 40. § 23, 24.

⁸¹⁹ Там же. § 27.

Надзор за деятельностью комендантского управления осуществлял Главный штаб, однако несколько позже (с 1828 г.) и Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии.

Таким образом, Нерчинский комендант был изъят не только из подчинения восточносибирскому генерал-губернатору, но и министерству императорского двора, которому до 1830 г. подчинялись Нерчинские горные заводы. Горные же чиновники, напротив, обязаны были выполнять все требования коменданта. Функции горной администрации свелись лишь к организации каторжных работ декабристов. Нерчинская комендатура отчасти заменяла собой прежнее руководство Нерчинской каторгой. Восточносибирский генерал-губернатор А.С. Лавинский, как человек невоенный, старался не приезжать на Петровский Завод, где были размещены ссыльные декабристы, только из-за того, что С.Р. Лепарский не был под его началом. Между тем сменивший А.С. Лавинского генерал-лейтенант Н.С. Сулима, стоявший на чиновничьей лестнице значительно выше С.Р. Лепарского, посещал «государственных преступников», а последний обязан был его сопровождать⁸²⁰.

Следует отметить, что каторжные работы политических ссыльных не преследовали каких-либо экономических целей и не имели хозяйственного значения. Более того, декабристы, находящиеся в подчинении Нерчинского комендантского управления (в Чите и Петровском Заводе), к каторжным работам в полном смысле этого слова не привлекались. Засыпка канав, уборка улиц и помещений никак не попадали под понятие «каторжных работ». Подобного рода «привилегии» объяснялись достаточно просто. Имперские власти опасались ослабления надзора за «государственными преступниками» во время их работ на рудниках среди массы уголовных элементов. Именно задачи изоляции декабристов обуславливали

⁸²⁰ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. Указ. соч. С. 188.

удаление их от рудниковых и заводских работ, а также содержание в особых тюрьмах. При этом ссылаемые в Сибирь различные категории преступников до 1826 г. практически не знали тюремного заключения. Даже каторжные жили традиционно в казармах и обязывались к явке в работы⁸²¹. Именно несостоятельность каторжной системы обеспечивала трансформацию труда на каторге для «государственных преступников» в формальность. Прямым следствием подобной ситуации стала замена каторжного содержания тюремным⁸²². Император Николай I в июле 1826 г. распорядился разработать проект специальной тюрьмы на территории Нерчинского горного округа. Первой политической тюрьмой в Сибири стала Петровская тюрьма для «государственных преступников». Традиционно тюрьмы строились на крупных рудниках и получали одноименное название. Наиболее крупными тюрьмами Нерчинской каторги были Зерентуйская, Кадаинская, Алгачинская и Акатуйская. В 80-х гг. XIX в. в Нерчинском округе были выстроены новые тюрьмы – Кутомарская и Мальцевская⁸²³. Однако Нерчинские заводы не были единственным местом содержания каторжных. С 1838 г. началась активная разработка Карийских золотых промыслов силами уголовных каторжных. Для их размещения по всему течению реки Кары были выстроены тюрьмы на Усть-Каре, Амурская, а также одноименные на приисках: «Нижнем», «Среднем» и «Верхнем». Управление Карийским каторжным округом находилось на «Нижнем» промысле. С 1783 г. Карийская каторга становится новым местом сосредоточения «государственных преступников»⁸²⁴. Четыре каторжных завода размещались на территории Иркутской губернии: Усольский солеваренный, Николаевский железодельный и Илгинский солеваренный. Особое

⁸²¹ Кодан С.В., Шостакович Б.С. Указ. соч. С. 91–92.

⁸²² Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга... С. 17.

⁸²³ Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 2. М., 1931. С. 583.

⁸²⁴ Там же. Т. 2. С. 533; Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга... С. 20.

место среди них занимал Александровский каторжный винокуренный завод. Он был выстроен в 1787 г. На заводе работало порядка тысячи каторжан и выкуривалось 500 тыс. ведер вина в год. Жили каторжане в деревянном бараке, обнесенном частоколом. Летом 1871 г. завод был упразднен, а в его зданиях разместили центральную каторжную тюрьму Александровский централ. При этом центральная каторжная тюрьма начала строиться летом 1872 г. силами заключенных. С ноября 1878 г. тюрьма стала полностью функционировать. Александровский централ снабжал рабочей силой Иркутск, Усольский солеваренный завод, Нерчинские рудники и пр.⁸²⁵

По поводу дальнейшего существования Нерчинского управления следует заметить, что после смерти С.Р. Лепарского (1837 г.) оно переходит в жандармское ведомство. На должность коменданта был назначен жандармский полковник Г.М. Ребиндер. Нерчинское комендантское управление просуществовало до июля 1839 г. Его упразднение было обусловлено окончанием срока каторжных работ и переводом ссыльных декабристов на поселение: «...комендантское управление... упразднить... Дела... передать в III Отделение...»⁸²⁶

Нерчинское комендантское управление было создано специально для ведения «государственных преступников» – декабристов. Со времени декабристов каторга и ссылка становятся основным карательным механизмом имперских властей. В Сибирь отправляли и польских ссыльных, и других «политических». Они отбывали ссылку на иркутских солеваренных и винокуренных заводах. Поэтому управление ими образовывало фактически две независимые друг от друга системы. В последнем случае органы управления политическими ссыльными совпадали с органами управления поселениями. В компетенцию гражданского губернатора входило обеспечение режима каторги, а казенная палата занималась

⁸²⁵ Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г. Минск, 1971. С. 34–35, 92–93.

⁸²⁶ ГАРФ. Ф. 109. Д. 61. Ч. 5. Л. 154–157, 182, 183.

собственно организацией работ. Для осуществления собственно надзора назначались «особые чиновники-ревизоры», действовавшие от имени губернатора⁸²⁷. Возглавлял пирамиду управления политическими каторжными генерал-губернатор.

Несмотря на исключительно широкие полномочия генерал-губернатора, его компетенция, как уже отмечалось, не распространялась на Нерчинское комендантское управление, а также на администрацию Нерчинского горного управления (до 1830 г.), в ведении которого находилась Нерчинская каторга.

Между тем в первой четверти XIX в., в связи с истощением запасов серебра, Нерчинские рудники становятся нерентабельными. Поэтому, чтобы избавиться от убыточных заводов, указом 14 апреля 1830 г. происходит их передача в ведение министерства финансов. При этом «...Нерчинские заводы, ввиду отдаленности их, отдать в главное местное управление и оставить на ответственности генерал-губернатора Восточной Сибири»⁸²⁸. Таким образом, была произведена передача заводов в казну, а управление ими было возложено на генерал-губернатора Восточной Сибири.

В результате этого горный начальник утратил свою независимость от сибирской администрации. Таким образом, Нерчинская горная экспедиция (переименованная в 1838 г. в Нерчинское горное управление) оставалась местным органом управления рудниками и заводами⁸²⁹. Занимаясь по-прежнему вопросами управления ссыльнокаторжными, экспедиция находилась в подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири, сосредоточившего, таким образом, в своих руках управление политической каторгой.

⁸²⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 19–21, 37, 214, 233, 237.

⁸²⁸ ПСЗ-2. Т. 6. № 3604.

⁸²⁹ ПСЗ-2. Т. 13. № 11122; Клер Л.С. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX веков // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 19.

В 40–50-х гг. XIX в. сложный и динамичный процесс интеграции Сибири в систему общероссийских политических, экономических и иных связей оказал непосредственное воздействие на трансформацию правительственных взглядов на задачи административной, экономической и национальной политики на востоке⁸³⁰. Поэтому не случайно, что 40–50-е гг. ознаменовались активными попытками правительства по поиску и разработке оптимальных, с точки зрения самодержавия, вариантов государственной политики в регионе. Это нашло яркое воплощение в комплексе различных (жандармских, министерства государственных имуществ, сенаторских) ревизий этого периода. Не случайно общей чертой наказов всем ревизорам стало требование представить подробные соображения по совершенствованию системы административного устройства края в целом, организации управления в частности и пр. Одним из аспектов, на который должны были обращать внимание ревизоры, являлся вопрос о состоянии сибирской ссылки⁸³¹.

Неудовлетворительный характер управления ссылными отмечали не только сибирские генерал-губернаторы, но и ревизоры. Свой проект об управлении ссылными представил в МВД сенатор И.Н. Толстой⁸³². В 1849–1851 гг. проводилась ревизия Западной Сибири генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым. Несмотря на то, что внимание Анненкова было обращено главным образом к Западной Сибири, ревизия имела большое значение для всего зауральского региона. Впервые после реформы 1822 г. детальному анализу подверглись все административные новшества, введенные в сибирское управление М.М. Сперанским. В этой связи результаты

⁸³⁰ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 122.

⁸³¹ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 520. Инструкции чиновнику, командированному от 5 отделения С.Е.И.В. Канцелярии для обревизования государственных имуществ в Восточной Сибири; Ф. 468. Оп. 9. Д. 849 (инструкция сенатору-ревизору И.Н. Толстому).

⁸³² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1997. С. 133.

ревизии Анненкова в равной степени относятся и к Западной и к Восточной ее частям⁸³³.

В ходе проверки Н.Н. Анненковым было отмечено, что «местные власти, при настоящем положении полицейского управления, лишены возможности достигнуть мерами административными исправления ссыльных и устройства их, а также не могут и оградить коренного населения от вредного влияния порочных пришельцев». Кроме этого, «содержащиеся в уставе о ссыльных правила о водворении и управлении ссыльными в местах их работ и поселения, ныне почти не применяются и местные власти не скрывают своего бессилия в приведении к устройству находящихся в Сибири ссыльных, число коих между тем год от году увеличивается». Н.Н. Анненков приходит к выводу, что если «нельзя еще ныне уничтожить наказание ссылкой в Сибирь, то... настало уже время для подробного исследования... на месте сего важного вопроса...»⁸³⁴

Министр юстиции граф Панин объяснял «усмотренное генерал-адъютантом Анненковым совершенное не устройство ссыльных» отсутствием у поселенцев «достаточных способов к правильному водворению и к прочному устройству своего хозяйства»⁸³⁵. Заметим, что этот взгляд нашел отражение в проекте Н.Н. Муравьева, который будет рассматриваться ниже.

Член Второго Сибирского комитета статс-секретарь граф Д.Н. Блудов предлагал дополнительно ввести должности двух особых чиновников – главных инспекторов или попечителей над ссыльными (чтобы чиновников обычных «не отвлекать от дел общего надзора»), с подчинением их не только генерал-губернаторам, но и МВД. Схожую идею выдвигал и западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд⁸³⁶. В то же время министр госимуществ граф Киселев полагал, что новых законов для Сибири не нуж-

⁸³³ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 124.

⁸³⁴ Прутченко. Сибирские окраины. Приложения. Т. 1. Спб., 1899. С. 352.

⁸³⁵ Прутченко С. Указ. соч. С. 398–399. Из отзыва министра юстиции гр. Панина на предложения Анненкова.

⁸³⁶ Прутченко С. Указ. соч. Приложения. Т. 2. С. 383. Отзывы графа Блудова на записки Анненкова.

но, решение проблем, указанных ревизором, кроется «не в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений о благоустройстве вообще и об... сельских обывателей в особенности». Для достижения необходимого эффекта он предлагал, «не увеличивая напрасно штатов, возложить это дело лично на генерал-губернаторов»⁸³⁷. Высказанные предложения рассматривались в середине 50-х гг. на заседаниях II Сибирского комитета. Изначально предполагалось пересмотреть действующие постановления о ссылке, однако впоследствии это предложение было снято. Комитет лишь констатировал отсутствие единства в ее управлении, которое оказалось разделено между двумя генерал-губернаторами, а в центре – между МВД и МГИ⁸³⁸.

Дальнейшее развитие системы управления каторгой и ссылкой в крае было связано с административной деятельностью Н.Н. Муравьева. В рамках своей широкой административной программы Муравьев намеревался обратить особое внимание на Забайкалье и на устройство ссыльных, предварив его подробным изучением «на месте недостатков их нынешнего устройства»⁸³⁹.

Забайкалье не случайно привлекало внимание нового генерал-губернатора. Существовавшая система управления Нерчинскими заводами этой области давно вызывала немало споров и дискуссий. Поэтому первую свою задачу Муравьев видел в необходимости выяснить, насколько «выгодно и нравственно полезно» сохранять в ведении этих заводов приписных крестьян. Данный вопрос волновал генерал-губернатора еще и потому, что его предшественник – В.Я. Руперт – неоднократно настаивал на увеличении числа крестьян, приписанных к Нерчинским заводам. Свои сомнения в целесообразности этой меры

⁸³⁷ Прутченко С. Указ. соч. С. 466. Соображения министра госимуществ по записке Анненкова.

⁸³⁸ Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории СССР. Вып. 2. Иркутск, 1971; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1997. С. 22–23.

⁸³⁹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 134; ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2096. Д. 1. Т. 2. Л. 67.

Н.Н. Муравьев объяснял следующими мотивами. Еще М.М. Сперанский в донесении Александру I о Нерчинских заводах указывал, что с использованием труда приписных крестьян «Нерчинское серебро обходится <...> дороже, чем оно стоит». Исходя из этого, Муравьев считал более целесообразным «производить разработку силами одних каторжных, а приписных крестьян обратить к земледелию и обложить их соразмерным налогом»⁸⁴⁰.

В административном отношении итогом посещения Муравьевым Забайкалья стало учреждение 11 июня 1851 г. Забайкальской области⁸⁴¹. Новая область была образована из Верхнеудинского и Нерчинского округов Иркутской губернии. Она становилась равной с губерниями административно-территориальной единицей, и возглавлять ее поручалось не областному начальнику, а военному губернатору. При этом военный губернатор Забайкальской области являлся по статусу одновременно и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска – соответственно, ему подчинялся второй Забайкальский пеший казачий батальон, осуществлявший караульную службу на Нерчинской каторге⁸⁴². В компетенцию военного губернатора, как главного административного лица в области, входил и надзор за Нерчинской ссылкой, в частности, за исполнением режима каторги. Непосредственное же управление ссылнокаторжными по-прежнему составляло круг обязанностей Нерчинского горного правления, распределявшего ссылнокаторжных по рудникам и заводам. Поскольку и военный губернатор, и горное правление находились в ведении «главного начальника» края, постольку и каторга находилась в подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири, который распределял ссылнокаторжных и осуществлял контроль за точным исполнением приговоров⁸⁴³. По ана-

⁸⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1. Л. 1об.-2, 4-4 об.

⁸⁴¹ ПСЗ-2. Т. 26. № 25394.

⁸⁴² Дамешек И.Л. Сибирь в системе окраинной политики... С. 147.

⁸⁴³ Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX – 1917 г.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 142.

логичной схеме было создано управление политической каторгой в Западной Сибири. Однако ее масштабы были крайне незначительны. Поэтому в управлении участвовали только заводское начальство, подчиненное непосредственно генерал-губернатору⁸⁴⁴.

В частности, по сведениям приказа о ссыльных, в Западной Сибири каторжных было практически в 10 раз меньше, чем в Восточной – 1195 и 11 925 человек. В таком же соотношении находились и иные категории ссыльных: на поселение – 1488 и 21 711, на водворение – 292 и 12 444 человек соответственно⁸⁴⁵.

Для Н.Н. Муравьева ссылка представлялась, прежде всего, в качестве основного средства для колонизации края – важнейшего «для нее источника населения». Поэтому переселение в Сибирь, пускай даже преступных элементов, Муравьев считал «не только не отяготительным, но и даже весьма полезным для края». Именно это отношение лежало в основе подхода Муравьева к собственно институту ссылки⁸⁴⁶. Стремясь обеспечить возможно больший приток в край ссыльных, Муравьев предлагал заменить ряд уголовных наказаний (заключение в тюрьмах, арестантских ротах и пр.) ссылкой в Сибирь⁸⁴⁷. Между тем приток значительного количества населения не мог обеспечить в полной мере колонизационные задачи. Необходимо было создать условия для хозяйственного закрепления в Сибири этого, по сути, временно пришлого населения. В этой связи заслуживающим внимания представляется взгляд Муравьева на устройство поселенцев.

Муравьев предлагал производить четкую градацию между двумя основными категориями ссыльных – каторжными и поселенцами. Генерал-губернатор исходил

⁸⁴⁴ Тальская О.С. Декабристы в крепостях и линейных батальонах Западной Сибири // Учен. записки Барнауль. гос. пед. института. 1966. Т. 11. С. 25–30.

⁸⁴⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 525. Л. 14.

⁸⁴⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2096. Д. 1. Т. 3. Л. 3, 23.; Кузнецова Е.А. Взгляд Н.Н. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Сборник научных трудов. Вып. 12. Иркутск, 1991. С. 97.

⁸⁴⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2096. Д. 1. Т. 3. Л. 3–5, 28–30.

из того, что в соответствии с уголовным законодательством «первых из них должно мерами правительства употреблять в работу... последние могут мерами правительства селиться, но не могут быть употребляемы в работу»⁸⁴⁸. Однако подобный подход противоречил действовавшему Уставу о ссыльных 1822 г. Устав подразделял всех «ссыльных на поселение в Сибирь ...на 6 разрядов: 1. заводские работники; 2. ведомство сухопутных сообщений; 3. в ремесленники; 4 в цех слуг; 5. на поселение; 6. в неспособные»⁸⁴⁹. В основе данного разделения лежало как раз стремление привлекать их в работу «мерами правительства», т. е. фактически использовать их подневольный (принудительный) труд. Более чем четвертьвековое существование подобного порядка (с 1822 г. до начала 1850-х гг.) доказало его явное неудобство. Низкая производительность принудительного труда была основной причиной, по которой к середине XIX в. фактически все разряды ссыльнопоселенцев (за исключением собственно поселенцев) прекратили свое существование. Поэтому при рассмотрении вопроса о реорганизации ссылки Муравьев выступал категорически против употребления «поселенцев в разные работы». Более того, он полагал, что «ссыльных на поселение... было бы во всяком случае противозаконно употреблять в работы мерами правительства»⁸⁵⁰. Исходя из интересов экономического развития края, Муравьев понимал необходимость создания для поселенцев условий для их хозяйственного закрепления в Сибири, а в последующем — и включения в число государственных крестьян. В рамках этого Муравьев предлагал снять ограничения свободы переселенцев в приобретении недвижимой собственности (по Уставу 1822 г. собственность могла приобретаться только на имя экспедиции о ссыльных).

Однако подобного рода предложения встретили резкую критику со стороны центральной власти. Например,

⁸⁴⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2096. Д. 1. Т. 3. Л. 181.

⁸⁴⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 193.

⁸⁵⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Там же. Л. 181–183.

граф Д. Блудов, управляющий Вторым отделением Императорской канцелярии, отказывался принимать доводы Муравьева: «Можно ли преступнику, лишенному всех прав состояния, в том числе и прав на собственность, вдруг без всякого разбора и испытания возвращать свободу и права потому только, что он дошел до Сибири...»⁸⁵¹ Таким образом, мы наблюдаем два подхода к институту ссылки: либеральный – со стороны генерал-губернатора, заинтересованного, прежде всего, в экономическом развитии края, и имперский – со стороны центральной власти, обеспокоенной, прежде всего, реализацией карательной составляющей наказания.

Помимо этого, Муравьев отмечал ряд недостатков системы управления ссыльными. Созданные по Уставу 1822 г. специальные органы – экспедиции о ссыльных, учрежденные «при губернских правлениях: Тобольском, Томском, Енисейском и Иркутском», обладали неопределенными правами в отношении ссыльных. При этом центральный орган системы – Тобольский приказ – исполнял ограниченные функции «приема, распределения... и общего счета ссыльных»⁸⁵². Муравьев же имел четкие представления, каким образом должна быть организована система управления ссыльными. Они нашли свое выражение в его проекте особого положения о порядке управления ссыльными в Восточной Сибири. Документ был составлен в 1860 г. чиновником особых поручений Б.А. Милютиным, при этом «основные указания... даны были графом Муравьевым»⁸⁵³. Построенный по аналогии с «Сибирским Учреждением Сперанского», проект предполагал создание трехуровневой системы управления ссыльными. При этом на каждом уровне (главном, губернском и местном), планировалось учреждение особых органов, чья компетенция ограничивалась исключительно вопросами управления ссыльными. Таким обра-

⁸⁵¹ ГАИО. Ф. 24. Т. 3. Л. 279.

⁸⁵² ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 156–164.

⁸⁵³ Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 601.

зом, происходило отделение управления ссылными от прочих дел местной администрации. Заметим, однако, что компетенция планируемых новых органов законодательно не закреплялась и, соответственно, зависела от усмотрения генерал-губернатора⁸⁵⁴. При этом высший надзор и управление ссылными в законодательном порядке должны были составлять прерогативу исключительно генерал-губернатора.

Предполагалось, что в части реализации обозначенных функций генерал-губернатор будет действовать через вертикаль власти – губернаторов и начальников областей, а также через особого чиновника – главного инспектора ссыльных. При этом управление главного инспектора планировалось в качестве единого (в рамках генерал-губернаторства) специального органа управления ссылными, а сам инспектор входил в состав ГУВСа в качестве члена совета и «имел прямые сношения» с областными и губернскими начальниками⁸⁵⁵. Второй уровень управления, под непосредственным руководством губернаторов, составляли губернские инспекторы ссыльных. В соответствии с проектом в Восточной Сибири планировалось учреждение пяти инспекторских должностей – в губерниях Енисейской, Иркутской, в областях Якутской и Забайкальской. При этом в Забайкалье предполагалось две инспекторские должности, что обуславливалось наличием здесь Нерчинской каторги и концентрацией большого количества ссыльных, в числе которых были «важнейшие, требующие особого надзора»⁸⁵⁶.

На третьем уровне управления (местном) должностными лицами выступали полицмейстеры и смотрители тюрем. При этом в Нерчинском округе планировалось создание, под руководством инспектора ссыльных, тюремного управления в составе смотрителей тюрем (по одному чиновнику на каждую тюрьму). Таким образом, авторы проекта указывали на необходимость изъятия

⁸⁵⁴ Кузнецова Е.А. Указ. соч. С. 101, 103.

⁸⁵⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Т. 2. Л. 103–104.

⁸⁵⁶ Там же. Т. 2. Л. 152об.–153 об.

каторжных из ведения горного и заводского начальства, основной целью которого была успешная реализация хозяйственной деятельности, в ущерб функции управления.

Каторжные, отбывающие наказание в остальных тюрьмах Восточной Сибири, должны были находиться в управлении смотрителей тех тюрем, а живущие «при заводах свободно» – в ведении полицмейстеров. Поселенцы попадали в юрисдикцию местного начальника (полицмейстеров и городничих в городах и сельского начальства в деревнях). При этом инспекторы ссыльных должны были осуществлять над поселенцами функции попечительства и надзора⁸⁵⁷. Таким образом, рассматриваемый проект явился первой (и, пожалуй, единственной) попыткой существенной корректировки системы управления ссыльными. Впервые было предложено законодательно позиционировать компетенцию Главного управления (фактически генерал-губернатора) в части управления ссыльными, а также установить единую (в масштабах генерал-губернаторства) систему специальных органов управления ссыльными, отделив их от других дел местной администрации. Однако проект, при его явном прогрессивном характере, не был утвержден – по словам упомянутого Б.А. Милютин, Муравьев сам снял его с обсуждения, ввиду определенных политических соображений⁸⁵⁸.

60-е гг. XIX столетия ознаменовали собой очередной этап в развитии системы управления сибирской каторгой и ссылкой. В этот период происходит значительное увеличение числа ссылаемых на каторгу политических и государственных преступников. Связано это было с усилившимися революционными настроениями в Европейской России. На каторгу стали прибывать участники польского восстания 1863 г. и народовольцы. Они переходили в распоряжение управленческого аппарата Нер-

⁸⁵⁷ ГАИО. Т. 2. Л. 156–158.

⁸⁵⁸ Милютин Б.А. Указ. соч. С. 607; Кузнецова Е.А. Указ. соч. С. 104.

чинского горного округа. Столь значительное увеличение контингента Нерчинской каторги вызывало серьезные опасения со стороны местных сибирских властей, и прежде всего, генерал-губернатора М.С. Корсакова. В объяснительной записке генерал-губернатора на имя управляющего делами Второго Сибирского комитета В.П. Буткова отмечалось, что распределение государственных преступников «по разным рудникам и заводам представляет весьма важные неудобства», вследствие «недостатка надзора» за последними. Корсаков опасался, чтобы каторжным «не делали послабления... и чтобы они не имели никаких сношений с посторонними лицами и не распространяли своих вредных идей». Поскольку за государственными преступниками «необходим особый постоянный надзор», Корсаков предлагал учредить при Нерчинских заводах «особое Комендантство»⁸⁵⁹.

Вопрос обсуждался на заседании Сибирского комитета в марте 1864 г. Предложение Корсакова нашло поддержку у военного министра Милютина, который в целом согласился с проектом штатов нового комендантства. Между тем министр финансов Рейтерн, поддерживая общую идею проекта об усилении надзора за политическими преступниками, предложил не учреждать комендантское управление, ограничиться назначением особого чиновника. Такое решение обещало сокращение расходов государственного бюджета. В конечном итоге предложение Корсакова было принято. 5 апреля 1864 г. последовало высочайше утвержденное «Положение об учреждении в Нерчинских заводах комендантского управления»⁸⁶⁰. Таким образом, комендантское управление, как чрезвычайный орган для надзора за государственными преступниками, создавалось на Нерчинской каторге вторично. На вновь назначаемого коменданта возлагались функции надзора и одновременно начальника караульной службы. Начальником комендантского

⁸⁵⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. 1863 г. Д. 149. Л. 1–2 об., 23.

⁸⁶⁰ ПСЗ-2. Т. 38. № 40762.

управления был назначен генерал-майор М.С. Шилов. Изначально штат управления был ограничен четырьмя офицерами и девятью солдатами. Лишь в 1865 г. произошло незначительное увеличение штата⁸⁶¹. В отличие от своего предшественника, комендант второго управления подчинялся не только Третьему отделению, но и генерал-губернатору Восточной Сибири. Однако это не было единственным отличием в статусе комендантов. Второе комендантское управление с самого начала учреждалось в качестве надзорного органа над всеми политкаторжанами — «государственными» и «политическими» преступниками. Это обстоятельство обеспечивало ему одновременно расширение и усложнение компетенции по сравнению с предшествующим управлением. Между тем на практике новое учреждение существенно «проигрывало» первому комендантскому управлению, которое превосходило своими юридическими правами любой современный ему сибирский административный орган. Как уже отмечалось, начальник Второго комендантского управления подчинялся генерал-губернатору Восточной Сибири. Это обстоятельство позволяло высшей сибирской администрации, в рамках реализации своей функции управления каторгой и ссылкой, не только контролировать, но и оказывать определенное давление на коменданта. В данном случае весьма показательным является определенная конфронтация между М.С. Шиловым и представителями местной власти. Пытаясь действовать по образцу своего предшественника Р.С. Лепарского и стремясь к полной самостоятельности, Шилов требовал от военного губернатора Забайкалья генерал-майора Дитмара и горного начальника Нерчинских заводов всемерного содействия. Приехав в Нерчинские заводы в октябре 1864 г., Шилов пришел к выводу о том, что комендантское управление еще не готово к приему политических преступников, что и было зафиксировано им в рапорте на имя М.С. Корсакова. Кроме этого, Шилов вы-

⁸⁶¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 1736. Д. 36. Л. 40.

сказывался о невозможности сосредоточения политических преступников в одном месте (вследствие отсутствия соответствующих тюремных помещений)⁸⁶².

Вслед за этим новый комендант отправляет донесение шефу жандармов князю Долгорукому, в котором отказался принимать «в свое заведывание всех политических преступников, размещенных по рудникам и заводам Нерчинского горного округа» до тех пор, пока не будут созданы соответствующие условия – «чтобы арестанты могли быть содержимы на законном основании, то есть в тюрьмах, с приличною стражею и закованными в кандалы»⁸⁶³. М.С. Шилов не случайно делал столь смелые заявления. Инициатива назначения именно Шилова на должность начальника Второго комендантского управления принадлежала самому императору. На нового коменданта имперские власти возлагали большие надежды. Не случайно даже материальное содержание Шилова примерно соответствовало льготному окладу его предшественника – С.Р. Лепарского.

Корни сложившегося конфликта крылись в непродуманности и противоречивости правового положения Комендантского управления (и его начальника) при отсутствии четкой согласованности с общей структурой местного управления⁸⁶⁴. Между тем именно факт подчинения начальника управления генерал-губернатору Восточной Сибири дал основания замещавшему Корсакова Шелашникову тонко намекнуть, что если Шилов «изволит опасаться ответственности принятия в свое ведение политических преступников при настоящих обстоятельствах», то Шелашников, «как Начальник края», опасается «законной ответственности за оставление политических преступников без Комендантского над ними надзора именно в настоящее время...» Далее следовало

⁸⁶² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 8. К. 1758. Л. 52–52 об.

⁸⁶³ Там же. Л. 64.

⁸⁶⁴ Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Сборник научных трудов. Вып. 10. Иркутск, 1987. С. 109, 112.

предупреждение, что складывающаяся ситуация вынуждает Шелашникова «командировать особого штаб-офицера для учреждения Комендантского надзора над политическими преступниками на Нерчинских заводах, впредь до надлежащего их устройства...»⁸⁶⁵ Подобного рода давление вышестоящей администрации оказалось весьма эффективным. Спустя несколько недель комендант М.С. Шилов докладывал властям о принятии в управление политкаторжан «на Нерчинских заводах и рудниках в числе 370 человек»⁸⁶⁶.

Несовершенство правового статуса второго Нерчинского комендантства привело к тому, что в дальнейшем его структура и компетенция складывались в процессе практической деятельности во взаимоотношениях с местной и горной кабинетской администрацией⁸⁶⁷.

Шестидесятые годы XIX столетия были эпохой «Великих реформ», которые коснулись и Нерчинской каторги. Стремясь сделать управление каторгой более удобным, имперское правительство решает передать каторжных из горного в гражданское ведомство МВД. Следует заметить, что в данном случае речь шла не о политической, а об уголовной каторге. Официально это мотивировалось тем, что использование труда ссыльно-каторжных на рудниках Кабинета стало невыгодным.

4 марта 1869 г. это намерение было закреплено юридически – положением «О передаче Нерчинских ссыльно-каторжных и Петровского завода из горного ведомства в гражданское»⁸⁶⁸. Фактически было произведено разграничение полномочий двух вышеназванных ведомств в части управления ссыльно-каторжными. Организация работ на промыслах и рудниках составляла прерогативу горного ведомства, а надзор входил в компетенцию соответственно гражданского⁸⁶⁹. В результате из юрисдикции

⁸⁶⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 139. Л. 331.

⁸⁶⁶ Там же. Л. 331; Клер Л.С., Шостакович Б.С. Там же. С. 115.

⁸⁶⁷ Клер Л.С., Шостакович Б.С. Там же. С. 117.

⁸⁶⁸ ПСЗ-2. Т. 44. № 46811.

⁸⁶⁹ Там же. № 46984.

администрации Нерчинского горного округа было изъято управление одноименной каторгой и передано в ведение созданному тюремному управлению при военном губернаторе Забайкальской области. Эти изменения коснулись лишь ссылки уголовной, политические каторжные по-прежнему оставались в ведении особого органа надзора.

5 февраля 1874 г., вследствие значительного сокращения числа государственных преступников, император Александр II упраздняет Нерчинское комендантское управление. Оставшихся государственных преступников (не более 50 человек вместе с ссыльными поляками) переводят на Карийские золотые промыслы, где была создана должность заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными⁸⁷⁰. Заведующий подчинялся непосредственно военному губернатору Забайкальской области, а через него – генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, государственные преступники переходили в систему общеуголовного управления, а генерал-губернатор по-прежнему оставался «главным начальником» пенитенциарной системы в Сибири.

В последующие годы, в связи с нарастанием в стране революционных настроений, вновь возрастает поток политических каторжных. Необходимость обеспечения над ними надлежащего надзора заставила правительство разрабатывать новые подходы к управлению каторгой. В итоге 27 февраля 1879 г. в составе министерства внутренних дел был создан принципиально новый орган – Главное тюремное управление (ГТУ). В его ведение переходило «главное заведование тюремной частью гражданского ведомства», арестантская пересыльная часть и исправительные приюты⁸⁷¹. Таким образом, Нерчинская каторга перешла в юрисдикцию ГТУ, однако государственные преступники оставались под надзором Третьего отделения. Заметим, что эти преобразования не отразились на полномочиях генерал-губернатора как

⁸⁷⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1875 г. Оп. 50. Д. 80. Л. 52; ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 1758. Д. 8. Л. 321 об. – 322.

⁸⁷¹ ПСЗ-2. Т. 54. № 59360.

главного начальника над каторгой в вверенном ему крае и представителя МВД.

Определенные изменения в системе управления Нерчинской каторгой произошли в связи с созданием в июле 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства (существовало с 1880 г.)⁸⁷². Первым Приамурским генерал-губернатором 14 июля 1884 г. стал генерал-адъютант, барон А.Н. Корф⁸⁷³.

С передачей Забайкальской области в новое генерал-губернаторство правительство стремилось сосредоточить всю каторгу на острове Сахалин, в пределах Нерчинского горного округа, на Карийских золотых промыслах⁸⁷⁴. При этом все каторжные учреждения на востоке передавались в юрисдикцию приамурского генерал-губернатора⁸⁷⁵.

Карийская каторга как самостоятельное карательное учреждение существовала с середины 60-х гг. XIX. до 1890 г. За этот период на Каре перебивало 217 человек (32 женщины и 185 мужчин), осужденных на разных политических процессах. Ее упразднение было связано с Карийской трагедией 1889 г., когда произошло массовое самоубийство политических заключенных на каторге. Политические заключенные этой каторги постоянно сопротивлялись произволу тюремного начальства. 11 августа 1888 г., за отказ встать перед приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом, заключенная Е.Н. Ковальская была переведена в Читинскую тюрьму. Перевод сопровождался издевательствами со стороны жандармских властей. Узнав об этом, ее товарищи (М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая), потребовали уволить виновника издевательства – коменданта тюрьмы Масюкова. На отказ они ответили длительными голодовками (в августе 1888 г., а также в мае и сентябре 1889 г.).

⁸⁷² ПСЗ-З. 1884 г. № 2524.

⁸⁷³ Библиотека РГИА. Там же. Л. 9.

⁸⁷⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 12. Карт. 1080. Д. 6. Л. 344.

⁸⁷⁵ Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой... С. 149.

Однако администрация не пошла на уступки. Волнения в тюрьме не прекращались. За попытку нанести Масюкову пощечину заключенная Н.К. Сигида 7 ноября 1889 г. была высечена. В ту же ночь в знак протеста Сигида, Ковалевская, Калюжная и Смирницкая отравились; 14 чел. в мужской политической тюрьме 12 ноября приняли яд (из них двое – И.В. Калюжный и С.Н. Бобохов – умерли)⁸⁷⁶.

В том же 1890 г., указом от 13 декабря, произошла передача Главного тюремного управления из МВД в ведомство юстиции: «ввиду крайней обширности и многообразия предметов ведения министерства внутренних дел»⁸⁷⁷. Заметим, что эта мера не отразилась на системе управления каторгой, которая по-прежнему находилась в юрисдикции генерал-губернатора. В июне 1895 г. было произведено преобразование управления на самой Нерчинской каторге⁸⁷⁸. Оно подразумевало передачу всех мест заключения Нерчинского горного округа в подчинение начальника Нерчинской каторги. Последний при этом оставался подконтрольным военному губернатору Забайкальской области. Создаваемая структура соотносилась с общей структурой управления края. В составе управления каторгой было создано особое присутствие под председательством самого начальника каторги, которое занималось вопросами правового положения заключенных⁸⁷⁹.

Нерчинская каторга продолжала существовать вплоть до октябрьской революции 1917 г.

Вопросы преобразования российской каторги оставались актуальными на протяжении нескольких веков. В одних случаях они рассматривались на уровне общетюремного законодательства, в XIX – начале XX вв. – как реформирование непосредственно института каторжных работ⁸⁸⁰.

⁸⁷⁶ Гернет М. Н., История царской тюрьмы. Т. 3. (1870–1900). М., 1961. С. 323–330.

⁸⁷⁷ ПСЗ-З. Т. 15. № 12272.

⁸⁷⁸ Устав о ссыльных // Свод зак. СПб., 1904. Т. 14. Прил. к ст. 26.

⁸⁷⁹ Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита, 1998. С. 48.

⁸⁸⁰ Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 130–140; Степанова Н.Г. (Шенмайер). Каторга в системе карательной политики Российского самодержавия // Сибирская

В это период времени правительство приходит к пониманию, что «до тех пор, пока система высылки... не будет изменена – ничего не выйдет ни из Сибири, ни из Сахалина»⁸⁸¹. Итогом стало издание закона 12 июня 1900 г., в соответствии с которым произошла отмена общеуголовной ссылки в Сибирь⁸⁸².

Таким образом, общее, генеральное руководство системой каторги и ссылки (административной, уголовной и политической, в равной степени) осуществлял генерал-губернатор. При этом законы, кодифицирующие сибирскую ссылку (прежде всего, Устав о ссыльных 1822 г.), позиционируя деятельность местной администрации в части организации управления ссылкой, даже не упоминают о генерал-губернаторе⁸⁸³. Генерал-губернатор подчинялся лично императору и осуществлял общее политическое руководство краем. Наместник выступал в качестве главного блюстителя «неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»⁸⁸⁴.

Именно это обстоятельство обуславливало его центральное место в управлении учреждениями пенитенциарной системы края. Однако, несмотря на исключительно широкие полномочия генерал-губернатора, его компетенция, как уже отмечалось, не распространялась на особые органы надзора за «государственными преступниками» – Нерчинское комендантское управление, а также на администрацию Нерчинского горного управления (до 1830 г.), в ведении которого находилась Нерчинская каторга.

ссылка (XIX–XX вв.). Вып. 2 (14). Иркутск, 2003. С. 187.

⁸⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. 1. Эксп. Оп. 50. Д. 80. Л. 15 об.

⁸⁸² Марголис А.Д. Указ. соч. С. 14.

⁸⁸³ Устав о ссыльных Глава XVIII – Образование управления ссыльными в Сибири.

⁸⁸⁴ Общ. Губ. Учр. Ст. 208. Св. зак. Т. 2., изд. 1892 г.

Заклучение

В рассматриваемый в диссертации период времени происходило дальнейшее увеличение территории империи. К Российскому государству отошли почти все Закавказье, Финляндия и Польша. Осуществлялось это различными способами. Один из них – объявление определенной территории входящей в состав империи – то есть своей государственной территорией (как, например, Закавказье). Другой способ – это сохранение на территории окраины собственной государственной структуры, которая была бы подконтрольна метрополии (Финляндия, Польша).

В связи с увеличением территории государства, изменением внешне- и внутривполитической обстановки, самодержавие в начале XIX – начале XX вв. стремилось приспособить административную систему к изменяющимся условиям. С одной стороны, новая административная политика пыталась учитывать некоторые особенности вновь присоединенных земель и их населения. С другой – борьба различных правительственных группировок по вопросам окраинной политики вынуждала правительство к политическому лавированию между частичными преобразованиями и военно-полицейскими методами управления.

Усложнение задач государства толкало правительство к поиску оптимальной модели взаимоотношения с окраинами, созданию универсальной системы управления. Однако именно сложность этой задачи, обусловленная различными геополитическими, международными и иными факторами, порождала поливариантность управления и административного устройства окраин империи.

Представленные в диссертации основные модели окраинного управления империи отличались вариативностью и стремлением учитывать местную специфику инкорпорируемых территорий. Система окраинного управления имела ряд общих черт. Прежде всего, это существование главы местной администрации в лице наместника или генерал-губернатора. Пользующийся личным доверием императора, он обладал широкой компетенцией и определенной долей автономии для решения на месте большинства возникавших вопросов. Второй особенностью этой системы являлось использование местных обычаев и местных институтов управления, судебной системы, активное привлечение национальной элиты к делам управления окраины. Третьей существенной особенностью было стремление к унификации системы управления всеми окраинами в целях их полной инкорпорации в империю.

Таким образом, Российская империя начала XIX – начала XX вв. представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на огромной территории от Балтики до Тихого океана. Характерными чертами российской окраинной политики были ее поливариативность и значительная гибкость, что в конечном итоге обуславливало столь длительное и стабильное существование самой империи.

На окраинную политику самодержавия несомненное влияние оказывали ресурсный и этнический факторы. Влияние ресурсного фактора находило выражение в законодательной политике и практике. В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это

повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии, и, как следствие, разработке единого законодательства.

Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Осуществляться она предполагалась посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле. Россия стремилась к сплочению державы, и «любые проявления нерусскости стали рассматриваться как признаки раздробленности, слабости и даже предательства»⁸⁸⁵.

Одно из важных мест во внутренней политике самодержавия занимала Сибирь. Ее место в экономике России на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось неизменным, как поставщика сырья, но само содержание понятия «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем, в связи с истощением пушных запасов и открытием месторождений золота, именно оно стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства, прежде всего – это масло. Именно это аграрное сырье служило источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика в экономических вопросах в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Не случайно в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становится основным источником финансовых поступлений от эксплуатации

⁸⁸⁵ Туомо Полвинен. Держава и окраина... С. 23.

сибирских земель. Это находило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации.

Ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей численности народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 1,2 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

В российском законодательстве применительно к Сибири на протяжении длительного периода можно наблюдать сочетание имперских признаков и регионализма. Наиболее ярко региональные мотивы проявились в первой четверти XIX в. и были связаны с преобразованиями М.М. Сперанского. В конце XIX и начале XX столетия в законодательстве отчетливо прослеживается преобладание имперских тенденций, что было связано с формированием и реализацией на практике консервативной идеологии поздней империи.

В России характерной особенностью политики имперского регионализма стало образование высших правительственных комитетов по управлению конкретными регионами. В хронологическом отношении возникновение особых комитетов не было случайным. Это были периоды крупных административных преобразований или революционных выступлений. В XIX в Российской империи были образованы и длительное время существовали высшие территориальные комитеты: Первый и Второй Сибирские – 1821–1838, 1852–1864; Кавказские комитеты – просуществовавшие под разными названиями с 1837 по 1882 г; Комитет по делам царства Польского – 1831–1841; Комитет Западных губерний – 1831–1848; Западный комитет – 1862–1865; Комитет по делам цар-

ства Польского – 1864–1881; Комитет Сибирской железной дороги – 1892–1905.

Само их появление отражало изменение общего статуса окраины в составе империи, ее места в системе экономических, хозяйственных и социокультурных связей государства. В своей деятельности особые комитеты учитывали региональную специфику края, что повышало эффективность принимаемых управленческих решений. Процесс развития особых органов управления азиатскими территориями империи носил неравномерный характер, а само их возникновение обуславливались не стратегическими, а тактическими задачами, решаемыми властью на данном историческом отрезке времени. На всех этапах возникновения и деятельности особых комитетов по управлению Сибирью можно наблюдать осторожное, а по временам и достаточно сильное вмешательство государства в жизнь данной окраины. Анализ политики имперского регионализма, выполненный на примере изучения деятельности особых комитетов по управлению регионом, позволяет заключить, что при несомненном учете специфики данной территории, конечная цель этих высших территориальных комитетов заключалась в том, чтобы теснее увязать Сибирь с Россией. Призрак потенциального сепаратизма неотступно преследовал сановный Петербург на всех этапах и уровнях развития взаимоотношений центра и периферии. Следствием этого стал отказ от политики «показной снисходительности» и переход к политике реальной унификации управления центра и окраин империи в конце XIX в.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в ней генерал-губернаторской власти. Возникнув в период петровских преобразований преимущественно как административно-хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в европей-

ской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривнутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. В начале XX в. в России действовало 9 генерал-губернаторств. Характерно, что 5 из них располагались на территории азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом.

Генерал-губернаторы Сибири, равно как и других окраин империи, не только формально, но и на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии. Как правило, это были люди военные в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3 и 2 классу Табели о рангах. По своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

Вторым человеком в иерархии местного сибирского управления являлся губернатор. В отличие от европейских коллег, сибирские губернаторы в реализации своих властных полномочий были ограничены существованием генерал-губернатора, с разрешения которого они действовали. Об этом свидетельствует как их юридическое, так и реальное положение в местной административной иерархии. Подобную специфику функций и полномочий сибирской губернской администрации обуславливала Сибирская реформа 1822 г. Наличие особого сибирского учреждения обусловило ситуацию, в результате которой ряд последующих нормативных актов, определяющих (корректирующих) юрисдикцию губернаторов, не распространялся на их сибирских коллег, о чем в документах особо указывалось.

Политическое значение губернаторов было несравненно ниже, чем генерал-губернаторов. Если назначение генерал-губернатора традиционно являлось «личным выбором монарха», то кандидатов на губернаторский пост обычно представлял министр внутренних дел. Назначение же производилось высочайшим повелением. Губернаторские должности были не столь престижны (по сравнению с генерал-губернаторскими), поэтому в большинстве случаев кандидатами на эти посты выступали немолодые провинциальные чиновники (председатели палат, вице-губернаторы, губернские прокуроры или армейские генералы из числа тех, кто не надеялся на удачную военную карьеру). В частности, в период с 1822 по 1905 г. на посту сибирских губернаторов (в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях) побывало 84 человека (в том числе 12 забайкальских военных губернаторов, двое из которых имели чин генерал-лейтенанта, остальные были генерал-майорами). 34 губернатора являлись действительными статскими советниками, 3 имели чин статского (5 класс), 1 – надворного советника (6 класс). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Сибири соотношение воен-

ных и гражданских чинов на губернаторских должностях было примерно равным. Всего за период 1822–1917 гг. (т. е. за 95 лет) в Сибири было 124 губернатора.

Характер деятельности губернаторов во многом определялся их личными качествами. Именно они являлись важнейшим фактором, обуславливавшим действия губернатора. Роль губернатора в местном управлении была очень значительна. Не случайно именно губернатор является часто встречающимся представителем бюрократии в художественных произведениях.

Определенную специфику функций местной администрации (в том числе, губернаторов) определял состав населения в подведомственной губернии. Поэтому в Сибири, которая с XVII в. являлась местом массовой ссылки, надзор за ссыльными для губернаторов был одним из важнейших дел. Общее руководство пенитенциарными учреждениями края было возложено на генерал-губернатора как главное должностное лицо региона. Наделенный исключительно широкими полномочиями, наместник осуществлял контроль над деятельностью всех подчиненных учреждений в пределах вверенного ему генерал-губернаторства, в том числе органов управления каторгой и ссылкой. Генерал-губернатор через подчиненных чиновников обеспечивал прием, распределение, сопровождение и в конечном итоге надзор за расположенными на подведомственной территории учреждениями пенитенциарной системы. В частности, на губернаторов (в том числе, военных – например, в Забайкальской области) были возложены управление подчиненными полицейскими учреждениями, административно-полицейские, хозяйственные вопросы и проч. Губернатор должен был следить не только за состоянием тюрем и острогов, но и в целом за всеми ссыльными, находящимися на вверенной ему территории (в том числе, политическими). Все дела в части управления ссылкой на губернском уровне аккумулировались в экспедиции о ссыльных, которая являлась одним из отде-

лений губернского правления⁸⁸⁶. По вопросам политической ссылки генерал-губернаторы подчинялись начальнику Третьего отделения, а через него – императору. Губернаторы через генерал-губернатора подчинялись министерству внутренних дел, однако на практике они находились в ведении Третьего отделения и начальника Сибирского жандармского округа, осуществлявшего контроль за функционированием местной администрации и соблюдением режима каторги и ссылки⁸⁸⁷.

На основе анализа «Сибирского учреждения» и Устава о ссыльных можно сделать вывод о том, что компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов. Генерал-губернаторская власть выступала прежде всего в качестве органа надзора⁸⁸⁸.

Во второй половине XIX в. на восточных окраинах империи зарождается принципиально новое общественное движение – сибирское областничество. Отличительной чертой областничества была его яркая патриотическая направленность, любовь к своему краю. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, стоявшие у истоков областничества, выдвинули в качестве основы движения тезис о Сибири как специфической области (территории) в составе российского государства. Преобладающее влияние на формирование взглядов областников оказали идеи народников и истории западноевропейских колоний, политические и экономические теории того времени. В конечном итоге именно западные идеи и колониальный опыт подтолкнули областников к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи.

⁸⁸⁶ ПСЗ-1. № 29125. § 33, 43, 44; № 29128. § 205, 214, 233–237.

⁸⁸⁷ Положением 28 апреля 1827 г. вся территория империи была разделена на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX. Омск, 1995. С. 121.

⁸⁸⁸ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 110–111.

Таким образом, для областников 1860-х гг. Сибирь являлась колонизируемой окраиной России. Главными действующими лицами колонизации восточного региона империи выступали вольнолюбивые и предприимчивые элементы русского народа. Ее результаты были крайне невыгодны феодальному государству, фактически превратившему окраину в свою экономическую колонию и затормозившему развитие ее экономики и культуры. Поэтому исключительно важное значение для областников представлял экономический аспект колониального вопроса. Только при условии развития собственной промышленности становилось возможным повышение ценности труда и освобождение от «мануфактурного ига» столицы. Одними из основополагающих пунктов областной концепции являлись так называемый «иностранческий» вопрос и вопрос об отмене ссылки. Их решение общественная мысль региона определяла в качестве общегосударственной задачи.

В реализации своей общественной деятельности областники исходили из просветительских позиций. В основу большинства их теоретических построений был положен тезис о распространении знаний как основе прогресса. Просвещение представлялось областниками в качестве мощного средства для решения множества местных проблем, в том числе «иностранческого» вопроса. Поэтому не случайно, что вопрос об открытии в Сибири университета был для областников одним из принципиальных.

В «реализации главных сибирских вопросов», поставленных областниками, можно, отметить только открытие университета в Томске и введение, на исходе века, в Сибири судебных реформ. Попытки областников начать в Сибири практическую деятельность, донести свое видение «нужд» региона до местного общества закончились «Делом сибирского сепаратизма» 1865–1868 гг., которое, наряду с другими факторами, на целое десятилетие парализовало общественное движение в крае.

Практическая деятельность областников 70–90-х годов внесла существенный вклад в научное изучение Сибири. Многие из них сотрудничали с местным отделом Русского географического общества.

В конечном итоге неоднократные попытки областного актива перейти к практическим действиям и создать соответствующую общесибирскую организацию успеха не имели. Вместе с тем, это движение более полувека оказывало свое благотворное влияние на самые разные стороны жизни Сибири.

Лев Михайлович Дамешек
Ирина Львовна Дамешек

Избранное

Том II
Сибирь в системе
имперского регионализма
(1822–1917 гг.)

Монография

Корректор: М.В. Ильина
Верстка: И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 01.03.2018 г.
Формат 60х84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Journal.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,1. Уч.-изд. л. 24,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 25.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru